

84(2-632.1)/6
Я320

В. Ядаганов

ей на свете,
пальцев на ручках этих
екрасней, милее нет.

ный запах твой я вдыхаю
тобою ночами стою.
к ребенок, с тобою
лыбешки...

Впереди неизвестность, а дорога светла,

Я иду как по скользкой отмостке.

А отмостка, судьба, из простого стекла,

Позади лишь осколки,

Осколки...
3

Вячеслав Ядаганов

ОСКОЛКИ 3

Повесть, рассказы

Новосибирск
2021

ББК 84(Р2ос-Рус)6-4
Я 320

Вячеслав Ядаганов

Осколки 3: повесть, рассказы. – 2021, 287 с.

© Ядаганов В., 2021

Содержание

От автора.....	4
Отзыв Киндиковой Н.М.....	7
Стихи и мусорный бак.....	14
Диалоги.....	17
Остановись, время!.....	23
Жазитович.....	27
«Собаки».....	32
На берегах Катуни.....	66

От автора

Здравствуйте, дорогие мои читатели!

Очень приятно, что мы опять встретились. Что интересного произошло в моей творческой жизни за это время?

Конечно же, презентация моих книжек в Национальной библиотеке, в г. Горно-Алтайске, 26 марта 2021г. Она несколько раз переносилась из-за пандемии, и вот, все-таки состоялась. Людей было сравнительно много, было интересно. Я рассказывал про свои творческие дела, читал кое-что из прозы, стихов; присутствующие задавали вопросы. Добрые слова поддержки, напутствия говорили многие, в том числе Киндикова Н.М., доктор наук, литературовед, известная писательница Сартакова С.М. Раздал всем свои книжки.

В газетах «Звезда Алтая», «Вестник Горно-Алтайска», «Алтайдыны Чолмоны» время от времени печатались мои рассказы «Грамоты», «Шебалинские доярки», «Подарок», «Звонки с Севера», «Бабушка». Думаю, не без участия Марины Ябыковой, она еще переводит мои рассказы.

В журнале «Сибирские огни» (г.Новосибирск) опубликованы два рассказа, «Аппендицит» и «Чиновник».

Торбокова З.М. из телерадиокомпании взяла заочно интервью у меня. Пожелала исполнений моих планов в творчестве.

Что до планов, то одна моя читательница спрашивает меня о них. Я говорю: «Некоторые боятся

говорить о своих планах, чтобы удачу не спугнуть. А я не боюсь нисколько, потому что мои творческие планы так и так в жизнь не претворяются».

А если серьезно, есть много вещей, которые начаты, и планирую их закончить, а не получается. Так что процесс этот – трудно поддающийся планам. Неожиданно может выскочить что-то «вне плана».

Как-то просматривал свои старые записи, и нашел какой-то список на старом листочке. Смотрю на фамилии и не могу вспомнить, кто эти люди. А потом посмотрел на начало списка, а там: «СПТУ-18, 2 группа, 1979-1980г.». И начал вспоминать. Ребят, девчонок. Потом убрал список. Казалось, забыл про это. Но через некоторое время стали приходиться воспоминания: про время учебы в Ининском училище, про людей, преподавателей. Не планировал про Иню писать, и не думал даже. Но ушли куда-то в сторону «плановые» дела, все время о курсантах своей группы и времени учебы думаю. И на майские праздники поехал на Иню. Проехал по селу, походил по старому мосту, где мы любили бывать сорок лет назад. Зданий училища уже не было, общежития, где мы жили, находились в полуразрушенном состоянии. Постоял около березы на камне, в конце села. На Ине встретили меня с Геней Козерековым Рита Адатова, Надя Васильева, Надя Тобошева. У этих троих девчонок, которые остались на Ине, теперь другие фамилии. Остальные – кто уехал, кто... Проговорили всю ночь. Вспоминали. Учились мы немного, с сентября по апрель, но сколько было событий, встреч, знакомств. Договорились даже встречу группы организовать.

Иня имела большое значение в строительстве Чуйского тракта, а училище за многие десятки лет выпустило не одну тысячу специалистов: трактористов, водителей, других специальностей.

А раз все это крутится в голове, нужно на бумаге изложить. Или, правильнее, набрать на компьютере. Все лето писалась эта повесть, первая, кстати, назвал ее «На берегах Катуня». Пусть будет как память, память об училище, о ее педагогах, о всех тех, кто работал в этом училище, жил в этом селе. Кто учился, вспомнит училище, когда прочитает, кто не учился, будет знать, что было когда-то такое училище. К сожалению, было...

Основу этой, четвертой книжки и составляет повесть «На берегах Катуня».

Остальное – рассказы. О собаках, о книгах, о нас, людях...

Отзыв Киндиковой Н.М.

Читатель и книга: мысли за текстом

В местной газете «Алтайдын Чолмоны» (за 24 марта 2020 года) опубликован рассказ «Звонки с Севера» на алтайском языке. Отложив газету в сторону, еще не ознакомившись с автором, я задумалась о том, что это, наверное, рассказ недавно ушедшего из жизни талантливого прозаика Василия Ядагаева. И все же в воздухе повис вопрос: неужели он, как и многие другие, при жизни успел побывать на Севере в поисках работы?

Через какое-то время я вернулась к газете и обратила внимание на неизвестного автора. Это – не он, а Вячеслав Ядаганов, бывший чиновник отдаленного района, опубликовавший уже третий сборник рассказов! Узнала у осведомленных лиц о том, что он пишет на русском языке, а не родном, алтайском! С одной стороны, это не удивительно, это – то поколение, которое владеет двумя языками в совершенстве. Но почему он не пишет на родном, алтайском языке? Как он передает обычаи, традиции народа, национальную ментальность? С другой стороны, кому писать, если не ему, человеку с большим жизненным опытом. Новое поколение вряд ли осмелится сочинять в ближайшие годы.

Достала один из сборников В. Ядаганова под названием «Осколки» (Горно-Алтайск, 2019), состоящий из рассказов, очерков, воспоминаний, стихотворений, тиражом всего лишь 300 экземпляров.

Художник оформитель не указан, но оформление обложки необычное. Человек ходит по осколкам стекла. Первые два произведения удивили по тонкости изображения, восхитили по точности описания. Песня «Волчица» уводит читателя в генетическую память предков. Известно предание о том, что когда-то в древности волчица спасла род тюрок от полного истребления. Эта песня поется с припевом:

Который день, который час
За ней погоня.
И приближают смертный час
Собаки, кони.
Внизу скала, бурлит река,
Там нету брода,
Погибель там наверняка,
Но там – свобода!

Невозможно читать это произведение без содрогания. Бессердечные люди жестоко, безжалостно уничтожили волчат. И все же хочется верить, что сама волчица обрела свободу от погони охотников.

Рассказ «Старый ворон» читается как предупреждение ныне живущим. Вороны свили гнездо далеко от леса, вдали от хищников, подальше от людских глаз – прямо на трубе нефтяной скважины. Вот как пишется в рассказе: «И через какое-то время они (вороны – Н.К.) оказались далеко – далеко от родных мест, где было очень короткое лето и почти все время зима с ее вечными ветрами, снегами и бескрайней снежной пустыней. Но и тут они недолго видели покой. Появились люди, неприятно

день и ночь шумели и стучали чем-то, туда-сюда проносилось что-то очень большое, страшное и вонючее, ломая под собой кусты, сдирая землю, разрушая гнезда...». Ворон с воронихой, наконец-то, соорудили гнездо на высоте, чтобы песец их не достал.

Однако и тут не обошлось без приключений. Только что вылупившиеся птенцы безжалостно выброшены людьми, так как «стране нужна нефть». Так разрушено воронье гнездо. Мало того, что алтаец глубоко связан с природой, он до сих пор живет запретами своих предков. Основной их смысл заключается в том, что нельзя нарушать покой природы, поскольку все беды когда-нибудь обернутся на человека. Тем более, у кого есть дети, у кого сложилась семья, расцветает род. Вот как прочитывается, по нашему мнению, это произведение.

От природных явлений вернемся к историческим событиям прошлого века. Метафорично назван рассказ «Когда проснутся скалы». Автор, «подстраховывая» себя, написал к нему предисловие о том, что прижизненные фотографии последних лет Г.И. Чорос-Гуркина не давали покоя автору недели три. Это были тюремные фотографии, в профиль и анфас. Рассказчик В. Ядаганов глубоко переживал от увиденного в музее, вынашивал идею написать рассказ и, наконец, на основе собственного сна написал это произведение. В этом рассказе оправдывается художественный вымысел автора.

67-летний художник в 1937 году пережил издевательства, побои тюремщиков, предательство знакомых. Сначала тюремщики обзывали его «узкоглазым»,

затем пинали ногами, колотили обессиленного старика, всячески склоняли его фамилию: Туркин, Муркин, Чуркин и, наконец, обзывали его даже «чуркой».

Рассказ состоит из видений художника. Первое видение о переправе брода. Люди утонули, лишь беременную женщину река выбросила на берег. Родился человек, это был будущий художник.

Второе видение о признании в будущем его величия как личности. Прошло некоторое время и скалы проснулись, художник «оживает» в своей усадьбе. Реальные события в рассказе переплетаются с ирреальными. Конечно, если бы автор использовал достоверные факты, то нашел бы в архиве много «запретного» о последних днях великого мастера кисти. Ведь до сих пор не известно место захоронения Г.И. Чорос-Гуркина. Однако художественная мысль о том, что нельзя истребить человека, явно просматривается в этом произведении.

Рассказ «Гений» об истории одной из метких выражений, фраз известного алтайского писателя Л.В. Кокышева, всенародно почитаемого таланта, умерщвленного невеждами в 42 года. Мне, исследователю, интересно увидеть указанную, наверное, редкую фотографию Л.Кокышева.

Почти автобиографичен, драматичен, трагичен рассказ «Бабушка». Это повествование о том, как 29-летняя молодая женщина в суровые 30-е годы прошлого века через три месяца после ареста чудом оказалась на родине. А были годы репрессии, коллективизации, советской власти... Родословное место их называлось Ядаан, по имени отца бабушки.

Правда, не указан род – «соок» этого племени. Далее рассказчик признается: «Сегодня, когда начинаю детям рассказывать про бабушку, меня мало кто внимательно слушает; делов-то у них много: надо новую игру скачать, зайти в вай-вай, или фай-фай, найти, где у них там, в телефоне, припрятаны сто грамм, или черт его знает, сколько там грамм».

Рассказ «Андрюша» написан на основе реального события в Москве, известного под названием теракт в Норд-Осте. Наш герой в то время оказался там, в Москве и какое потрясение мозга испытал он за эти три дня, следя за трагедией с заложниками. Только волей случая он не купил билеты для большой делегации с Горного Алтая на этот мюзикл. Переворот в его судьбе, просветление души. С министром здравоохранения они «выпили за тех, кто оказался в том аду и не выжил», затем вспомнили Андрея Миронова, о спектакле, посвященном ему. Вся делегация пошла вместо театра на Дубровке в театр Сатиры. Остается лишь самому читателю ознакомиться с рассказом.

В рассказе «Мост Арсентия Санаа» пунктирно прослежена деятельность вожака алтайского народа, который умел организовывать труд сельчанина, умел руководить большим коллективом. Вывод один: такие руководители, как Михаил Лапшин, Арсений Санаа умирают не столько от болезни, сколько от того, что их освободили от работы.

Вячеслав Ядаганов создает узнаваемые портреты, характеры героев, описывает реальные события и факты из жизни. Они интересны и как

история страны, и как социальные проблемы, и как точные воспоминания героя. Казалось бы, частные воспоминания описаны в рассказах «Повар», «Чапай», «Карбюратор», но они заставляют задуматься читателя над вопросами жизни и смерти. Случайные встречи, случайные схождения в рассказе «Повар», но... Из-за ревности бывший тюремщик убивает женщину, которая «потеряла» связь с родным сыном. В заключение рассказа у могилы матери появляется сын с поздним раскаянием. Но вряд ли он осознал любовь погибшей матери.

Отношения двух друзей, добрых соседей перерастают во вражду, ненависть из-за какого-то карбюратора в одноименном рассказе. Так нелепо разрушается и снова обретается крепкая дружба мужчин. А существует лишь одно слово «прости», но мы редко им пользуемся в жизни.

Автор затрагивает актуальные вопросы современности, раскрывает острые проблемы сегодняшнего нелегкого времени. Это безработица, алкоголизм и нравственные вопросы. Рассказ «Звонки с Севера» построен так, что вначале обнаружена дощечка с надписью из могилы, в середине рассказа уточняется фамилия погибшего на Севере, рассказ заканчивается выяснением имени покойного. Он оказался родным отцом очередного «путешественника», в поисках работы оказавшегося на Севере. По звонку с телефона узнается судьба сына: мать с дочерью остались дома. Сын, он же и брат девочки по имени Таня в поисках работы повторил путь родного отца. Он едет зарабатывать большие

деньги, но там находит свою смерть. И по воле судьбы он оказывается похороненным рядом с могилкой отца... Стоит ли в поисках заработка отправляться в такую даль? Заметим, этот рассказ, удачно переведенный на алтайский язык Мариной Ябыковой, читается с любовью и нежностью.

Рассказ «Лошадка» поучительный, написан на основе реальных событий. Вместо «живого подарка» по заказу дорогому гостю подарили деревянную лошадку. Этим рассказом проучили гостей-чиновников, ожидавших от гостеприимных алтайцев ценные подарки.

Умные люди пишут, что литература – это не только познание внешнего мира, внешней жизни. В первую очередь это познание самого себя. Поэтому надо читать хорошие книги и задуматься о том, какая мысль заложена в тексте, за «кадром фильма».

В целом, автор набирает силы, пытается художественно оформить свои воспоминания. Можно ожидать новых художественных произведений, очерков. Удачи и творческого вдохновения, Вячеслав Ядаганов!

*Нина Михайловна Киндикова
Доктор филологических наук, литературовед*

СТИХИ И МУСОРНЫЙ БАК

Каждый год, в конце сентября – начале октября у нас в стране, да и во всем мире в больших и небольших городах зажигаются «Цветаевские костры». Это костры в честь выдающейся поэтессы «серебряного века» Марины Цветаевой. А первый Цветаевский костер зажегся в октябре 1987 года в городе Таруса Калужской области, где прошло детство поэтессы.

В Новосибирске первый Цветаевский костер зажгли 7 октября 2012 года. И с того года каждую осень в парке культуры и отдыха «Сосновый бор» собираются почитатели таланта Марины Цветаевой, читают ее стихи, поют песни на ее стихи. Инициатором и организатором этих «костров» выступает культурный центр «Дом Цветаевой» Новосибирской государственной областной научной библиотеки. Принимают активное участие и другие библиотеки, на мероприятия они дарят(!) книги М. Цветаевой, других поэтов и писателей.

В первый раз я посетил это мероприятие в 2016 году. Народу было не так много, десятка три-четыре. На открытой концертной площадке, перед сценой, горел костер, участники мероприятия могли сидеть на лавочках, тут же можно было осмотреть книжные стенды библиотек. Понравилось, как проходило мероприятие. Не было официоза, долгих и пламенных речей, каждый желающий мог записаться и прочитать стихи Марины Цветаевой, или спеть песню. Были и несколько профессиональных артистов, выступали и школьники. Было

тепло во всех смыслах. От костра, в осеннюю погоду, от искренних выступлений. Во второй раз мы поехали с сыном, со Славой в 2019 году. Это был восьмой Цветаевский костер в Новосибирске. Было также тепло. Мы возвращались, я рассказывал сыну о Марине Цветаевой, о стихах, о книгах, которые в свое время нельзя было купить. А теперь просто дарят...

Но время летит стремительно, и с ним многое меняется. Время тех книг, когда мы их не могли достать, прошло, эти книги теперь никому не нужны. Как-то увидел в первый раз книги около мусорки, не по себе стало.

Солнце светит радостно, мило, по-весеннему,
Освещая дворик наш с мусорной бадьей.
Рядом стопки с книгами Пушкина, Есенина,
Пыльные и грязные. Что страна, с тобой?

Раньше мы по городу, кросс по магазинам,
За подарком – книгами близким и родным.
А теперь мы Тютчева – с мусором в корзину,
А подарком парочку «гель – шампунь» вручим.

И шагаем бодро мы мимо стопок с книгами,
И не замечаем их, как всегда, спеша.
Наше тело чистое от шампуней импортных,
Но осталась грязною, где-то там, душа...

Неужели некогда самая читающая страна перестанет читать стихи, смеяться и плакать над бессмертными строками наших поэтов и писателей, а

книги навсегда покинули в наших квартирах самые почетные и видные места. Не хочется верить. Ведь права была великая Марина Цветаева:

...Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Действительно, задвинутые на пыльную обочину жизни нашей многострадальной страны стихи Марины Цветаевой были почти забыты, но пришло время, они снова зазвучали. И все громче и громче звучат. Потому что все больше и больше, по всему свету, загораются ежегодно осенью новые Цветаевские костры, звучат бессмертные строки поэта.

И надо надеяться, что и тем книгам, у мусорных баков, «настанет свой черед».

ДИАЛОГИ

– Ты ли это? Ой, вы... Толя, Анатолий... Петрович! Анатолий Петрович, здравствуйте!

– Я что-то... не признал вас, прошу прощения.

– А я сразу узнала. Смотрю, сидит на камне. Обрюзг, конечно, потолстел. Волосы уже белые да редкие. Но все равно, узнала сразу. А вы... а ты... так меня и не узнаёшь?

– Да как-то...

– Да ты сиди, сиди, не вставай. Камень за день нагрелся на солнце, не застудишь, поди, ничего.

– Вы со мной, как со ста... постой, постой, Света, это ты...вы... Светлана! Простите... прости, не узнал.

– Да сколько прошло-то, трудно узнать.

– Сорок, даже больше, пятьдесят. А ты изменилась, изменилась, стала...

– Старухой. Так и говори прямо. Да и ты, не как пятьдесят два года назад. Постарел...

– Значит, уже пятьдесят два года прошло. Пятьдесят два! Да-а, годы пролетели. И не заметил. Как ты, где?

– А где, здесь я, куда я денусь. Доживаю век свой.

– А сюда, на кладбище, к кому приходила?

– А к кому на кладбище ходят. К родным. Родители мои здесь, два брата. И... и твои здесь лежат, и мать, и отец.

– Да, да. Проведать пришел... приехал. Я ведь, к стыду своему...

– Я знаю.

– Да? Да, ни разу. Когда мама умерла, я за границей был. А батя умер, тоже не смог. Я – стыдно говорить – всего раз только был-то здесь, после отъезда. Лет через пять, как уехал.

– Я знаю, с молодой женой, с ребенком.

– Да, да, этому ребенку полвека уже. Свои дети у него большие, внуки...

– У тебя же два сына.

– Да, два. Второй за границей живет, в Польше. Он там работал, женился. Двое детей, приезжают изредка. А сюда я приехал со старшим сыном, он и внуков прихватил. Говорю, пусть родину деда посмотрят.

– А сюда один, что ли, пришел?

– Да они там, под горой, около речки остались. Я один пошел. Да устал вот, сердчишко пошаливает, присел передохнуть. Да и честно говоря, стыдно сказать, но не знаю, где их могилки, родителей.

– Как пойдешь прямо, почти до конца, справа, большая оградка, на двоих.

– Да, они вместе лежат...

– А твоя супруга-то где?

– Умерла она. Пять лет назад. Болела. Рак.

– Извини.

– Да ничего. Сыну говорю, пока живой еще, свози на родину, кое-как уговорил. Ехать-то далеко. Остановились около нас, дом наш совсем обветшал, скоро развалится. Двери открыты, окна поломаны.

– После родителей там жили приезжие, лет пять жили. Потом они уехали. Да почти все уехали из деревни, домов семь осталось, где живут. А большинство домов в таком же виде, как ваш. Тоже свой век

доживают. Как и мы. Мало нас здесь осталось, старые, в основном. Пенсионеры.

- Да, а в свое время жизнь-то как бурлила. С утра раннего трактора, машины, работы невпроворот, а вечером – танцы. Помнишь, как я стеснялся тебя на танцы пригласить? Тебя Петька, друг мой, за руку приводил. Помнишь?

- Помню.

- Кстати, Петька, как он?

- Умер он, лет десять назад. Пил.

- Да-а. Рано умирают от этого. Пьют много. И как с этим быть?

- Это мы у вас должны спрашивать. Ты же ученый, доктор наук, вот и придумайте, как с этим бороться.

- Ты про меня все знаешь.

- Знаю.

- Да что мое докторство, кому оно нужно. А помнишь, как мы с тобой каждый вечер поднимались на эту гору, гуляли...

- Помню.

- А потом в стогу сена дырку сделали, залезли туда, и я тебя в первый раз поцеловал.

- Помню.

- А потом...

- Помню. Все помню. Так же помню, когда ты привел к себе домой, твои родители меня выгнали, обозвали, помнишь как?

- Да, я знаю, но что об этом...

- И ты даже не заступился за меня. Потом ты уехал учиться. Ни весточки, ни письма. И больше мы

с тобой не встречались. А встретились сейчас, через полвека.

– Да, я виноват, но... прости...

– Лишнее. Я давно простила.

– Слушай, Светлана... не знаю, даже, как сказать.

Когда ехал сюда, знал, что дом наш пустой, никто в нем не живет. И, так, мысль промелькнула: может вернуться в деревню, в дом, пожить остаток дней. И вот тебя встретил. Может, действительно... а, Свет?

– Я думаю, опоздал ты. Лет на пятьдесят. А теперь, что, теперь уже поздно. Всему свое время. Ладно, пойду я. Да не вставай ты, сиди. Прощай...

– Светка, привет! Ты уже пошла? А я снова ищу своего телка, он паразит, сюда приходит и все. Анатолий Петрович, здравствуйте!

– Здравствуйте! Признаюсь сразу, не узнаю.

– А я вас знаю. О вас часто в газетах печатают. Большим ученым вы стали, нашу деревню прославили. А я Варька, если откинуть несколько десятков лет назад. Мне лет десять было, когда вы уехали из деревни. Я дочь Машконкиных, через дорогу мы жили, наискосок.

– Вспомнил, вспомнил, вы... то есть, ты... в кошечках бегала, с большими белыми бантами!

– Да, вот и вспомнили. Да у меня теленок повадился сюда, на кладбище ходить. Три месяца назад моя мама умерла, ей восемьдесят два было. Она до самой смерти ходила, не болела. И куда ни пойдет, теленок за ней. А когда хоронили, теленок на кладбище со всеми тоже пришел. И представляете, все время сюда приходит, ходит между могилками,

траву щиплет, потом уляжется около маминой оградки и лежит. Ну, ясно, там, собаки хозяев чувят, к их могилам приходят, а чтобы коровы-телята, я такое не слыхала. Бывает такое?

– Ну, если...

– Да что я спрашиваю. Сама же вижу, что бывает. Животина, а ум есть. Вы-то надолго к своим? Ой, что я спрашиваю. Никого же ваших у нас не осталось.

– Нет, мы сейчас уедем. Внуки здесь недалеко турбазу приглядели, там отдохнем, переночуем, завтра обратно, домой.

– Да, я видела их внизу, около большой черной машины, познакомилась, расспросила, большие, все мужики. Сказали, что вы сюда пошли. Как вам живется-то, там, в большом городе?

– Да ничего, дети выросли, внуки, правнуки уже. А город, что город, растет.

– Да, а наша деревня совсем опустела, скоро совсем исчезнет. Никого не осталось, кто помер, кто уехал.

– Скажи, Варь... Варвара, а Светлана как живет, с кем?

– А вы что, так и не поговорили с ней? А она все время о вас и говорит... А живет она одна, как и я. У меня ведь муж помер давно, детей у нас не было. А у Светки мужа не было, сын был один. После школы поехал в город, работать. И подрались они в компании, он в больницу попал, через несколько дней умер. Помню это, я уже замужем была. Шустрый был пацан. Толькой звали.

– Анатолием, как меня?

- Выходит, что так. А я и не подумала.
- А сколько ему лет было?
- Лет семнадцать, наверное, точно не скажу.
- Вы же говорили, что Светлана замужем не была.
- Ни разу. Хотя ухажеров было, хоть отбавляй.
- А ребенок? Чей?
- Не знаю. Она не говорила. Есть ребенок, есть и отец, наверное, где-то ходит. Если не помер уже.
- А после школы он никуда не поступал, сын?
- А куда поступать, с нашей-то школой? Чтобы куда-то поступить, родители должны побеспокоиться. А Светка, кого, одна. Да и на ферме сутками. Работы-то много было тогда.
- Постой, когда он умер, тебе сколько лет было?
- Да откуда я знаю. Маленький был, помню, Светка меня присмотреть просила, отца-то нет, Светка одна. Толик в коляске лежал. Я еще в школе училась, когда за ним присматривала.
- Тогда получается, она родила... где-то...
- Родила и родила. Что теперь? Все рождаются. И все умирают. Ладно, пойду своего бычка искать.
- Варвара, а не знаете, где могилка Толика, не покажете?
- Почему не покажу, покажу. Пойдемте. Как не знать. На кладбище только мы со Светкой и ходим, наверное. Она только всю жизнь, почти каждый день к сыну приходит, а я уже целое лето, за этим бычком, будь он неладен. Идемте.

ОСТАНОВИСЬ, ВРЕМЯ!

Послесловие к рассказу «Журавли и ректоры»

– Остановись, время! Куда ты несешься, как хулиган ученик по коридору школы своей? Или как ветер во время шторма – резкий и сильный, сметая все на своем пути? Остановись!

Но нет ответа. Вернее, есть. Не обращая внимания, летит оно, это время. Это и есть ответ.

Летит оно, глотая все на своем пути: годы и века, времена и события, войны и эпидемии, судьбы людские и жизни их...

Попросили выслать в Улаганскую районную газету для опубликования электронную версию «Журавлей и ректоров». Перед тем как выслать, думаю, напишу несколько слов о тех людях, упомянутых в рассказе, но уже ушедших из жизни. Там есть человека два-три. Но когда просмотрел, руки опустились. Их было семь! Так и выслал версию, без комментариев.

И вот сегодня, когда прошло немного времени, вернулся. И вспомню о них. О тех, кто ушел...

Ирина Ивановна Сабашкина. Она работала педагогом перед тем, как прийти работать в администрацию начальником отдела образования. Рекомендовали ее коллеги, учителя Акташской школы. Семья в Акташе, самой работать в Улагане... Конечно, тяжело. Но она очень старалась, работа новая, коллектив другой. Основная организационная нагрузка во время посещения педагогов сибирских ВУЗов нашего района выпала на нее. И она с этой задачей справилась.

Всегда помню ее спокойной, выдержанной, пунктуальной. Не помню ее на кого-то повышающей голос. Всегда доброжелательна, терпима ко всем.

Орлов Василий Павлович. Директор ботанического сада в Камлаке. Посещение его владений для педагогов было настоящим праздником. Всегда, когда у меня было время во время поездок в командировки, заезжал к нему. Интереснейший собеседник, влюбленный в Алтай, обожающий ее природу, историю, жизнь коренных народов. Как-то были они с экспедицией со студентами университета в нашем районе, так он не пожалел времени, целый день они садили растения на клумбах перед администрацией района. Великолепно знал жизнь людей в отдаленных селах, их проблемы и чаяния.

Фомин Виктор Павлович. Декан Барнаульского института культуры (академии позже). Мы с ним общались практически до последних дней его жизни. Очень хорошо помогал нашим детям при поступлении в академию и учебе, создал ансамбль из студентов Улаганского района; по профессии и по жизни очень был увлечен историей, бытом, традицией коренных народов Алтая. Думаю, многие студенты, мои земляки, добрым словом его поминают. Как ни появлюсь в Барнауле, всегда приглашал к себе домой, мы пили чай и допоздна говорили, говорили... Даже когда заболел, держался молодцом. Два года болел. Мы созванивались, потом я приехал к нему, сам напросился. Он был уже слаб. Посидеть, как раньше, не удалось. Он знал, чем закончится болезнь, но улыбался. Через две недели его не стало...

Тулинов Николай Иванович. Министр образования. Всегда с удовольствием ездил к нам район. И всегда старался проехать по отдаленным селам. Болел за будущее школ. Благодаря ему не закрыли в свое время школу в селе Коо. Вспоминаю наши поездки в Язулу, в Балыкчу. Неравнодушный был человек.

Два профессора, доктора наук Филиппов Василий Никифорович из Барнаульского пединститута и Колтаков Константин Георгиевич, ректор Бийского пединститута. Два аксакала были большой подмогой нам в этих поездках. К ним прислушивались, да и вообще их слушать было очень интересно. К Константину Георгиевичу я часто заезжал в Бийск, он все приглашал в институтский профилакторий, отдохнуть. Но так и не получилось.

Ионко Виталий Петрович. Очень яркая личность. Мы знали друг друга и общались более двадцати лет. У него была турбаза «Алтын Туу», одна из первых турбаз на юге Телецкого озера. Человек, без памяти влюбленный в Телецкое. Он жил в Новосибирске и говорил, что всегда с нетерпением ждал окончания зимы, чтобы оказаться там, на берегу озера. Все эти годы приглашал меня к себе на турбазу, отдохнуть. Наконец удалось выбраться в 2015 году с семьей. Несколько дней гостили у него на турбазе. Через год, в Новосибирске, когда пригласили его на концерт Раисы, сидели, вспоминали те дни. Еще он хотел познакомить нас со своим другом, работающим в филармонии. Не успел. Через два месяца нас ошеломила весть: умер. Сердце. Ничем не

болел, как сказала его супруга, никогда не жаловался на сердце. Мастер спорта по парусному спорту. В свое время подарил Балыкчинской школе компьютерный класс. Самое большое количество целевых мест для учебы в ВУЗах мы получали в Новосибирске. И большую работу по заключению договоров выполнял Виталий Петрович. Его отличала способность со многими людьми найти общий язык. Среди местных жителей был уважаем. Рассказывал, как однажды жил под Катуюрыкским перевалом неделю. Перевал занесло снегом. И он перезнакомился со всеми чабанами в округе. В последние годы подарил свою яхту, с таким трудом доставленную на озеро, заповеднику. Может быть, плавают эта красивая яхта по Телецкому, напоминая своего бывшего хозяина Виталия Петровича...

– Остановись, время! Тебе подвластно все. Ты можешь все. Остановись!

Но нет. И у самого всемогущего, и у самого терпеливого, и у самого сильного есть то, что ему не подвластно. Есть то, что не сможет сделать и оно, вечное и сильное время. Остановиться.

И оно лишь ухмыльнется, продолжая свой путь, на наше жалкое:

– Остановись, время...

После того когда все это было написано, пришла весть, что не стало Джаткамбаева Ауельхана Жазитовича... Про него написал отдельно.

ЖАЗИТОВИЧ

Он аккуратно красивым почерком что-то записывал на листочке, кое-где подчеркивал. «Ему бы в школе работать, с таким-то почерком, да такой аккуратностью», – подумал я. Как потом выяснилось, он действительно работал когда-то учителем. А сейчас мы сидели рядом, в зале республиканского парламента, на первом совещании после выборов глав районов. Он – глава Каш-Агачского района, я – Улаганского.

До этого мы не были лично знакомы. Имя его уже тогда было на слуху, он долгое время руководил колхозом, участвовал в выборах, добивался переноса своего села в другое место. А впервые я его увидел на совещании в Кош-Агаче, посвященное переводу наших двух районов в категорию «северных». На мероприятие были приглашены специалисты двух районов, республиканские, и делегация из Москвы. Он был одним из выступающих, и это выступление было одним из самых ярких и запоминающихся. И позже всегда его выступления с трибуны привлекали внимание. Они отличались эмоциональностью, конкретикой, отсутствием «воды», иногда с примесью юмора. Так что он уже тогда не был новичком в политике, а для меня это все было ново. Тем не менее, при первом же знакомстве я не увидел какого-то к себе высокомерного отношения, наоборот, я почувствовал его дружелюбие. «Наши районы соседи, во-первых, потом мы «северяне», – говорил он. – И давай наши все вопросы решать сообща. Ты думаешь не только о

своим районе, а и о моем, а я и о твоём буду думать». И действительно, многие вопросы требовали одинакового решения и в моем, и в его районе. При первом же знакомстве свои трудно выговариваемые имя и отчество он написал на бумаге, а позже я говорю: «Можно я буду называть коротко: «Жазитыч», чтобы язык не сломать?» Он рассмеялся: «Конечно, какой разговор». Мы сблизились, и я общался с ним больше, чем с другими главами. Он никогда не отмахивался от моих предложений и вопросов. Доходчиво объяснял, как и что нужно сделать, как общаться с тем или иным чиновником, как быстрее решить какой-либо вопрос. Политика – дело хитрое, и легко запутаться в ее хитросплетениях.

И его советы, своевременные подсказки очень мне поначалу помогали. «Нам помогает казахский хитризм» – говорил он. «Ты моих братьев – алтайцев сильно не обижай, – шутил я, – у нас нет «хитризма». Он отвечал серьезно: «Да ты что, я двух алтайцев к себе в замы взял, парня и девушку». За все время работы вместе, я не замечал, чтобы он как-то «тянул одеяло» в свою сторону. Помню, он сказал: «Давай сделаем так. У тебя в районе больница строится, у меня – школа. Начнем сейчас работу по подготовке строительства школы у тебя, а больницы – у меня». И мы бегали по разным кабинетам с вопросами подготовки проектов, добивались финансирования на эти два объекта одновременно.

Так мы решали и многие другие вопросы. Нескольким раз ездили с ним в Москву, выбивали

деньги на объекты, различное оборудование и инвентарь. Конечно же, в этих поездках, в дороге, вечерами разговоры, разговоры... Через них и узнаешь человека. Он был разносторонне эрудированным, на любую тему он мог разговор поддержать. Меня поражало, как хорошо он знает людей в районе. В Кош-Агачском районе было много моих знакомых. С братьями Матаевыми (Аскатом и Исламом), Сашей Бабиновым, Адоком Сейсекеновым, Аманболом Сахарьяновым, Надей Казаковой мы учились в националке, с Оролтаем Нургазиновым служил в армии, с кем-то познакомился позже, но о ком бы я ни спросил, он подробно расскажет и про него и его родословную. Удивительно.

Трудные тогда были времена. Зарплата не выдавалась месяцами, пособия и пенсии годами. Но когда я ему предложил организовать поездки ректоров по нашим двум районам, на что нужны были финансы, и немалые, он, даже не раздумывая, согласился. Поддерживал своих земляков, которые хотели учиться, понимал, что району нужны образованные и грамотные специалисты. Помню, мы возвращались после очередных поездок по сибирским ВУЗам (заключали договора по предоставлению целевых мест нашим школьникам), и остановились в кафе, за Бийском. И как охотники, после удачной охоты, сидим и делим эти целевые. Около трехсот мест на два района. И хотя я говорил, что население у него в районе больше, и целевых нужно отдать больше, он не соглашался, говорил, что нужно делить по-честному, то есть поровну. А в

мою машину перегрузил оставшиеся подарки, которые каждый район готовил для ректоров. Я возражал, но он даже слушать не стал: «Пригодятся, гостям подаришь, мало ли...». Немного подумал, сказал: «Ты даже представить не можешь, что сейчас у нас в руках судьбы десятков детей. Вот по этим бумажкам они поедут в какой-либо город, выучатся, может, хорошими специалистами станут. И я уверен, многие станут. А если в деревне останутся...».

Договорились как-то с семьями познакомиться. Позвал в гости. Мы с Раисой и однолетним сыном поехали Кош-Агач. Супруга Ауельхана Бесайдар наготовила разной еды – казахи же! – и мы всю ночь проговорили. Но появиться у меня в гостях, в Улагане, как-то не получилось. Казалось, время еще будет...

Но все же появился он у меня в гостях, в Горно-Алтайске. Я уже не работал главой, жил в городе, работал на другой работе. Я строил дом, и пригласил своих знакомых, когда было собрано полсруба. Никаких построек еще не было, мы прямо на участке варили мясо, угощали гостей. Говорю, через год дострою дом, и всех вас приглашу. Так и получилось. Ауельхан не смог приехать, но выслал канистру кумыса.

Он оказался одним из немногих руководителей, должностных лиц, которые публично высказались в мою защиту, когда во время землетрясения на меня посыпались уголовные дела.

А во второй раз я оказался в его доме позже. Приехали в Кош-Агач, в командировку, я звоню Ауельхану Жазитовичу, говорю, что я у него, в районе.

Он позвал меня домой, затопил баню, также гостеприимно нас угощала его супруга. Обычно, когда человек занимает какую-то должность, к нему отношение одно. Но если он покидает эту должность, отношение многих к нему резко меняется. По отношению ко мне Ауельхан оставался таким же, как раньше. Ведь он продолжал работать главой, а я покинул эту должность, работал простым специалистом. Мы проговорили полночи, он рассказывал, как дела в районе, показывал фотографии, заметки. Говорил, что готовит книгу о Кош-Агачских казахах, со времени, как они появились в наших краях, и до наших дней. Запомнил его слова о том, что благодаря предкам современных алтайцев они и выжили здесь. Местные помогали, чем могли.

Больше нам так посидеть не пришлось...

Не знаю, издана ли эта книга, о которой он мечтал, но уверен, что в истории Кош-Агачских казахов будет достойно занимать имя патриота своей малой родины, человека, любившего свой народ и сердцем болевшего за него, имя Джаткамбаева Ауельхана Жазитовича.

«СОБАКИ»

Бежать Белому было некуда, кроме, как на дорогу. А по ней с ревом проносились машины. Конечно, в другой раз он бы подождал, вместе с людьми, на переходе. Он знал, что когда люди стоят – надо стоять, не соваться на дорогу, а когда они пойдут – вот тогда можно, тогда машины почему-то останавливаются. Но сейчас времени не было. Увидев быстро приближающуюся большую машину, Белый решил, что успеет проскочить перед ней, прыгнул на проезжую часть. Успел, но за этой машиной была другая... Все слилось в один шум: визг тормозов, глухой удар, треск ломающихся костей Белого. От удара его отбросило в сторону, но тут же его догнало колесо машины, затем второе. Они проехали по туловищу, по задней части, ломая кости, остановились. Из машины вылез полный мужчина, матерясь, мельком кинул взгляд на собаку и пошел осматривать свою машину. Потом, так же ругаясь, сел в машину и уехал...

... Я тыкался мокрой от молока мордой в живот мамы, искал соски, находил один, но как только начинал сосать, меня оттеснял мой брат; сосок выпадал из моих губ и оказывался уже у него в пасти. По запаху я знал – это мой старший брат. С ним тягаться бесполезно, он больше меня, и я полз в сторону своего другого брата – он меньше меня и по возрасту и по весу – отбирать у него сосок. С этой задачей я справлялся. А он найдет другие соски. Благо, их много, но эти соски – что у брата старшего

и у меня, – они самые крупные, в них много молока. Хотя молока нам хватало. Вот когда нас было много: я, братья мои, сестренка, еще одна сестренка – младшая, еще сестра, старше меня, – вот тогда нам не хватало молока. Но однажды наш вожак, что-то сердито бормоча, куда-то положил сестренку, еще одну сестренку, потом еще сестру – старшую и унес их. Мама побежала было за вожакom, но он уже закрыл дверь. Мы – я и мои братья – поползли за мамой. Судя по тому, что вожак накинул на себя вонючую шкуру – ту, в которой он уходил на улицу, можно было догадаться, что его долго не будет. Мама еще долго скулила, обнюхивала дверь, но потом вернулась к своей мягкой подстилке. Мы – снова за ней. Мама нас начала облизывать. Это было самым приятным моментом в моей жизни. Ее шершавый язык доходил до самых дальних участков моего тела, мои мышцы напрягались, кровь начинала быстро бегать во мне, от блаженства я прикрывал глаза, но вдруг мамин язык перескакивал на моего брата, и мне приходилось ждать своей очереди.

Пришел вожак. Мама бросилась к нему навстречу, надеясь увидеть наших сестер. Но запаха их не было, значит, не было и сестер. Но мама все бегала вокруг вожака, обнюхивала его. А чего обнюхивать, даже мы по запаху чуем, что сестер нет. Вожак что-то зло крикнул маме, и она поплелась к нам. Легла, опустила голову. Мы ждали, что она продолжит нас лизать, но она лежала неподвижно. Мы ползали по ней, тыкались своими мордами об ее морду, но она, обычно всегда реагирувавшая на наши шалости, на этот раз не отвечала.

А вожак тем временем пододвинул к нам стул, сел на него и стал снимать то, что было у него на задних лапах. Освободив лапы, он затем разворачивал какие-то тряпки, они были еще вонючее, чем то, что он напяливал на себя. Он что-то громко говорил, было видно, что это касается нас: меня и моих братьев. Потом он вытащил из карманов что-то, что-то делал, запахло горелым и в комнате завоняло невыносимо. Но вожаку это нравилось, он говорил, ел этот невыносимый запах, выдыхал на нас, опять что-то говорил.

Это был странный вожак. То, что он наш вожак, мама нам дала понять сразу. Она позволяла ему поднимать и разглядывать нас, он мог сердиться на маму, и мама ему подчинялась. Но странности у него были вот какие. Он с нами никогда не спал. Даже не лежал рядом. Он приносил какую-то еду в посуде, но никогда с мамой не ел. Он уходил подальше, и мы слышали, как он ест. За день он несколько раз менял шкуры. И шкуры эти по-разному воняли. Он уходил на улицу в одной шкуре, а когда приходил, менял ее на другую, а вечером, когда он снимал почти все свои шкуры, оставался только его запах. Да и запах у него был особенный, не как у нас. У нас у всех был свой запах, я по запаху определял своих братьев, маму. Но у нас был и общий запах, которым мы пахли все. А такого запаха у нашего вожака не было. Он брал нас на руки, дышал на нас дурным запахом, но никогда не лизал. Лапы у него были другие, не как у мамы. Но тоже мягкие. Но ими он мог больно ударить, когда мы ползали и марали пол. Еще он говорил, что не умела

делать мама. Он любил говорить, когда был в доме. Иногда он сидел рядом с нами, брал одного из нас, щенков, на руки и что-то говорил. Но мы его не понимали. Вот когда мама прикоснется ко мне своей мордой, все ясно, что она хочет: надо или перестать сосать – молока уже нет в соске, или нужно приготовиться, сейчас мама будет меня лизать. А вот когда вожак берет нас в свои лапы, ничего не понятно, чего он хочет. Вот такой странный у нас вожак.

Проходили дни, мы сосали молоко мамы, спали, снова сосали маму, снова спали...

Но как-то в один день я начал замечать, что передо мной что-то мелькает. Сначала плохо, расплывчато, но потом все четче и четче. Я начал видеть! Вот здорово. Хотя я и по запаху ориентировался неплохо: знал, где искать лучший сосок, чуял, где лежат в данный момент мои братья; мое обоняние подсказывало, где в комнате находится вожак и чем он занимается – ест или меняет на себе многочисленные шкуры. Но теперь хватало поворота головы, чтобы знать, где хозяин и что он делает, далеко ли мама, да и вообще, интересно же все разглядывать. Вот вожака я представлял совершенно другим. Оказывается, он ходит на задних лапах! А я удивлялся: почему, когда он говорит, звук сверху идет. Думал, что он просто очень большой. Меня также удивило, что вожак совершенно не похож на нас. Лапы, голова, туловище – все было другое. На лапах у него не было острых когтей, как у нас, и совсем мало шерсти. А хвоста не было совсем! Безобразия. А передними лапами вожак умеет делать

многое: может вещи перетащить, еду приносит маме, меняет шкуры на себе. Вот он присел на стул, вытащил свою вонючую коробку, оттуда что-то взял себе в пасть, потом достал еще одну коробку, поменьше, вытащил оттуда палочку, ударил по коробке. Неожиданно что-то зашипело и появилось оно! Все тело мое вдруг напряглось, а какой-то голос крикнул: «Прячься!» Я не понял, как очутился за мамой, все тело мое дрожало. А вожак хохотал, выпуская изо рта этот свой вонючий дым. Я не мог понять, почему я испугался. Мама лежала спокойно, братья мои спали. Кто же мне крикнул? Потом начал понимать, что это произошло во мне, это был какой-то внутренний голос. Позже я стал замечать, что он, этот голос, мне многое подсказывал. Что и как делать. Правда, подсказки эти не всегда были в мою пользу. Как-то внутренний голос подсказал, что нужно метить территорию. Что я и сделал. Но вожаку это не понравилось. Он больно потыкал моей мордой по моей моче, где я метил, и швырнул меня к маме. Видно было, что и мама не одобряет мой поступок. Но мне же мой внутренний голос подсказал, что нужно свою территорию метить, чтобы чужаки знали, что это не их территория! Как такую мелочь не могут знать вожак и моя мама?!

Когда я начал видеть, я начал разглядывать дом, где мы обитали. Дверь в наше жилище была большой, она скрипела, когда ее открывали. Появлялся пар, становилось холодно. Мы лежали в углу комнаты, в стене, напротив, было окно, через которое поступал свет. Но иногда становилось темно,

свет куда-то исчезал. В середине комнаты стоял большой стол, на котором лежала еда. Вожак брал лапами мясо и кушал. Когда становилось темно, вождь лапой нажимал на одну штуку в стене, и в доме становилось светло, потому что под потолком появлялось солнце. А еще в красивом ящике жили чужаки. Они появлялись, когда вождь подавал сигнал. Чужаки из ящика не вылезали, ходили и говорили только там и исчезали, когда вождь уходил на улицу. За столом была вторая дверь. Как-то я бегал вокруг стола и видел в открытую дверь, как вождь лежал на другом столе, только более низком. Я хотел пройти в ту комнату, но вождь буркнул на меня и я побежал к маме.

Однажды забрали моего старшего брата. Он среди нас был самым красивым. Он так же оттирал меня от лучшего соска. Лучшее молоко доставалось ему, поэтому и был он больше нас, и шерсть у него была гладкая и лоснилась. Он был черным, только передняя лапа его, которая ближе ко мне, было наполовину белой. А я был наоборот, белым. Весь. В тот день в дом зашел чужак, похожий на нашего вожака, тоже ходил на задних лапах, в руках держал что-то. Вожак и чужак о чем-то переговаривались, чужак брал нас на руки, поднимал за хвосты, мы скулили. Мама в нашу защиту зарычала было, но вождь на нее прикрикнул. Я даже хотел укусить этого наглого чужака, но он одернул руку, отбросил меня. А старшего брата забрал, положил в то, что было у него в руках. Мама заволновалась, вскочила, но вождь на нее цыкнул, и мама снова легла. Когда чужак

уходил, мама снова вскочила, побежала, но чужак со скулящим моим братом под мышкой был уже за дверями. Больше своего старшего брата я не видел. Теперь нас, братьев, оставалось двое. Мама так же, как в первый раз, когда исчезли сестры, не могла спокойно лежать, вскакивала, когда открывалась дверь, подбегала к ней. Но это был вожак с ведрами с водой или с дровами. Без нашего старшего брата...

Росли мы с младшим братом хорошо, уже всю бегали по комнате, ходили за вожак, ждали, когда он нам принесет молока или остатки еды со стола. Оказалось, что похожих на нашего вожака людей (что это люди, подсказал мой внутренний голос) было много, они заходили на нашу территорию без всякого стыда и боязни. Сидели, говорили о чем-то. А один так и всю ночь просидел, они вдвоем сидели с вожак, что-то орали, как те, маленькие люди в синем ящике. И принес этот чужак что-то тоже очень вонючее, и пили они его. И орали. Спать не давали. Вот дал бы пометить вожак свою территорию, и не было бы этих чужаков. А если нет нигде метки, конечно, идут, кому не лень. Проходной двор!

Но потом забрали и меня. Мне внутренний голос подсказал, что заберут и меня, и младшего брата. И когда появился очередной чужак, я сопротивлялся, как мог. Визжал, царапался, кусался, хотя зубов-то у меня было – одно название. Но когда очутился в чем-то большом и темном, мне стало страшно. Я звал на помощь маму, но меня уже куда-то несли, потом положили. И нас несло с большой скоростью. Потом стало тихо. И вытряхнули меня на землю.

Ужас! Это было что-то холодное. И белое. Меня ослепило. Какие-то коробки тянулись высоко-высоко, вокруг было ярко-ярко, и холодно! Я сразу прилег по привычке, но подо мной все было холодным. Мягким, но холодным. Рядом со мной стояли два человека, один большой, ростом с нашего вожака, а другой меньше. Большой маленькому что-то говорил. Тот подошел ко мне. Я хотел зарычать, но ничего не получилось, я весь дрожал, да и видно было, что ничего плохого он не хочет со мной делать. И когда он взял меня на руки и прижал к себе, я даже не сопротивлялся, наоборот, хотелась скорее куда-нибудь от этого холодного и белого. Люди понесли меня к какой-то большой коробке, что-то запищало, открылась дверь. Мы прошли дальше, куда-то еще заходили, что-то гремело и шумело, в общем, голова кругом. Наконец мы очутились в большом помещении. Там стояли два человека. Это были сучки. Я уже знал – внутренний голос подсказал, что все животные – и люди и собаки – делятся на сучек и кобелей. Я был кобелем, мой вожак – тоже кобель. А вот мама – сучка. И сестры мои сучки. И вот теперь меня положили на пол около этих двух сучек. Я это сразу по запаху почувял. Одна была большая, другая маленькая. Я сразу понял, уже без внутреннего голоса, что маленькие – это дети людей. Маленькая что-то говорила, взяла меня на руки. Потом я оказался в углу комнаты, там было постелено что-то мягкое. Было видно, что они ничего плохого мне не желают, но я свернулся калачиком и лежал. Мне было холодно. Не унималась дрожь после улицы, а мамы рядом не

было. Я помнил, как в доме вожака, когда открывалась дверь, становилось холодно, но когда прижмешься к маме, да еще к тебе приползут твои сестры и братья, сразу становится тепло. Мне принесли в тарелке молоко. Но есть мне не хотелось, мне хотелось к маме. Старший кобель – он и вожак, стало быть, в этом доме – поднес меня к тарелке и ткнул мордой в молоко. Я облизнулся, почувствовал вкус молока. Нет, мне оно не понравилось. Вот у мамы – да, молоко теплое и вкусное. А это что, пошло какое-то! Я пополз обратно к мягкой подстилке. Я ждал, что меня скоро отнесут обратно, к маме. Я долго не мог согреться, все хотелось к маме, я по привычке ловил запахи, где она может быть, но ее запаха нигде не было. Наконец я кое-как согрелся. Стал засыпать. Мне снились мои сестры, братья, мама...

Проходили дни. Я начал осваиваться в новом доме. Чужие люди – и большие и маленькие – оказались неплохими. Кормили меня хорошо. Сначала мне их молоко не нравилось, но когда они подсыпали в молоко каких-то шариков, вкусных, я стал привыкать к этому молоку. Пошло – не пошло, а жрать хочется. Когда большая сучка – мама детей варила утку, – внутренний голос подсказал, что это утка – чужаки самое вкусное – кости – отдавали мне. Мне это было приятно. Со временем я начал понимать, что эти люди не чужаки, а свои. Только я никак не мог понять, кто в доме вожак. Ясно дело, вожаком должен быть большой кобель – папа. Но потом я стал замечать, что в большинстве случаев

командует мама, а папа ей подчиняется. Я решил, что мама – вожак, хотя это было странно, ведь вожаком всегда должен быть кобель. Но однажды утром, когда я увидел, как маленький кобель – сын не хотел вставать с постели, кидал на всех свои ботинки, а папа с мамой ничего ему не говорили, я засомневался. А позже, когда маленькая сучка – дочь на всех кричала, а остальные бегали вокруг нее, я вообще был в замешательстве. Нет в доме вожака, бардак какой-то! То ли дело там, в старом доме: есть вожак, есть все остальные. Все остальные подчиняются вожаку, следуя его правилам: не писай, где попало – получишь. Ой, вспомнил жизнь в том доме, сразу слезы на глазах. Да и вечерами, когда все уснут, я вспоминал всех своих, мамин живот с сосками, плакал...

Я подрастал. Каждый день меня водили гулять. Я уже не боялся белого снега, бегал, резвился. И однажды увидел своего брата! Я бросился к нему, но поводок меня откинул назад, я перевернулся, вскочил на ноги. Пригляделся: нет, это был не брат, только очень похож. Его вела на поводке маленькая девочка. А меня выгуливал наш вожак. Или не вожак он. В общем, наш папа. Он прикрикнул на меня, еще раз дернул за поводок: предупредил, чтобы я не бросался к кому попало. Но я ведь к брату бросился. Ошибся. Эх, ему не понять. Мы перекинулись взглядами с моим четвероногим собратом (не путать со словом «брат»), он кинул мне вот что: «Нечего здесь тебе гулять, это не твоя территория». Я не возражал.

Внутренний голос уже не подсказывал, что нужно метить территорию. Я сам это понимал. Но

была незадача. Вокруг все было помечено! И густо подкреплено пометом, и все они были от разных собак. И где я здесь могу свою территорию пометить? Ступить некуда! Я был в замешательстве. Везде чужая территория, никуда нельзя! Но папа меня потащил через все чужие территории. Ничего не понимает! Что делать, пришлось идти, метить там, где уже помечено много раз. Безобразия.

Зато после прогулки можно разлечься, полакав молока, вздремнуть. Со временем вспоминал про старый дом, маму все реже и реже. В новом доме мне нравилось. Относились ко мне хорошо, особенно дети. Они играли со мной, кормили. Чтобы меня не ругали, я не должен запрыгивать на стол или кровать, не брать со стола еду, не оставлять где попало свой помет. В старом доме я получил за то, что хотел территорию пометить, а здесь за то, что оставил пару своих лепешек там, где не надо. И все, я все понял. Я понятливый. Я также стал понимать, что меня назвали Белым, потому что я был таким же, как снег на улице.

Наступило лето. Я стал уже большим. Сын с дочкой меня уже не могли поднять. На улицу я уже выбегал сам, шел по тропинке уверенно, и уже от меня шарахались мои собраты.

Дни проходили так. Первым просыпался папа. Варил вонючую похлебку, как он говорил – кофе. Пил аппетитно, потом уходил. Потом просыпалась мама. Долго будила маленьких, сына и дочь; потом они кушали. Поев, надевали на себя много вонючей одежды, мама брызгала на себя что-то, которое

тоже невозможно воняло, и они уходили. Этот вонючий запах стелился по дому, забирался и в дальнюю комнату, куда я уходил. Вообще я поражался, как они терпят эти запахи. Все, что они одевали на себя, воняло. И воняло так, как воняет дым из труб машин во дворе. Про кофе и жидкости, которыми брызгается мама, я уже сказал. Воняет все, что находится в доме: шкафы, скатерти на столах, ящики с маленькими говорящими людьми, маленькие коробочки, которые мои новые хозяева не выпускают из рук и все время, прикладывая к уху, говорят и говорят... Иногда я даже забываю, как они сами-то пахнут, люди. Только когда вечером разденутся, и вспомнишь, как они пахнут. К вечеру у мамы выветриваются ее утренние запахи, и когда она разденется, запахнет ею самой. И папа тоже воняет по-своему, как-то резко и сильно. А утром у них запахи перемешаются, не поймешь: и она пахнет его запахами, и он ее запахами. А вечером они все приносили еще больше других запахов. И они долго не выветриваются.

Когда все уходили, я лежал, вспоминал свой первый дом, иногда дремал или спал, мне что-то снилось. Потом просыпался, ждал, когда кто-нибудь придет. Кто придет первым, тот идет выгуливать меня. А прогулка – единственный свет в окошке в длинном и скучном дне. И то, если куда-то надо тому, кто меня выгуливает, прогулка будет короткой. И снова домой, и снова в тюрьму. И так каждый день. С ума можно сойти. Все, что можно было обследовать в доме, я сделал в первые же дни. Поскольку в новом доме жоака не было, я мог

свободно прогуливаться по всему дому. То зайду в комнату мамы с папой, все обнюхаю, то к детям, если открыто и не раздаются из черных ящиков дикие звуки. А когда все уходило, совсем накрывала тоска. Сколько ни жди, но все равно первый появится только тогда, когда солнце уйдет далеко, и в доме исчезнуть его лучи. И я с радостью кидался к этому первому входящему.

Так проходило время. Каждый новый день как прошедший, никаких изменений.

Но что-то стало меняться в доме. Я не мог понять, что. Сначала я заметил какое-то необычное поведение папы. Да и запах он приносил какой-то другой. Бывает, все приходило с другими запахами. Но когда они снимут свои многочисленные одежды, эти запахи остаются там, с одеждой, где их повесили. А у папы этот чужой запах не пропадал, когда он раздевался, а еще больше усиливался. И исчезал только тогда, когда он выходил из ванны, после душа.

Потом мама с папой стали часто очень громко говорить. А в один день мама, дочь и сын собрали вещи и ушли. И остались мы с папой вдвоем. Я ждал всех остальных вечером, но они не вернулись. И через день, и на следующий день, и еще на следующие. Папа уходил куда-то, потом приходил. Или не уходил никуда, сидел днями дома. Сколько я ни просил, выгуливал меня редко.

А однажды ушел и не пришел вечером. Я прождал его всю ночь, потом целый день. Еще ночь. Но его не было. Я хотел есть, я хотел пить. Нигде ничего не было. Я не должен был запрыгивать на стол, но я это

сделал. Я видел, что на столе стоит посуда с водой, а оттуда трава торчит. Я просунул одну лапу в посуду, лапа стало мокрой, я вытащил ее и жадно стал ее облизывать. Когда я стал вытаскивать свою лапу, помочив ее снова, посуда с травой упала на бок, вода вылилась на стол, полилась на пол. Я быстро стал лакать воду. Сперва со стола, потом с пола.

Так прошел еще день. Я очень сильно хотел пить, даже больше, чем есть. Я обнюхал все комнаты, не было ничего, что можно было попить или съесть. Я знал, что в большом белом ящике есть продукты. Но как я ни царапал лапами дверь этого ящика, открыть не мог. В комнате, где все умывались, пахло водой. Дверь туда была приоткрыта. Зайдя туда, я принялся и почуял, что в небольшом ящичке есть вода. Но она была закрыта крышкой. Я попробовал мордой ее приоткрыть. Получилось. Просунув полностью морду, я с жадностью стал лакать воду. Воды там было много. Я напился досыта. Несколько раз я еще подходил, пока вода не закончилась. Я ее всю облизал, до капельки.

Наконец папа появился. Ночью. Он шатался. От него отвратительно воняло. Но все равно я с радостью кинулся к нему. Но он меня отбросил ногой в сторону, пошел к белому ящику, открыл дверь, взял оттуда банку, закрыл дверь ящика и стал его разглядывать. Он был весь в царапинах от моих когтей. Он зло посмотрел на меня, пошел к дивану, но по дороге наступил на мою лепешку – оставил я их несколько не там, где надо – и шлепнулся. Банка

выпала из его руки и покатила по полу. Дальнейшее произошло стремительно. Он вскочил на ноги и ударом ноги отшвырнул меня. Я не ожидал удара, и он был такой силы, что я некоторое время не мог дышать, даже не взвизгнул, несколько раз перевернулся, пока летел, и оставался лежать. Не успел я прийти в себя, как на меня обрушилась серия ударов ногами. По голове, по ребрам, по спине. Я визжал, кое-как встал на лапы, и бросился в другую комнату. Но отец, громко ругаясь, гнался за мной. В руках у него уже была швабра. Удары шваброй были еще сильнее, чем пинки ботинками. Я визжал, убежал от него, он орал, догонял меня где-нибудь в углу, и бил этой палкой. Я пытался увернуться, но все равно большинство ударов до меня доходило. Наконец у него сломалась швабра, он швырнул в мою сторону то, что осталось у него в руке от швабры. Я забился в углу маленькой комнаты и плакал. Я весь дрожал, у меня все болело: голова, ноги, живот. По морде сочилась кровь. Внутренний голос сказал: «Надо было его укусить». Но как я мог укусить своего жоака... хотя... в следующий раз я его укушу. Я долго не мог успокоиться, дрожал. Вытирал лапой кровь на морде, языком слизывал эту кровь, снова вытирал, а кровь шла и шла. До утра я так и не уснул.

А через несколько дней пришли несколько чужих людей. Они ходили по всем комнатам, отец им что-то говорил, они что-то записывали, потом ушли.

Потом пришли другие чужаки, стали выносить на улицу всё, что находилось в доме. В конце меня

выставили за дверь и закрыли ее на замок. Когда я спустился по лестнице на улицу, эти же чужаки складывали все, что вынесли, на большую машину. Когда погрузка закончилась, машина с грузом уехала. Отец тоже, в этой же машине. Что ж, придется теперь ждать до вечера. Я захромал к ближайшим кустам, там была трава, и можно было на ней полежать. Хотя и прошло несколько дней после побоев, но до сих пор у меня внутри все болело, а на заднюю лапу я не мог сильно ступить.

День прошел незаметно. Я то дремал, то наблюдал за происходящим на улице: подъезжали и отъезжали машины, двулапые выгуливали четырехлапых, с шумом и весельем пробегали маленькие дети двулапых, с сумками за спиной. Я хотел есть, но никуда не уходил, решил дожидаться вечера: придет отец, накормит. Но его все не было. Чтобы его не пропустить, я встречал взглядом каждого проходящего. Хотя и без взгляда, по запаху, было ясно, что это не он. Стало темно, а мне – холодно. Теплая трава с появлением темноты стала холодной, и как я ни сворачивался в комок сильнее, согреться не мог. Появилось ночное солнце на небе, большое и белое. Вдруг, ни с того ни с сего, я поднял морду вверх, на это белое солнце и издал звук – тревожный и протяжный. Я сам не понял, как это получилось. Это был не лай, не рычание – ничто, что я мог извлекать из глотки. Этот звук мне был знаком и знаком одновременно. Я ничего не понимал. Я решил повторить. Но как только я, подняв морду, начал издавать этот звук, открылось окно с верхних

этажей, какой-то мужик что-то крикнул, и в мою сторону полетела бутылка. Она до меня не долетела, упала на дорожку, разбилась, и осколки ее полетели в разные стороны. Я прекратил это свое занятие. Стало тихо. Я мерз и не мог уснуть. На небе появились тучи, стало совсем темно. Тут я увидел какую-то собаку. Пробегая меня, почувствовав мой запах, она остановилась, подошла ко мне. Я приготовился к худшему: она было намного крупнее меня, да и лежал-то я на чужой территории. Но она была настроена дружелюбно. Мы стали общаться.

- Но и чего ты здесь валяешься?

- Да лежу, твое-то какое собачье дело?

- Ладно, не напрягайся, вижу, плохо тебе. Что, хозяин побил, потом выбросил?

- Да ничего он не выбросил, гулял я. Скоро хозяин придет.

- Врать-то. Знаю я вашего брата. Не придет он. Вижу, голоден ты. Пошли, покормлю.

- Не пойду я никуда!

- Дело твое.

Собака побежала дальше. Это была сука, намного старше меня. Я на нее злился. Ходит, указывает. Хотя, ничего плохого она мне не сделала. Может, и надо было согласиться, пойти вместе. И, как будто угадав мои мысли, она снова появилась.

- Ну что, не передумал? Вставай, пошли.

Я ничего не сказал. Начал вставать. Тело от долгого лежания затекло, я подвигал конечностями, потянулся. Что-то внутри хрустнуло, но больно не было. Собака меня обошла, обнюхивая.

– Ничего страшного, кости целы, ушибы, царапины, да, есть. Но побил он тебя капитально.

– Кто побил?

– Кто-кто. Хозяин твой.

– А ты откуда знаешь?

– Я же сказала, что знаю таких, как ты. У них одна история. Ты не грязный, ухоженный, не худой. Ты квартирный. Бездомных сразу видно. Но ты брошенный. Ты своим хозяевам больше не нужен. Это на твоей морде написано. Причин может быть много: уехали в другое место – приобрели другую квартиру, или другую – собаку, или еще какую забаву, а ты им больше не нужен. И через несколько дней и ты станешь таким же бездомным, как я. Ладно, идем.

Мы шли между домами, я еле успевал за моей случайной гостьей. Или я гость? Она успевала еще на ходу делиться мыслями.

– Когда бьют свои хозяева, это страшно. Но когда они бросают, как тебя, это еще страшнее.

Впереди слышался шум. Это были дети людей, даже чуть больше. Они громко разговаривали, на ходу пинали скамейки, кидали пустые банки – выпив содержимое – на стены домов.

Мой попутчик, или попутчица резко свернула за дом, подав и мне знак. Когда эта группа подростков прошла, мы двинулись дальше, а собака продолжала:

– Маленьких людей не бойся, не очень бойся и всем больших, бойся таких, как эти. Им ничто не стоит в нас и камнем, и палкой кинуть. А недавно поймали собаку и кошку, привязали к дереву и давай

камнями кидать в них. Пока они не уснули. Так и спали они на деревьях, пока днем старшие люди их не сняли. Ты бы хотел уснуть на дереве, привязанным?

– Нет!

– И я нет. Поэтому и держись подальше от таких. Хотя, их всех нужно бояться, и маленьких, и больших. Не знаешь, что от них ожидать. То они хорошенькие, ласкают тебя, сюсюкаются, а потом возьмут и выкинут, как тебя. Их не поймешь. Вот я жила и жила у одних, даже не знаю, как к ним попала. Маленькая была. А когда подросла, все убежать хотела, меня к кобелям тянуло. Выйдем гулять, я поводок и рву – куда-то бежать мне надо. Они меня колотить стали. Потом вообще вывезли куда-то далеко и оставили. Я думала, придут, ждала долго. Потом искать пошла, но не нашла. Как найдешь среди этих больших домов?..

– погоди, там впереди человек!

– А-а, этот. Этого бояться не надо.

– Он на всех лапах стоит, не как все люди.

– Это он к вечеру, а с утра он как все люди ходит, на задних лапах. Это он теперь домой идет. Может и не дойти, уснет на скамейке, до утра. Он за целый день напьется этого вонючего, и только к вечеру нормальным и становится – на четыре лапы. А утром опять на задних лапах. Тогда можно его бояться. Он и пнуть может, и замахнуться чем-нибудь. А когда он на четырех лапах, как мы – добрее его нет. И приласкает, и кусочком хлеба угостит. Вот такие они странные, эти люди... Ну, вот мы и пришли.

Под большим деревом лежали четыре собаки. Они недоверчиво посмотрели на меня. Большой кобель темного цвета – сразу видно, вожак – проявил недружелюбие:

- И какого черта ты его притащила?
- Он голоден, есть хочет.
- Вижу. А он-то нам зачем?
- Побили его хорошо, еле шевелится.
- Выгнали. Понятно. Ладно, дадим ему костей.

Моя попутчица подошла к небольшой собаке, тыкнула мордой о его бок. Та вскочила и стала приветливо обнюхивать. Мама лизнула пару раз – ответила на приветствие.

– Это мой. Самый младший. Их у меня много было. Один остался. Я родила зимой, недалеко отсюда. Несколько щенков замерзли, не выжили. Когда немного подросли, двоих поймали, увезли. Вот этот последний. А эти двое, что рядом лежат, несколько дней назад у нас появились, тоже я привела. Лежали около мусорного бака, скулили. Тоже выбросили. Те, кого выбрасывают, в первые дни совсем беспомощные. С ними хоть что можно делать, они к людям привыкли, думают, все люди хорошие, как их хозяйева. Но их могут поймать те, которые нам встречались, и на дереве усыпить. Побить могут, кому не лень. А еще на машинах ездят, специально ловят сетями и вывозят далеко. Один оттуда сбежал, такое рассказывал, говорить-то страшно. Но и вот – последний, наш вожак. Предыдущего-то вожака как раз сетями и поймали. А вожак должен быть, как без вожака.

Моя попутчица оказалась очень говорливой, все говорила и говорила. Я грыз обглоданные кости и слушал ее. Потом мы все сбились в кучу, прижались плотнее. Вожак сказал: «Спите чутко, если нас снова отыщут, могут поймать на сети. Приближаться они будут бесшумно, так что кто первый что учует, подавайте сигнал».

Собаки стали засыпать. Но время от времени кто-нибудь из них поднимал голову, ловил направление ветра, принюхивался и, ничего не учуяв, утыкался мордой в чей-нибудь бок.

А я не мог долго уснуть. Разглядывал небо, прислушивался к шуму, их на улице было очень много. Но сон в конце концов меня одолел, я заснул. Мне снился мой дом, тот, первый. Я совсем маленький, еще слепой. Насосавшись молока матери, ползу к своим сестрам. Я по запаху знаю, кто где лежит, тыкаю мордой всех, приветствую, они отвечают. Потом мы барахтаемся. Заползаем друг на друга, падаем, кувыркаемся, а потом, уставшие, прижимаемся друг к другу, засыпаем...

– Просыпайтесь! Бегите!!!

Крики людей, визг собак, какие-то удары чем-то по земле. Я просыпаюсь, не могу понять, где я нахожусь, что происходит. Вижу только, как извивается, рычит, запутавшись в какой-то сетке, собака. Я прихожу в себя. Уже утро, светло. В сетке – это моя вчерашняя попутчица. Она визжит и посылает сигналы:

– Нас нашли! Бегите! Нас ловят! Новенький, чего лежишь? Берегись, сзади!!

Я даже не успел осознать, что нужно делать, как мое тело само все сделало. Каким-то чутьем почувствовав опасность, не поворачивая головы, мое тело резко бросилось в сторону. Через мгновение на то место, где был я, что-то плюхнулось. Я понял, что это сетка. Ее за палку держал человек. Громко выругавшись, он размахнулся снова. Но я был уже далеко. Никто меня не догонял. Я остановился, стал смотреть из-за кустов. Пойманная собака рычала, продолжала бороться с сеткой, стараясь ее перегрызть, а два человека тащили сетку с собакой к машине. Собак остальных не было. Кое-как закинув сетку с собакой в машину, люди уехали. Стало тихо. Я вышел из-за кустов, вернулся к месту ночлежки. Через некоторое время появился вожак, за ним шла еще одна собака. Она обнюхала место, где стояла машина, вернулась:

– Маму поймали.

Вожак сказал: «И это место нашли, гады. Все, теперь сюда не возвращаемся. Вечером встретимся чуть подальше, а сейчас – кто куда, в поисках еды. Разбегайтесь».

Они убежали. А я все не мог отойти от случившегося. На всякий случай ушел подальше, в кусты, прилег. Нужно прийти в себя. Так много событий...

Немного полежав, я пошел искать свой дом. Нашел я его быстро. Дорогу вчера я запомнил, и запах мой еще с ночи не выветрился, да и людей прошло еще мало. Рано. Подойдя к дверям, я обнюхал землю. Нет, хозяин так и не появился. Я прилег на то место, где лежал еще вечером. Думал, что делать.

В это время начали появляться люди. Они выходили из дома, быстро шагали в разные стороны.

Ожидать, что отец появится утром, не приходилось. Нужно было идти искать что-нибудь съестное. Около дверей появился человек и начал махать палкой, поднимая пыль. Он всегда это делал. Иногда, когда мы с отцом шли на прогулку, этот человек прекращал свое занятие, приветливо улыбался и кивал головой. Поэтому я уверенно пошел к двери. Но этот человек, увидев меня, не улыбнулся, наоборот, его глаза стали злыми, и он громко что-то сказав, замахнулся на меня своей палкой. Я отскочил в сторону, еще раз посмотрел в сторону этого человека. Неужели не узнает? Сейчас узнает. Но нет, он еще раз поднял свою палку, и я бросился бежать. Я бежал и недоумевал: как так, только вчера этот товарищ был приветлив, улыбался, а сегодня готов поколотить. Почему? Что я сделал ему плохого? И отец меня побил ни за что, и этот хочет ударить. Что вообще происходит? Возмущаясь и ругаясь, я забежал за дом, и поспешил к кустам – сильно заболела задняя лапа, мне больно было на нее ступать. Отлежавшись, я немного успокоился, и снова о себе напомнил голод – жгучий, нестерпимый. Недалеко от дома стоял большой ящик, оттуда все время пахло съестным. Когда меня выгуливали, я тоже обращал внимание на эти запахи из ящика, но равнодушно проходил мимо – я был сыт. Но сейчас мне очень хотелось есть. Я поплелся к этому ящику. Чем ближе я подходил к нему, тем сильнее были вкусные запахи. У меня даже голова от них начала кружиться. Около ящика я нашел кусочек

хлеба и набросился на него. Он был жестким, не очень вкусным, но я его проглотил, почти не пережевывая. Больше ничего не было, все запахи шли из ящичка. Тут из-за угла вышел тот, кто меня хотел ударить палкой. Сейчас он для меня был врагом, так мне мой внутренний голос подсказал. Надо было куда-то прятаться. А спрятаться можно было только в этом большом ящичке. Я туда и запрыгнул. Спереди все было в пакетах, а в глубине ящичка место было. Я там и притаился. Мой враг подошел, кинул в ящик какие-то свертки и ушел, не заметив меня. Я пригляделся. Везде были пакеты. Я зубами, придерживая лапами, разорвал один из них. Но в нем из съестного ничего не было. Я разорвал другой. И мне повезло: в этом пакете, маленьком, я нашел остатки курицы – кости. Я с удовольствием их разжевал и съел. Только я начал возиться с еще одним пакетом, подошла какая-то большая машина. Потом ящик, в котором я находился, кто-то поднял и опрокинул куда-то. Вместе с пакетами я полетел вниз, сильно и больно ударился о что-то твердое, а на меня посыпалось то, что находилось в этом ящичке: пакеты, деревяшки, железяки. Я визжал и не успевал отворачиваться. Потом мне стало больно, стало тяжело дышать, стало даже темно. Понял, что я еду куда-то. Я не мог даже шевельнуться, а дышать становилось все тяжелее и тяжелее. Потом все пропало...

...Что-то происходило. Я не мог понять. Или я спал, или не мог прийти в себя. Голова болела, я чувствовал, что меня куда-то тащат. Потихоньку я начал осознавать, что происходило. Мои задние

лапы были обмотаны веревкой, и за эту веревку меня тащили. Мне казалось, что меня тащили по дну того ящика, куда я запрыгнул. То и дело встречались похожие пакеты, большинство изорванные, голова моя билась о них и о другие предметы. Их, этих предметов, было очень много. Это и какие-то коробки, палки, которые втыкались мне в голову, она у меня, подпрыгивая на этих препятствиях, тащилась за моим телом. Но нет, ящик этот никак не заканчивался, потом я понял, что меня тащили по земле. Я успел увидеть, что все вокруг, куда я успевал взглянуть, было так же, как в том большом ящике: такие же пакеты, такие же запахи. Я хотел шевельнуться, но не мог. А тащил меня какой-то чужак, я его никогда раньше не видел. Лица его не было видно. Он был весь в черном: черные ботинки, штаны, пальто, шапка. Не имея сил ни взвизгнуть, ни пошевелиться, я закрыл глаза и больше ничего не предпринимал. Вскоре я начал чувствовать запах огня, человеческий говор. Мы куда-то пришли. Чуть-чуть приоткрыв глаза, я увидел горящий костер. Он был намного больше, чем тот, в моей квартире, на котором варили утку. Я уже привык к огню, не боялся. Но этот огонь был очень большим, и запах от него шел отвратительный. Чужаки сидели вокруг костра и громко разговаривали. Тот, который тащил меня, подошел к ним, начал что-то рассказывать, показывая на меня. Те что-то отвечали. Потом один из них подал длинный нож Черному, что-то сказал. Мой внутренний голос стал мне подсказывать, что приближается опасность. Я вскочил,

вернее, хотел вскочить, но у меня получилось только голову немного приподнять. Остальная часть тела мне не подчинилась. Черный удивленно вскрикнул, повернулся к остальным чужакам и что-то сказал. Те подошли и стали меня рассматривать. А у меня голова снова опустилась, второй раз ее поднять я не пытался, только смотрел на них. Черный отдал нож, подошел ко мне и стал развязывать веревку на моих лапах. Развязал, стал привязывать за шею. Я не сопротивлялся, не было сил, да и опасности – ножа у него в руках – не было. О чем-то оживленно беседуя, чужаки вернулись к костру и стали пить чай, передавая посуду друг другу. Что это чай, я понял по запаху, только запах этот был очень резкий. Потом Черный принес мне в мягкой тарелке какую-то жижу. Пить мне очень хотелось, и я жадно припал к этой жиже. Через некоторое время мне стало легче, я уже мог лежать не на боку, а на лапах. Я начал осматривать, что было вокруг. А было вот что. За мной были кусты, за ними – деревья; с другой стороны, за костром – горы, а на этих горах такая же картина, какую я видел, когда сидел в ящике: пакеты, множество различных предметов, сломанная мебель, тряпки, коробки, мешки... И птицы над этими горами, большие и маленькие. И их шум и галдеж только сейчас я начал замечать: голова приходила помаленьку в нормальное состояние. И острый запах от этих гор я почувствовал, и боль во всем теле появилась. Черный мне подлил воды в посуду, я попробовал встать на лапы, полакал и снова лег: лапы не держали.

Черный и остальные чужаки засобирались, мне подлили еще воды и ушли. А я целый день лежал, облизывал свои раны, иногда дремал. Уйти никуда я не мог, потому что был привязан, да и был очень слаб.

Когда стало темнеть, появились чужаки. Они на привязи тащили собаку. Она сопротивлялась. Но один из чужаков сзади подгонял ее палкой. Собака рычала, отпрыгивала в сторону, но все равно ей приходилось следовать за веревкой, привязанной к ее шее. А тащили веревку два чужака. Они привязали эту собаку к небольшому дереву, а сами снова уселись на свои места, разожгли костер, сварили и пили свой чай. Потом они пошли к привязанной собаке. У одного чужак в руке был тот самый длинный нож. Они навалились на собаку, громко ругаясь, прижали ее к земле; собака рычала, визжала, а потом захрипела и затихла. Около собаки остались двое, остальные вернулись к костру. Вскоре я почувствовал запах мяса, я знал, как пахнет оно: перед тем, как варить, папа всегда мясо разделывал. Потом над костром, в большом ведре мясо стало вариться. От костра вкусно и аппетитно запахло. Черный крикнул в мою сторону и что-то бросил. Оно пахло кровью и мясом. Я поймал его на лету и стал жевать. Но это была кость в шкуре. Опустив на землю, я решил посмотреть, откуда удобнее начать жевать. Но тут я понял, что это лапа, лапа собаки. Я начал ее разглядывать, и вдруг мне показалось, что я чувствую знакомый запах. Я никак не мог вспомнить. Да и на вид она мне показалась знакомой. И

тут я вспомнил. Эта лапа всегда вырывала из моего рта мамин сосок. Это лапа моего старшего брата! Точно. Только тогда она была меньше. Мне сразу вспомнились мамины соски, я успеваю взять в рот мамин самый большой сосок, но тут же рядом оказывается мой старший брат, он оттесняет меня, помогая вот этой своей лапой. Да, как и эта, его лапа была наполовину белой. Да и запах, теперь я вспомнил и запах. Что же, получается, тащили моего брата? А я не узнал. И что с ним сделали? Было достаточно темно, но я встал на лапы, старался увидеть своего брата, смотрел в ту сторону, где он был привязан. Оттуда также шел запах свежего мяса, крови. Приглядевшись, я увидел своего брата. Он лежал на земле. Голова была неподвижна, язык был высунут, глаза открыты, а шеи не было. После головы ничего не было. Я ничего не понимал. Но почему-то им пахло и оттуда, и от костра, и от лапы, у моей морды. И тут мой внутренний голос крикнул, что его нет, не будет больше, потому что не может бегать голова собаки отдельно от всего тела. И что со мной завтра будет то же самое. И вдруг мне стало страшно. Я вскочил, бросился бежать, но тут же был отброшен назад привязанной веревкой. Как убежать, я не знал.

Я не спал всю ночь. Мне почему-то было страшно. Я видел, как чужаки ели сваренное мясо, как они громко разговаривали, запивали чем-то очень остро пахнущим, долго не спали. Я не мог понять, куда делся мой старший брат. Голова у него там, в кустах, но она не шевелится уже давно, лапа

здесь, рядом со мной. А остальное там – в ведре. Но то, что сварилось в ведре, уже не пахло моим братом. Не пахли им и обглоданные кости, которые мне подбрасывали чужаки. Они долго сидели около костра, потом разбрелись по своим коробкам.

Начинало уже светать. Я попробовал встать на лапы. Они болели, но я устоял. Я забыл про веревку, пошел было в сторону, но был остановлен. Как освободиться от нее? Я видел, как ловко получалось у Черного освобождать веревку, но я этого не мог. И тут мне внутренний голос говорит: «Нужно веревку перегрызть». Точно! Как я об этом сам не догадался. У меня же зубы острые. Я принялся за дело. Но не так-то легко было это сделать. Всегда сильные мои челюсти, легко переламывающие кости, сейчас шевелились кое-как. Каждый раз, когда я сжимал челюсти, отдавалось в голову, она начинала болеть, я ослаблял хватку. Подождав, когда боль утихнет, я снова сжимал челюсти. Потом я стал ее просто жевать, как жилистое сырое мясо, которое мне подкидывал отец, когда разделывал мясо. Веревка была толстой и крепкой, но я видел, как она постепенно утончалась в том месте, где я ее жевал. И когда я полностью перегрыз веревку, у меня не было сил даже шевельнуться. Я лежал, отдыхал. Бежать нужно в лес. Там легко можно спрятаться. Было уже совсем светло. Скоро чужаки проснутся, надо торопиться. Я кое-как приподнялся и, шатаясь, решил идти за кусты, к деревьям. Но тут я вспомнил своего брата. Подойдя к нему, я увидел, что голова его так и лежит, где и лежала вечером, а рядом очень много

крови. Я ткнулся мордой об его голову, но он не ответил. Да и голова его была холодной. Я ничего не понимал. И запах моего брата куда-то исчез. Ничего не понимая, поплелся от этого места. Я старался двигаться осторожно, стараясь не ступать резко на лапы; постепенно шаги мои становились увереннее. Я даже попытался бежать, но боль снова появилась, я перешел снова на шаг. От того, что я удалялся от этого страшного места, мне было хорошо. Шел я долго, хотя тело было слабым, и боли снова вскоре дали о себе знать. Да и лес начал заканчиваться. Впереди была большая река, я поторопился к ней, мне так хотелось пить. Подойдя к реке, я долго лакал воду, пока не утолил жажду. Немного поразмыслив, я решил снова вернуться в лес и, спрятавшись там, немного отдохнуть. Сил идти дальше у меня не было. Немного углубившись в лес, найдя под валежником небольшую ямочку, я устроился удобнее и почти сразу уснул.

Я проснулся, когда уже было темно. Видимо, я проспал целый день. Снова хотелось пить. Я направился к речке. Только приблизившись к ней, я заметил, что к речке я бежал, а не шел, тело почти не болело, и сил как будто бы прибавилось. Только хотелось есть. Напившись в реке воды, я раздумывал, в какую сторону реки идти. Понял, что там, где вдалеке горят огни – там город. Туда я и направился. На берегу реки был мягкий песок, и мне удавалось даже бежать. Но на поворотах, когда появлялось обрывистое место, я переходил на шаг, преодолевал преграды и двигался дальше. Там, в городе, среди

высоких домов, есть дом, где живут мои хорошие хозяева. Вожаком там папа, хотя нет, наверное, мама, но какая разница. Главное, что они все хорошие: и папа, и мама, и сын с дочерью. Я вернусь к ним, они обрадуются, будут кормить и выгуливать меня. И тот человек, который каждый день машет у дверей палкой, будет приветливо нам улыбаться.

Хотя казалось, что город совсем рядом, он приближался очень медленно. Я устал и несколько раз останавливался, чтобы отдохнуть. Живот у меня бурчал, я очень хотел есть.

Огни домов были все еще далеко. Я выбился из сил и решил дождаться утра. Пройдя повыше, я устроился среди высокой травы и опять уснул.

Проснулся, когда солнце ярко светило, один бок мой хорошо припекло на солнце. Я встал на лапы и осмотрелся. Город, который мне ночью казался еще далеким, был рядом, высокие дома коробками располагались друг за дружкой, уже был слышен шум машин и их сигналов, лязг, стук от работы каких-то механизмов. В общем, знакомый шум проснувшегося города. Он звал меня, я снова двинулся в путь. Впереди показался мост. Мне показалось, что нужно перебраться на другую сторону реки. Приблизившись к мосту, я побежал по нему. По мосту с ревом проносились машины, иногда встречались прохожие. Я торопился домой, к своим.

Я знал, что там, за большим домом стоит и наш дом, где меня ждут. Подбежав к этому большому дому, я обогнул его и ожидал увидеть свой родной

дом. Но его не было, вместо него стоял очень высокий дом. Не мог же он вырасти за ночь. Нет, и двери не те. Я был в замешательстве. Ну, значит он дальше, решил я. Но и за этим высоким домом моего дома не было! Я побежал дальше. Выбился из сил, обегал дом за домом, принюхивался. Но моего дома не было. Я прилег около лавочки. Я не знал, что делать. У меня не было сил, мне невыносимо хотелось есть, мне хотелось плакать. Немного передохнув, я пошел искать что-нибудь съестное. Я шел по тротуару. Мне встречались люди. Но почему-то они от меня шарахались, поглядывали недружелюбно. Но ведь они совсем по-другому на меня смотрели, когда меня выгуливали! Непонятно. А-а, вон в чем дело: я же был грязный, моя шерсть белого цвета была уже не белой, она свисала комками вперемежку с грязью, на морде царапины, запекшаяся кровь.

Между двумя большими домами какие-то люди капались в земле. Рядом была небольшая будка. Проходя мимо будки, я почувствовал очень вкусный запах вареной курицы. Я остановился. Дверь в эту будку была приоткрыта. Я подошел к этой будке, просунул голову в дверь, она поддалась, я зашел туда. На столе лежали остатки обглоданной курицы, хлеб, посуда. Я понимал, что на стол запрыгивать нельзя. Но голод был такой силы, что сопротивляться ему я не мог. Я запрыгнул на стол, но не успел подойти к еде, как услышал с улицы крик, а в окно увидел бегущего в сторону будки одного из тех людей, которые копались в земле. Не

успел я выскочить на улицу, как меня встретил удар сапога. Я кубарем покатился по земле, но тут же вскочил на лапы и бросился было бежать по тротуару. Но навстречу мне с криком бежал другой из тех. А из-за будки выскочил еще один, с палкой. На мгновение я остановился, не зная, куда бежать.

...Бежать Белому было некуда, кроме, как на дороге. А по ней с ревом проносились машины. Конечно, в другой раз он бы подождал, вместе с людьми, на переходе. Он знал, что когда люди стоят – надо стоять, не соваться на дорогу, а когда они пойдут – вот тогда можно, тогда машины почему-то останавливаются. Но сейчас времени не было. Увидев быстро приближающуюся большую машину, Белый решил, что успеет проскочить перед ней, прыгнул на проезжую часть. Успел, но за этой машиной была другая... Все слилось в один шум: визг тормозов, глухой удар, треск ломающихся костей Белого. От удара его отбросило в сторону, но тут же его догнало колесо машины, затем второе. Они проехали по туловищу, по задней части, ломая кости, остановились. Из машины вылез полный мужчина, матерясь, мельком кинул взгляд на собаку, и пошел осматривать свою машину. Потом, так же ругаясь, сел в машину и уехал...

Теряя сознание, Белый заметил, что люди стали переходить дорогу. Машины остановились. Значит, нужно идти. Но идти он не мог. Он не мог даже подняться. Он полз. Двигать он мог только передними лапами. И он ими двигал, сколько было сил. Люди шарахались в стороны, подальше от этой чудовищной картины: ползла собака, скоблила, царапала передними лапами асфальт, тело ее медленно

двигалось, а задняя часть ее была совершенно плоской, за телом растекалась кровь и тянулись за нею, за собакой, длинными веревками, ее кишки...

Белый успел, он смог перейти, переползти дорогу, прежде чем загудели, набирая скорость, машины. Он отполз еще дальше, на обочину. Все было как в тумане. Постепенно яркий солнечный день куда-то стал исчезать, его голова кружилась, стало совсем темно, он стал куда-то падать...

А потом стало тихо и светло. Светило ярко солнце, он очутился на лужайке, покрытой мягкой зеленой травой. И вдруг он увидел своего старшего брата, он бежал навстречу и махал хвостом. И голова, и лапа его, наполовину белая, были на месте; а за ним ползли сестры Белого, совсем маленькие, еще слепые: сестренка, потом еще одна сестренка, потом еще одна сестра – старшая. И почему-то они были мокрыми...

НА БЕРЕГАХ КАТУНИ

Глава 1.

– Ну что, собирайтесь, поедете в Иню.

Дядя Аркадий положил трубку телефона, посмотрел на нас.

– Зачем?

Мы спросили одновременно почти, я и Толик. Толик – сын, старший из детей дяди Аркадия, я – племянник его.

– А вы ничего не поняли?

Мы, конечно, поняли, но нужно же делать вид, что мы не подслушиваем чужие разговоры. Несколько минут назад в доме Улановых зазвонил телефон. Я читал книжку, Толик колдовал над своими крючками – он был заядлым рыбаком. Трубку подняла сестренка Толика, Ленка, которая разбирала свои куклы. Потом, что-то услышав в трубке телефона, быстро положила трубку на стол, побежала к выходу.

– Папа, папа, телефон, Иня звонит.

С улицы пришел дядя Аркадий, сел в кресло около стола, поднял трубку.

– Да, слушаю. Уланов слушает. Иня? Кто это? Аа, училище? Николай Петрович? Узнал, конечно, узнал. Ну, как жизнь, как жена? Все хорошо? Да, слушаю, слушаю, говорите... Сколько? Человека три-четыре? И девчонок можно? Так, на тракториста, на шофера? Это отдельно, да? Учиться сколько? До весны. Ну, год, считай, учебный. Но а что не найдем,

найдем. Да у меня вот, рядом два оболтуса сидят, с армии вернулись оба, этой весной. Сено заготовили, вот, теперь болтаются. Я как раз и думал, куда их пристроить. И еще двоих найду, у нас в деревне бездельников много. Все, Николай Петрович, сделаю. Хороши. Позвоню.

Мы сидели, ничего не говорили. Дядя Аркадий прошелся по комнате, оглядел нас. Потом сказал:

– Учиться поедете, в Иню, на шофера. Николай Петрович звонил, недобор у них. И еще двоих-троих найдите, среди знакомых, друзей, может, кто пожелает. На шоферов выучитесь, работать будете, в совхозе шоферов не хватает. Поступайте в группу шоферов, тракториста одного в семье хватит. Завтра поймаю машину – КАМАЗЫ грузы в совхозы возят – и договорюсь, чтобы вас до Ини подбросили. Среди шоферов много моих знакомых. Всё, собирайтесь, завтра в путь. Занятия в училище уже начались. Сегодня уже... – он кинул взгляд на отрывной календарь на стене, – уже третье сентября. Учатся они с первого числа. Делом займитесь. А то, сколько можно студенткам головы морочить. Ездите, спать им не даете.

– А?

– Чего?

Мы опять с Толиком сделали удивленные и непонимающие якобы физиономии: о чем это он?

Но дядя Аркадий не стал углубляться в эту тему, закончил:

– Там вас будут кормить, общежитие дадут. Сегодня с тетей Зоей ходите в магазин, из одежды

что-нибудь купите. На дорогу она денег тоже даст. Рублей по десять. На первое время хватит. Хороши?

Ответ ему не был нужен, он пошел из дому заниматься своим делом. На улице он ремонтировал седло.

Когда дверь закрылась, мы посмотрели друг на друга: нас не удивила эта новость про учебу, мы были возмущены тем, что наша поездка к студенткам стала рядовой новостью, по крайней мере, в этом доме. Кто мог сказать? Да, действительно, накануне вечером, мы с Толиком ездили на стоянку, где жили студенты. Каждую осень, во время уборки зеленки – овса, по культурному, к нам в район привозили студентов. Их заселяли в дома на зимних стоянках. Студенты днем работали в поле, ходили за тракторной волокушей, накидывали в нее скошенную и чуть высохшую эту тяжелую зеленку, вечерами на улице жгли костры, пели песни, девчонки отбивались от местных парней, типа меня и Толика.

Как Толик узнал про студентов, не знаю, но вчера вечером говорит: «Сегодня поедем со студентками знакомиться, на стоянку, в Туралу. Они вчера приехали».

Я спрашиваю: «А ты откуда узнал?»

– Не твое дело. В общем, вечером едем. Домашним скажу, что в Балыктуюль едем, к родственникам, помочь сено перевезти. И ты так говори, если кто спросит. Никто не должен знать. Поедем на двух мотоциклах. К вечеру сходи к Сережке, заведи у него мотоцикл, на двух поедем. Я с ним договорился.

– А зачем на двух?

– А если я с кем-то вдруг один на один захочу побеседовать, ты мне зачем нужен? Я и уеду с ней. А ты еще с кем-нибудь тоже уедешь. Сечёшь? Давай, готовься, а я попробую в магазине пару бутылок водки выклянчить.

Вечером я сходил к Сережке, взял у него мотоцикл. Сережка – это родственник, сын сестры дяди Аркадия. Мотоцикл у Сережки тоже, как и у Толика, «Иж-Юпитер», тяжелый и с норовом. Сережка объяснил, что к чему: что нужно делать, чтобы тормоза хорошо работали, что нужно делать, если не заводится, и как заводить с толкача.

В общем, вернувшись уже под утро с нашего вояжа, довольные, что никто ничего не знает, сидим в доме и вдруг узнаем, что наша поездка уже не секрет. Кто мог съябедничать? Ведь никто не знал!

По-моему, мы одновременно подумали: а может, Ленка? И посмотрели на нее. Может, она подслушала наш разговор? Но она, как ни в чем не бывало, занималась своими куклами. Она училась во втором классе, но куклы ее интересовали больше, чем книжки. Нет, не похоже, что она. Тогда кто? Удивительно!

Отойдя от этой новости, мы вернулись к теме о завтрашной поездке. Толик говорит:

– Неохота мне ехать. Скоро белковать, а я штаны протирать буду в училище. А белки нынче много будет. Хороший сорт шкурки за 3 рубля пойдет, а то и больше. А чё шофера, под машинами лежать, зимой – на снегу. Кому охота. Да ладно, поедем, а что делать, отец уже договорился. А тебе охота?

– Да я тоже не планировал, я ведь и так учусь. Собирался скоро в Барнаул ехать. Но поедem, посмотрим. Вдвоем же все-таки, веселее.

– Ну, да.

Зашла тетя Зоя, мать Толика.

– А что такие грустные, будущие шофера? Шофер – человек нужный в деревне. И дров подвезти, и сена. Собирайтесь, в магазин пойдem.

Тетя Зоя накинула на голову платок, взяла деньги в шкафу и повела нас в сельпо. В центре села находилось несколько магазинов, в основном продуктовые, один промтоварный. Мы пошли в промтоварный.

Домой возвращались с покупками: две одинаковые куртки из морщинистого, блестящего, черного дерматина (только позже мы узнали, что в нем в жару – жарко, а в холодную погоду – холодно), две пары одинаковых ботинок и двое штанов, тоже одинаковых. Благо, Толик меня больше габаритами – одежда была разных размеров, да и на физиономии мы были разными: он темный, я светлый. А будь мы одного роста и похожими – близнецы были бы, да и только. Хотя, подумать надо, что лучше было бы. Вот так, в одинаковых ботинках, в одинаковых штанах и в одинаковых куртках мы должны были предстать в Ининском училище для погрызания (от слова «грызть») гранита науки о шоферском деле.

Утром дядя Аркадий действительно поймал на дороге машину, договорился. Совхозы в районе были крепкие, работы было много, и чуть ли не ежедневно машины (и свои – совхозные, и чужие – из

города) приезжали в район. Привозили цемент, шифер, муку, в общем, все, что нужно для жизни людей. А так как дом дяди Аркадия находился прямо на дороге, приближающиеся машины можно было увидеть издалека. Вышел на дорогу, договорился с одним шофером, разбудил нас:

– Так, бездельники, бензовоз повез бензин в Балыктуюль, сольется, будет часа через три. Вставайте, собирайтесь. Так больше и не нашли, кто еще учиться хочет? Ладно, сам поищу, отправлю еще кого-нибудь.

Мы нехотя стали одеваться – а куда деваться?

В обед получилась небольшое провожание. В летнем сарае, за столом сидели дядя Аркадий, шофер бензовоза, я с Толиком. Тетя Зоя хлопотала около старенькой печки, накладывала еду, около дверей стояла тетя Ольга Карабелеева, из-за ней выглядывала Ленка.

Дядя Аркадий, попивая чай, поучал:

– Вечерами по Ине не шарьтесь, местные парни поколотят, местных девок не щупайте, тоже местные поколотят.

Тетя Зоя замахнулась на него тряпкой:

– Болтаешь что попало, людей бы посторонних постыдил. У тебя только это на уме.

– А чего стыдиться? Культурно говорить можно, а все к нему и идет, к щупанью. Иначе мужик не мужик. Правда, Иван?

А Иван, в первый раз оказавшись за этим столом, в первый раз оказавшись в компании с дядей Аркадием, смущенно кивает головой, улыбается, молчит и ест.

А дядя Аркадий все продолжает:

– А что, вон, супруга моя, Зоя, я ее оттуда и привез, из Хабаровки она. Я ведь тоже там учился, на Ине, там и приглядел ее. Вот, сколько лет уже живем, до трех детей дощупались.

На этот раз тетя Зоя уже ударила мужа тряпкой по голове. Но он лишь с улыбкой отмахнулся.

– Вот видишь, Иван, как получается. Ты к ней с лаской, а она...

Тетя Ольга вставила слово:

– Толя, Слава, учитесь хорошо. Шофера нужны нам. Вот вам по три рубля, пригодятся.

Мы опять в два голоса одновременно: «Спасибо, тетя Оля».

Тетя Ольга – уже старая женщина, всю жизнь одна, был ли у нее муж, я даже не знаю, долго работала почтальоном, сейчас дома, на пенсии. Она живет за стенкой, в этом же двухквартирнике, где живет семья дяди Аркадия, и поскольку ограды нет между участками квартир, она всегда находилась на соседнем участке. С тетей Зоей поговорит, подойдет к Толику, если он чинит мотоцикл, спросит о чем-нибудь, с Ленкой поболтает. К дяде Аркадию сильно не подходила, они как-то сторонились друг друга. Открытой вражды не было, но... Однажды, когда я еще учился в старших классах, она привезла дрова, чурками, и искала, кто бы мог расколоть их. Я ей расколол за два дня. Отблагодарила, дала 15 рублей. Я даже не ожидал.

Когда сидящие за столом закончили трапезу, все пошли за ограду, к машине. Это был бензовоз, на базе

машины «ЗИЛ-130», уже повидавший на своем веку многое. Краска на бочке, кабине была обшарпана, крыло около водителя было помято, колеса лысые.

На бампере, на крюках, висели цепи.

«Я позвонил, Николай Петрович вас встретит», – сказал нам дядя Аркадий.

Все с нами обнялись, и мы со своими небольшими сумками полезли в кабину. На полу лежали рукоятка, какие-то ключи, топор.

Водитель завел машину, еще раз на всех посмотрел, кто стоял у машины, кивнул головой, передвинул рычаг скоростей и нажал ногой на газ. Каждый провожающий махал рукой, а Ленка, самая маленькая, махала двумя ручками.

И сразу защемило в груди, как-то стало тоскливо и грустно.

Прощай, село, прощайте родственники. Ой, чуть не забыл, и студентки. Студентки, которым было немало обещано. Что не пообещает молоденький парень, да еще после двух-трех стопок водки. Возможно, они сами забыли наши обещания, а возможно, нет, и будут поглядывать вечерами на дорогу: не клубится ли пыль из-под колес мотоциклов... Но напрасно. Прощайте. Простите.

Глава 2.

Дяде Аркадию было лет сорок пять. Это был небольшого роста мужчина, среднего сложения, с умными и живыми глазами. Он был заядлым

охотником. В охотничий сезон он уезжал на несколько недель в тайгу. Привозил соболей, белок. Он легко сходилась с людьми, со многими находил общий язык, любил и выпить. Особенно после удачной охоты. На несколько дней. Потом тетя Зоя топила ему баню по-черному, и он там отмокал полдня, полдня отлеживался в доме, а наутро – свежий, как огурчик.

Когда выпьет, был шумным, мог поспорить, доказывая свое, мог и подраться. Однажды его завалил на землю тот, с кем он ссору затеял, и начал дубасить. Так дядя Аркадий вытащил нож и сунул ему под ребро. Отсидел пару лет. Хорошо, что тот выжил.

Дядя работал и шофером, и трактористом. В последнее время ему дали единственный в совхозе трактор «С-100», на котором он работал на дороге. В основном прокладывал и ремонтировал дороги к животноводческим стоянкам. А зимой, после большого снегопада, когда к дальним стоянкам метель дорогу заметает так, что даже на бульдозерах «ДТ-75» не пробиться, посылали его, на «С-100». Дядя Аркадий прилаживал лопату на свой трактор и мог пропадать неделю, расчищая дороги.

Он действительно учился в Ининском училище, в пятидесятые годы. Выучился на шофера и тракториста. Там и нашел свою будущую супругу. Механизаторов в то время не хватало, и в это училище приезжали со всех районов. Там познакомился Аркадий со многими ребятами, которые потом стали мужиками, работали шоферами, ездили по районам, развозили

грузы. И обязательно среди шоферов найдутся знакомые дяди, или те, кто знает его знакомых. Стоит только назвать имя и село, где кто живет.

В последние годы он даже преподавал в этом училище. Получилось как. Решило руководство училища филиалы открыть в районах. В Улаганском, в том числе. И стали искать кандидатов на преподавателей. Вышли на Аркадия Абрамовича. Он согласился. Училище арендовало комнату, привезли ему плакаты, и он стал обучать людей. Удобно, конечно. Не выезжая никуда, ребята учились и получали документы или шофера, или тракториста. Когда приезжал Найденко Николай Петрович, завуч училища, Аркадий Абрамович приводил его к себе домой, он жил там несколько дней. Потому что его дядя Аркадий потащит то на охоту, то на рыбалку. Кормила его тетя Зоя отменно. А готовить разные блюда, как она, мало кто умел. В маленьком сарайчике, в стесненных условиях она и блины, и пироги пекла, разные блюда мясные (муж же охотник) всегда были на столе, даже квас (кто бы о нем знал в Улагане!) она ставила. На вид она была светлой, не похожей на алтайку. Предки, видимо, виноваты. Еще она мастерски умела топить баню. Она топилась по-черному, и тетя Зоя никому не доверяла это дело. Говорила, что немного не так сделаешь, угореть можно. Она растапливала долго, потом выносила угли, открывала дверь, плескала воду на камни, через некоторое время дверь закрывала. Говорила, когда можно идти в баню. Мы с Толиком ходили вдвоем, напаримся – и в речку, она рядом протекает. Наперегонки до речки и обратно.

Детей, как сказал уже дядя Аркадий, у них было трое. Старший, Толик, был на год старше меня, и его сестры, Маша и Ленка. Про Ленку вы знаете, а Маша учится в Новосибирске.

С Толиком мы росли вместе с детства. Поскольку он был на год старше меня, во всем верховодил он. Очень любил рыбачить. Учил меня этому ремеслу. Но безуспешно. Его крючки, лески и различные причиндалы, касающиеся рыбной ловли, меня не интересовали совсем. Я учился в городе, и он на каникулах мне заказывал кое-что из рыболовных мелочей. Крючки там, еще что. Я привозил. Он бушевал: опять не то привез, что он просил. Я отвечал, что, видимо, не понял. «Как можно не понять, – возмущался он. – Я же тебя просил маленькие крючки купить. На османа. А ты что мне привез? Что мне ими ловить, крокодила?»

Я отбивался:

– Я думал, чем больше, тем лучше.

– Думал-то чем? Головой надо думать.

Тащит меня на реку. Рыбачим с ним. Он только успевает рыбку за рыбкой вытаскивать, у меня даже не клюет. «Ага, – думаю, – он мне плохую удочку подсунул, а себе хорошую взял».

– Толик, давай меняться удочками, у меня не клюет.

Он без разговоров меняется. И что вы думаете? Он так же вытаскивает рыбешку за рыбешкой, а у меня не клюет!

На каникулах я привозил мяч, звал его на стадион. Он плевался:

– Какой дурак это придумал? Ну какой интерес бегать за этим мячом? Что толку? Ты сходи на речку, налови рыбы, принесешь домой, мама пожарит, поешь, или даже кошке отдашь, если мальков наловил, и то польза. А от твоего мяча какой толк? Или ты вот придумал: песку в мешок насыпал, привязал к потолку в коровнике, и колотишь. И что? Мешок порвался, руки все в крови. Что хорошего? Или вон, бегаешь по стадиону, как дурачок. Делать нечего? Вечером за телятами бегай, ищи их, а то все время мне их приходится пригонять.

Я пробовал парировать, что-то доказывать, но он и слушать не хотел.

Вот так мы и росли. В армию он раньше меня ушел, на год, потом я ушел. Но вернулись мы в одно время, весной 1979г. Я два года служил, он три года, в морфлоте. Домой ни разу не приезжал за это время. А я приезжал, как год отслужил. На похороны, когда мать умерла. После армии жил у дяди Аркадия.

Месяц мы отдохнули после армии, а остаток лета готовили сено, в нескольких местах. Так бывает: мест, больших и просторных, чтобы в одном месте готовить, у нас в районе мало, поэтому и готовят люди в разных местах. Косили вручную, собирали ручными граблями, в копна, и чуть попозже вывозили на машинах, до села.

Только разделались с этим мероприятием, решили отдохнуть: вечером кино, танцы, (да, и студентки!), подъем только к обеду. Но не тут-то было. Едем осваивать Иню. Получится ли.

Несмотря на то, что бочка бензовоза была пустой, на небольших подъемах машина натужно гудела, вся дребезжала, и казалось, что сейчас что-нибудь отвалится от нее. Иван, водитель бензовоза, комментировал:

– Машина старая, скоро спишут ее, девять лет отходила. Мотор недавно перебирал, но все равно плохо тянет. Вот сегодня погода теплая, опять будет греться. Вожу воду в канистре. Вчера на перевалах грелась, кое-как до Акташа доехал. Там переночевал, и с утра, пораньше – штурмовать Улаганский перевал. Ничего, вытянула, в бочке-то соляры тонны четыре было. А сейчас пустая, легче.

Чуть-чуть не доезжая Кубадринского моста, машину как-то повело в сторону. Иван остановил машину, вышел, посмотрел на переднее правое колесо, сплюнул:

– Колесо проколол. Камни острые, да и колеса лысые.

Вернулся к кабине, заглушил мотор, стал вытаскивать ключи. Мы ему помогли: подносили домкрат, снимали запасное колесо, выкручивали колесные гайки. Потеряв около часа, извозившись в грязи и пыли, мы с Толиком пошли в реку, мыться, а Иван, собрав ключи, поехал за нами. Мы все помылись в реке, набрали холодной воды в канистру, поехали дальше. Дорога теперь была все в гору и в гору, машина фыркала, ворчала, но ехала. Но перед самым перевалом, когда начался самый крутой участок, она несколько раз чихнула и остановилась.

Иван сказал: «Бензонасос». Вышел из кабины, открыл капот и крикнул нам: «Ребята, камней больших под колеса положите».

Мы пошли таскать камни. Иван вернулся к кабине машины, уселся за кресло, попробовал завести. Машина завелась, но обороты не набирала. Немного поработав на небольших оборотах, заглохла. Иван снова полез под капот. Сказал: «Буду бензонасос разбирать. Диафрагмы заменю. А вы натаскайте побольше камней под колеса, не дай бог, укатится». А сам полез в свою сумку с запчастями.

Мы таскали камни, Иван возился под капотом, прошло еще около часа. Наконец машина заработала ровно, может, из-за новой диафрагмы, может оттого, что двигатель остыл. Иван подал нам команду «садиться» и мы быстро запрыгнули в кабину. Он освободил ручник (тормоз ручной), нажал на газ, но машина, чуть шевельнувшись, осталась на месте. Иван повторил попытку. То же самое. Машина гудит на больших оборотах, но не едет. «В чем же дело?» – пробормотал Иван, потянул на себя ручной тормоз, вышел из машины, и с правой стороны начал откидывать камни, громко матерясь. «Кто с верхней стороны камней под колеса наложил?» – чуть ли не крикнул Иван, садясь в машину. Мы ничего не понимали.

– Кто с правой стороны колеса камнями обкладывал?

С правой стороны работал я. «Я», – говорю. Иван ничего не ответил, все внимание теперь у него было сосредоточено на машине: она хоть и гудела ровно,

но на этом самом крутом участке перевала неизвестно, как она себя поведет.

Только взобравшись на перевал, Иван остановил машину, заглушил мотор. Вышел, мы вышли за ним следом. Теперь у него лицо не было таким злым. Он даже засмеялся:

– Зачем надо было класть камни спереди колеса? Ведь она в гору не покатится!

Я посмотрел на Толика, он начинал хохотать. До меня стало доходить. Услышав команду: «камни под колеса», мы с Толиком распределились, кто на какой стороне машины работает. Он остался на левой стороне, я пошел на правую сторону. Под колеса, так под колеса. И добросовестно обложил оба колеса с двух сторон: и переднее, и заднее. Поэтому, когда машина пыталась сдвинуться с места, мои камни, что были под колесами с верхней стороны, где они не должны лежать, не давали машине тронуться с места.

Теперь мы хохотали втроем. Когда успокоились, Иван сказал: «Давайте теперь вернемся, камни свои уберем с дороги, другим будут мешать». Мы пошли к своим камням и с улыбкой скидывали их на обочину.

После перевала машина бежала веселее, Иван расспрашивал про озера, что встречались по пути, Толик с удовольствием рассказывал.

– Это озеро называется «Узун кол», длинное, значит.

– А купаться в нем можно?

– Нет, вода очень холодная, даже летом. Говорят, очень глубокое.

Дорога была щебеночная, встречные машины, или машины, которые обгоняли нашу неторопливую бензовозку, поднимали пыль, она проникала в кабину, лезла в нос, глаза. Если окошко приоткроешь, еще хуже. Доехали до Мертвого озера.

– Почему оно Мертвым называется?

– Потому что на это озеро птицы не садятся, в нем рыбы не водятся. В Акташе же ртуть в шахтах добывают, в здешних местах его много, а она ядовитая. Поэтому и чуют это и животные, и птицы.

– Интересно, лед крепкий на озере, зимой?

– Наверно. Но, бывает, ломается. Раньше, когда здесь дороги были очень плохие, по той стороне, по льду зимой машины ездили. И несколько раз машины проваливались.

– И как, жертвы были?

– Конечно, однажды полная машина людей под лед ушла. Никто не спасся.

– Как, никого не вытащили?

– Зимой же, кто вытащит.

– А машины доставали?

– Там очень глубоко, не достать. Да тогда и техники такой не было, чтобы достать, это еще до войны было. Тогда, отец рассказывал, на первых машинах пять-шесть часов из Улагана в Акташ добирались. А иной раз и застрянут, зимой. На перевале всегда метет, люди вручную дорогу чистили, у подножий перевала, с двух сторон, избушки стояли, люди там грелись, иногда и ночевать приходилось. Так что, если мы сегодня за три-четыре часа проходим этот путь, это хорошо.

- Да, сейчас хоть техника чистит дорогу, а раньше туго людям приходилось.

Так, за диалогом Толика и Ивана мы доехали до Акташа. Акташ – это почти город, по сравнению с Улаганом. Это двухэтажные дома, это ломящиеся от продуктов и других товаров магазины, это шахтеры, это известная на всю страну добыча ртути.

Когда мама работала бухгалтером, а я был маленьким, райцентр был в Акташе; и она ездила сюда раз в месяц в банк, за деньгами, за получкой рабочим. И этот день был праздником для меня. Вечером она привозила тушенку, сгущенку, кукурузные хлопья и многое-многое другое, чего не было в Улаганских магазинах. Этот день был очень долгожданным для меня.

Акташ делился на две половинки: верхний и нижний. Мы сейчас ехали по верхнему. Прямо около дороги «ухала» дизельная электростанция, она давала свет всему Акташу. После нижнего Акташа мы выехали на Чуйский тракт. В конце Акташа была заправка, Виктор стал заправляться. Мы вышли из кабины, немного размялись. Почему-то дорога из Улагана в Акташ мне показалась очень длинной. А мы еще и половину пути не проехали. Пока машина заправлялась, мы с Толиком перекусили пирожками, которые нам положила тетя Зоя. Они оказались очень кстати. А мы еще отказывались. Ясно, что старшие лучше нашего про жизнь знают.

Дальше дорога была лучше, хотя и были места, где шел ремонт, была та же пыль, неровности. Но, тем не менее, нам удалось уснуть. Проснулись мы

только тогда, когда машина остановилась. Было уже темно. Иван на улице с кем-то стоял. Мы вышли из машины. Перед нашей машиной стоял автомобиль «Жигули», с открытым капотом. Иван с каким-то мужчиной разговаривал.

– А предохранители целы, не смотрели?

– Да не смотрел я, фонарика нет, а спички все сжег.

– А до Ини недалеко же, по-моему, сколько километров?

– Да километров пять.

– Так, мотор, говорите, работает, габариты горят, а фары – нет. Сейчас надо предохранители проверить. Или давайте сделаем так. Я буду ехать спереди, а вы сзади ездите, по моим габаритным огням, да и светом от фар ориентироваться нетрудно будет. Где вы там живете, в селе?

– Да в начале села, слева. Да вот дочка, в машине, она может к вам в кабину сесть, покажет.

Мужчина открыл заднюю дверь легковой машины: «Доченька, садись в ту машину, покажешь, где свернуть, к нашему дому».

Из машины вышла молоденькая девушка. Иван обратился к нам: «Ребята, кто-нибудь садитесь в «Жигули», а девочка в кабину сядет».

Толик толкнул меня в бок: иди, мол, в легковушку. Я пошел. Когда все уселись, машина Ивана объехала «Жигули», посигналила, и тихо поехала спереди. Наша машина тоже поехала. Я сидел рядом с мужчиной. Фары не горели, и мы на небольшом расстоянии следовали за бензовозкой. Сперва водитель не мог приоровиться, но потом выехал чуть в сторону, на левую

часть дороги, и все было видно: и повороты спереди, и ямы с камнями на дороге. За рулем был мужчина средних лет, он стал рассказывать:

– Да на стоянку ездили, надо было к родственникам съездить, помочь. Стоянка от тракта километров десять. Поработали день, вечером выехали, когда стало темнеть, фары включил. А они не работают, не горят. Но я сильно-то не разбираюсь в машинах, провода проверил, ничего не понял, еду дальше. А пока до тракта доехал, совсем темно стало, немного проехал, опасно, остановился, стою, вот. А вы-то, откуда едете? Я даже у шофера ничего и не спросил, даже имени. А меня Дмитрием Михайловичем зовут. Фамилия Васильев.

– Водителя Иваном звать, он из города, к нам топливо привозил, в Улаган. Мы оттуда, с Толиком, моим другом. Едем в Иню.

– А что в Ине, наверное, в училище учиться?

– Да, учиться, на шофера.

– Правильно, у нас в училище со всей области едут учиться, даже бывает, из Алтайского края. Хорошее училище, нужное. Я и дочери посоветовал туда поступить учиться. Она хочет медиком стать, нынче не поступила, я говорю, что год терять, иди в училище. Учится она теперь там, тоже на шофера. Вместе будете учиться.

Появились огоньки домов, мы уже приблизились к селу, бензовозка сбавила скорость, и в одном месте свернула с дороги.

– Немного осталось, вон за тем, вторым домом. Доехали.

Мы все вышли из машин. Иван протянул руку хозяину дома:

– Ну, бывайте, завтра предохранители посмотрите, скорее всего, они. Если перегорела бы одна фара, вторая бы светила. Оба не горят, значит, предохранители, или проводка. А я подброшу ребят до училища, и до Онгудая поеду. Там переночую. Всего хорошего.

– Погоди, погоди. Зайдите, хоть чаю попейте.

– Спасибо, но некогда, ехать надо.

– Иван, ребята, давайте так. Сейчас... – он посмотрел на часы на руках – полдвенадцатого. В двенадцать свет потушат. Куда они ночью? Училище, да и общежитие, сейчас закрыто. Иван, ты езжай, а ребят я оставляю у себя. У меня переночуют, а завтра и уйдут в училище. Надя покажет, как раз. Она же там учится.

– Вот это будет здорово. Ребята, согласны?

Мы кивнули. Вернее, кивнул Толик.

– Ладно, будем прощаться.

– Спасибо вам большое, что довезли, – сказал я.

– И вам спасибо, учитесь хорошо, самое главное, камни ложите туда, куда надо!

Иван захохотал, сел в кабину, закрыл за собой дверь, помахал рукой, машина тронулась с места. Мы стояли и смотрели вслед удаляющимся огонькам бензовозки. За этот день и машина эта старенькая, и Иван, водитель ее, стали нам близкими и родными, и нам так не хотелось, чтобы мы расставались. Потому что кто его знает, каким он будет, следующий день.

Глава 3.

А следующий день, вернее, утро, было солнечным. Мы с Толиком спали на одном диване, в летней кухне. Вечером Дмитрий Михайлович поил нас чаем, когда уже потух свет. Надя, наша попутчица и будущая сокурсница, постелила нам постель; мы как легли, так и вырубались: дорога, новые впечатления забрали много сил.

Мы уже проснулись, хотели встать, как скрипнула дверь и появился незнакомый солидный мужчина: при пиджаке, рубашка с галстуком, в руке черная папка.

– Как спалось, друзья? Вставайте, чай попейте в доме, и в училище идите. Надя вам покажет, куда идти. Как раз она на занятия собирается.

Только по голосу мы узнали, что это хозяин вчерашних «Жигулей». В темноте, вчера, мы ведь его толком-то и не рассмотрели.

– Хорошо спали, сейчас встаем, – ответил Толик.

Хозяйка дома напоила нас чаем, мы поблагодарили, вышли на улицу и стали ждать Надю. Стали осматриваться. Да, я проезжал много раз Иню, когда учился в городе, но как-то не замечал, что за село. Сейчас оно мне казалось совершенно незнакомым. Со всех сторон село окружали высокие горы. Даже не горы, а скалы. Высокие, каменистые, на которых, практически, не было растительности. Чуть пониже, у склонов виднелась трава, пожелтевшая и редкая, а выше – скалы, скалы, скалы, на которых ничего нет, одни камни. Как на рисунках. Чуйский

тракт делил село на две части, слева несколько улиц, и справа.

Вышла Надя, и мы пошли по селу. По дороге она рассказала, в какой группе она учится, когда начали учиться, сколько девчонок, сколько мальчишек. Я удивился:

– И девчонки учатся на шоферов?

– Да, их чуть ли не половина в группе. Да в основном наши, Ининские. Вот и наше училище. Вам в то здание, там контора, а я в следующее пойду, у нас занятия там проходят.

Мы стояли около длинного здания. Оно было бревенчатое, одноэтажное. Над дверью висела вывеска. Слова с большими буквами были видны изда- лека. «Ининское СПТУ № 5». А сверху и снизу еще что-то, мелкими буквами. Толик закурил, мы сто- яли и осматривались. Территория училища была ограждена штакетным забором, кое-где в нем зия- ли дырки, калитка всегда оставалась полуоткры- той; кто заходил, открывал калитку, зайдя, закрывал, но она снова возвращалась в прежнее по- ложение. Видимо, скоро должны были начаться за- нятия, потому что территория училища наполнялась учениками, или кем там еще: если в училище учится, кто будет? Не студент же. Очень много было девушек. Они приветствовали друг друга, громко разговаривали, смеялись, искоса по- сматривая на нас, улыбались и убегали в другое зда- ние, чуть подальше. Парни вели себя сдержаннее, здоровались друг с другом рукопожатиями, тоже нас критически осматривали и проходили дальше.

Мы тоже вглядывались в их лица, искали, может, кто знакомый с района попадет. Знакомых не было.

Толик докурил, сплюнул сигарету на землю, посмотрел на меня:

– Но и как она тебе?

– Кто?

– Кто, кто. Надя.

– Да никак. Девчонка и девчонка.

– Эх ты. Ни черта ты не разбираешься в них.

– Нади, Маши. Вот я не пойму, мы куда попали?

Монастырь какой-то женский. Одни девчонки.

– Ну, на монахинь они не похожи, конечно. А чего тебе не нравится?

– Но я думал, как-то, что парни должны на шоферов и трактористов учиться, а не эти вчерашние школьницы.

– Учатся и учатся, не твоя забота. Девчонки, это здорово. Ладно, пошли.

Я зашагал за Толиком. Только сейчас, глянув на Толика и на себя, тоже, как и девчонки, улыбнулся. Видимо, потешно со стороны смотрелось: двое разных парней, один намного больше другого, алтаец, другой больше смахивает на русского, но в одинаковых одеяниях. Куртки, штаны, ботинки – всё одинаковое.

Только сумки разные. У меня спортивная, с ремнем через плечо, у Толика небольшой чемодан – дембельский, с наклейками.

Мы зашли в здание, стали искать кабинет завуча. Как и говорил дядя Аркадий, мы в первую очередь должны были встретиться с его другом,

Найденко, завучем училища. Мы нашли его кабинет, но он был закрыт. Был открыт кабинет директора, мы постучались и вошли. Поздоровались, рассказали, кто мы такие. Он повел нас в другой кабинет, там сидела женщина.

– Наталья Петровна, вот, ребята из Улагана, оформите. В армии отслужили, приехали к нам учиться. Молодцы. Расскажите, объясните. В общем, знаете.

Просидев вдвоем в кабинете отдела кадров около получаса, мы вышли на улицу с кучей бумаг в руках. Мы что-то заполняли, где-то расписывались, писали какие-то заявления, ошибались, переписывали...

Вспотевшие, мы вышли на улицу. Толик снова закурил. Спросил:

– Так, куда идем?

– Думаю, сначала надо в общагу. Вот с этими бумажками. А с этими в столовую, она по дороге в общагу, она объяснила, где. Еще в библиотеку бумажки, в баню, училище. Вот твои бумажки, забирай.

– Да пусть у тебя будут, я их потеряю, или в туалете использую. Не люблю я эти бумажные дела. Так, идем сперва в столовую, что-то жрать захотелось.

– Да, поди, не пустят нас. Завтрак, сейчас посмотрю..., здесь написано... с восьми до восьми тридцати. А сейчас сколько?

Толик вскинул руку – у него были ручные часы – посмотрел:

– Девять двадцать.

– Поздно, не пустят. Да и еды у них поди, нет.

– В любой столовой еда есть всегда. Пошли, показывай дорогу, я ничего не запомнил, что там она говорила.

– По дороге пойдем, будет памятник Ленину, потом налево, через мостик, сразу первый дом.

Памятник Ленину был виден издалека, его видно и с дороги, когда на машине едешь, или на автобусе. Но сейчас его можно было разглядеть поближе. Сам памятник был маленьким, постамент был огромным, покрашенным в белый цвет. И памятник был со всех сторон огражден металлическим забором. Мы пошли дальше. Прошли по мосту над дорогой и спустились к такому же рубленому зданию, как и те два здания училища. Только этот был меньше. Мы догадались, что это столовая. Подойдя поближе, мы удостоверились, что это действительно так. На стене висела выцветшая вывеска из фанеры, на которой и было написано: «Столовая». Но встретила она нас неприветливо – дверь была закрыта изнутри. Мы постучались. Через некоторое время щелкнул крючок, дверь открылась, и появилась щупленькая девушка с двумя жиденькими косичками. Она оглядела нас, спросила: «Чего надо? Столовая закрыта». Толик уже поднял свой чемодан, который стоял рядом, и уже поворачивался было идти назад, но я говорю:

– А сказали, нас накормят.

– Кто сказал?

Тут из-за ее спины появилась полная высокая женщина, молча посмотрела на нас. Щупленькая девушка сказала ей: «Вот, говорят, в училище сказали, чтобы их накормили». Полная спросила:

– Кто такие, откуда, кто вас накормить должен?

И когда я научился врать, но получилось, по-моему, правдоподобно.

– Да мы всю ночь ехали. С Улагана мы, к вам учиться приехали. По дороге машина сломалась, всю ночь шофер провозился, мы помогали.

Полная посмотрела на наши штаны, ботинки, насмешливо спросила: «Всю ночь, говорите?».

– Да переоделись мы, около речки помылись. Нас машина до училища подбросила, и дальше поехала. В училище сказали, чтобы мы сразу в столовую шли, нас покормят.

– Кто это там сказал, в училище?

– Завуч. Найденко Николай Петрович. Говорит, в столовой хоть и завтрак прошел, все равно что-то есть покушать. Идите, говорит, там персонал добрый, накормит.

Полная ничего не ответила, ухмыльнулась, кивнула головой: заходите, мол.

Мы пошли за ними. Столовая представляла собой большой зал, в котором стояли в два ряда большие столы, с каждой стороны стола были такие же длинные деревянные скамейки. Еще одна женщина вытирала столы. Мы поздоровались. За перегородкой виднелись огромные печи, на них стояли котлы, что-то варилось. Щупленькая распорядилась: «За чистый стол садитесь, подождите немного».

Толик шепнул, когда мы уселись: «Но ты даешь!».

– Да ты сам же хотел жрать. Вот и сиди.

Через несколько минут мы уминали рисовую кашу с маслом, на столе лежали большие куски хлеба и сливочного масла, сахар в тарелке, сыр. Настроение было хорошим.

Тут в дверь постучали. Щупленькая побежала к двери: «Кто это там опять?». Открыла: «А, Николай Петрович, заходите».

В столовую вошел солидный русский мужчина. На голове у него была шляпа, одет он был в осеннее пальто, под ним виднелась рубашка с галстуком.

– Здравствуйте, женщины. Маргарита Николаевна далеко?

Щупленькая было бросилась за ней, но «Полная», как мы ее назвали, но теперь уже Маргарита Николаевна, уже шла навстречу.

– Здравствуйте, Николай Петрович, здравствуйте!

– Здравствуйте, Маргарита Николаевна! Да я на минуточку забежал. Вопрос такой. В течение недели к нам еще прибудет человек двадцать-тридцать. У вас со столами как, хватит, нет?

– Да думаю, хватит. Мы же и так в две смены кормим. Со столами ничего, вот с посудой бы помогли. Тарелок не хватает, стаканов.

– Так, Маргарита Николаевна, мне список подготовьте, сколько, чего, придумаем что-нибудь. Я-то думал, если столов не будет хватать, заказать ребятам, сколотили бы. Ну, ясно, пойду.

Он пошел было к выходу, но остановил взгляд на нас, подошел: «А это кто, опоздавшие? А-а, вижу, чемодан. Только приехали».

– А это те, кого вы послали, велели накормить. Вот мы и кормим.

– Не понял. Кого послал?

– Утром, они же у вас в кабинете были, пришли, говорят, Николай Петрович велел накормить.

– Да я с утра в Малый Яломан ездил, насчет яблок договаривался. Я еще не был в училище.

Ничего не понимающие повара стояли, хлопали глазами, Николай Петрович тоже ничего не понимал. Посмотрел на Толика, который опустив глаза, ковырял ложкой в тарелке с кашей, на меня. Медлить дальше было нельзя, как водится: кинулся в реку, путь только вперед, начнешь разворачиваться, волной накроет.

– Да откуда мы знаем, зашли в контору, говорим, нам нужен завуч, Найденко Николай Петрович. Какая-то девушка повела нас по кабинетам, привела в один кабинет, к мужчине. Мы все рассказали, откуда, что. Мы и думали, что он – это вы, то есть ...вы – это он, а он, оказывается, не вы...

– А вы откуда, сами-то?

– С Улагана мы, нас Аркадий Абрамович послал, Уланов. А это его сын, Толик... Анатолий.

– Да вы что! Мы же с его отцом говорили по телефону, на днях. Ну, здравствуйте, здравствуйте! Отслужили, значит. Толя три года, в морфлоте, отец говорил. Но вы ешьте, ешьте.

– Да мы уже поели.

– Вы сейчас куда?

– В общагу надо.

– Вы еще там не были? Ясно, я тоже в ту сторону направляюсь, заодно покажу. Вам в какое общежитие?

Повара нас провожали, как родных. Щупленькая хитро улыбалась, видимо, догадалась, в конце покачала головой и подмигнула.

Мы шли за Николаем Петровичем, он рассказывал об училище, о селе, показывал общаги. Это были добротные рубленые двухэтажные дома с большими окнами.

– Слева, маленький, его курсанты «скворечником» зовут. Чуть подальше, и большой – сразу на шестьдесят человек. А ваш, номер «три» в конце, напротив дороги стоит. Вы туда идите, устраивайтесь, а мне в эту надо, с работницами встретиться. Если что, заходите, не стесняйтесь. Только кабинеты не перепутайте.

Он улыбнулся, пожал нам руки и зашел в ближайшую общагу. Ясно дело, он обо всем догадался.

Толик поставил свой чемодан на землю. Вытащил сигареты.

Только теперь он стал нервно смеяться.

– Но ты и даешь! Не ожидал от тебя. А как только наш обман должен был раскрыться, как ты вывернулся! Я готов был сквозь землю провалиться.

– А я сразу понял, когда повариха, которая открыла дверь, поздоровалась с ним по имени-отчеству. Это был Найденко. Дядя Аркадий же рассказывал, какой он из себя. Да и видно, что он из руководства училища. Директор был там, значит, это завуч. Все просто. И я лихорадочно соображал, как выкрутиться. Вроде получилось.

– Но и башковитый же ты. Я сроду ничего не мог бы сказать, умер бы от стыда. Ладно, пошли, я докурю.

В общаге номер «три» было тихо. Курсанты (теперь я знаю, что мы не студенты, не школьники, а

курсанты) были на занятиях. Мы постояли в коридоре, никого не было видно. Толик свистнул. В конце коридора появилась женщина: «Чего свистим? На улице, что ли?». Мы ничего не ответили. Только поздоровались. Это была средних лет и средней комплекции женщина, в руках у нее была тряпка, видимо, там она делала уборку. Кинув равнодушный взгляд на нас и наши сумки, она вытащила из кармана передника связку ключей, выбрала нужный ключ и открыла комнату напротив входных дверей. Пригласила нас, сама прошла за стол. Комнатка была маленькая. Справа, на стене, на дощечке висели ключи на гвоздях, на одной из трех табуреток, стоящих слева, стоял бачок, видимо, для воды, потому что на крышке бачка стояла перевернутая кружка. Над табуретками висел большой плакат, видимо, предназначенный для тех, кто проживал в этом общежитии. Красным цветом было написано, что нельзя делать: не курить, не сорить и в этом роде. В стене против двери было окно, перед окном стол, на столе различные бумаги. Сев за стол, около окна, женщина из стола вытащила какие-то папки, заставила расписаться в нескольких местах, перед этим потребовав наши бумаги и что-то в журналах заполнив. Все это она делала молча, равнодушно, как делают люди, когда годами занимаются одним и тем же.

Закончив бумажные дела, она попросила нас выйти, закрыла свою комнатку, открыла соседнюю. Она была намного больше, чем предыдущая, там находились постельные принадлежности. Всучив нам по одному матрацу с подушкой и комплектом белья, она повела нас на второй этаж.

Поднявшись по скрипучим ступенькам деревянной лестницы, мы свернули вправо. Женщина открыла предпоследнюю дверь справа, впустила нас.

– Здесь шесть коек, проживает трое курсантов пока. Вас двое. И еще одно место свободное будет. Располагайтесь. Вот ключ от замка, всегда оставляйте на вахте, когда уходите будете. И еще второй ключ есть, у кого-то из ребят. С курением осторожно, пожар не устройте. Водку пить будете, бутылки здесь не оставляйте.

– А разве водку можно в общежитии пить?

– Конечно, нельзя.

– Мы еще за постель не расписались, – говорю.

– Вы расписались.

Когда за женщиной (мог бы написать, кем работает, должность, но не знаю: вахтер ли, кастелянша ли, уборщица ли) закрылась дверь, мы осмотрелись. Комната была большая; посреди комнаты стоял большой стол, слева и справа, вдоль стен стояли четыре кровати, по две с каждой стороны. Еще две кровати, вплотную друг к другу, стояли между столом и окнами так, что оставался проход к кроватям, стоящими около стен. Под большими окнами располагались трубы отопления. Вроде бы и все. На стенах ничего не было. Известь кое-где обшарпалась, но терпимо. Мы с Толиком кинули матрасы на голые сетки, разлеглись. В этой комнате, неизвестно с какими парнями нам придется жить целый учебный год.

Глава 4.

Впечатлений и за это утро нам хватило, мы лежали, нехотя переговариваясь. Толик ворчал:

– И какого черта я сюда поперся. Дома бы сходил на рыбалку, наловил бы рыбы, мама бы их нажарила. Знаешь, какие хайрузы вкусные, когда их пожаришь. А-а, тебе не понять. Или в тайгу, на охоту. Подстрелишь козла, вечером на костре поджаришь мяса... А здесь? Эти вонючие матрацы... на занятиях сидеть, целыми днями. Кому охота. И в школе-то это все надоело.

– Они до обеда учатся. А после обеда практика, тут, в расписании так. Сейчас занятия закончатся, появятся обитатели этих коек, знакомиться будем.

– А чего с ними знакомиться... Эх, скоро белка пойдет...

– Ты давай, сильно не ной, подумаешь – год. Даже года нет, до апреля месяца. Одна зима, считай.

За окном слышались голоса. Мы вскочили, посмотрели в окно. Несколько ребят зашли в соседнюю общагу, человек десять шли в нашу. В коридоре слышались шаги, голоса. Открылась дверь, вошли три человека. Первым зашел мужчина в годах, чуть ли не в отцы нам годится, двое были молодыми парнями, один покрепче, крупный, другой поменьше. Старший поздоровался: «З-здравствуйте, ребята! Г-галина г-говорит, пополнение у вас. А отк-куда, даже не знает». Он заикался.

– Меня з-зовут Михаил. Это Г-гена, а это Коля. А вас как зовут, откуда вы?

Мы представились, рассказали о себе.

– С У-улагана в нашей группе н-никого нет. А-а, нет, с Чибита парень, Ю-юрка. Он в п-первой комнате ж-живет.

Михаил, на правах старшего, был самым разговорчивым, хотя и заикался, но его это нисколько не смущало.

Через несколько минут мы уже знали, что Михаил с Хабаровки, работал в совхозе зоотехником, а сейчас приехал на шофера учиться. Гена и Коля сродные братья, из Нижней Талды Онгудайского района, школу закончили только в этом году. Учатся они здесь с первого сентября, но все равно каждый день народ прибывает и прибывает. Как мы. Кормят хорошо, три раза. Только не нужно опаздывать. Проспишь, время завтрака пройдет, не пустят. Закроются на крючок, не откроют. Мы это уже знали.

Михаил посмотрел на свои часы: «Да с-скоро и обед, с-собирайтесь. Обед с д-двух до трех. П-пойдемте все, мы вам с-столовую п-покажем». Мы с Толиком ничего не сказали, стали собираться. Так вот первое знакомство и состоялось. Вроде бы нормальные ребята. Вернее, двое ребят и мужик взрослый. Да, заведение. Будем учиться с девчонками, вчерашними школьницами и взрослыми мужиками, сверстниками наших родителей. Да ладно.

Мы шли в столовую по тому же знакомому маршруту, в том же направлении направлялись и курсанты из других общежитий. На завалинке столовой уже сидело несколько парней, человек

шесть-семь. Они оживленно о чем-то спорили. Когда мы приблизились, они замолчали, критически нас осмотрели. Мы тоже устроились на завалинке, чуть поодаль. Мы пришли чуть раньше положенного времени, и приходилось ждать. Михаил кивнул на парней, и тихонько сказал, что это из первой смены, то есть питаются с нами, живут в нашем общежитии, на первом этаже, в нескольких комнатах. Сначала, когда народу мало было, кормили в одну смену.

Тут щелкнул крючок, дверь открылась, выглянула наша щупленькая знакомая: «Заходите». Все заторопились в столовую. Михаил меня с Толиком стал представлять «Щупленькой», но она даже не дослушала, улыбнулась нам и повела нас к нужному столу. Михаил непонимающе остался стоять. Мы ознакомились со своими местами, где должны сидеть, узнали, куда уносить грязную посуду. На столе лежали тарелки, каждый брал по одной, подходил к раздаче, получал в свою тарелку порцию супа. Образовалась очередь, мы пристроились в конце очереди, но стоять нам пришлось долго, мы думали, что в очередь встали, но ее практически не было, все старались оказаться спереди, начиналась толкотня, возгласы недовольства, кто-то проливал свой суп, матерился.

Суп состоял из хороших кусков мяса, лапши и картошки. Вкусно. Очередь за вторым, которое нам накладывали в ту же тарелку из-под супа, была уже спокойной: первое съедали не все одновременно. На второе была картошка толченая, котлета. На

третье – компот. Компот в стаканах уже стоял на столе, хлеб тоже, в тарелках. Его было много, даже осталось немного, когда все поели.

Все очень вкусно. Мы с Толиком еле-еле справились со своими порциями, ведь мы ели сравнительно недавно. Вылезли из-за стола, пошли на улицу. Наши сокомнатники нас ждали. Михаил спросил: «Как н-наша кухня? Наелись?». «За пару часов два раза есть...», – начал было я. Но Толик меня толкнул в бок, я замолчал. Михаил хотел что-то спросить – он ничего не понял, но тут подошел какой-то парень из-за наших спин: «Пацаны, закурить дайте». На нем была темная фуражка, он был чуть сутуловат, хотя и был небольшого роста, физиономия была не очень приятной, нагловатой. Толик полез в карман, вытащил пачку «Примы», раскрыл ее, щелкнул пальцем, чтобы несколько сигарет на несколько сантиметров выскочили из пачки, протянул парню. Тот не торопясь поднес руку к пачке, пальцами не взял сигарету, а наоборот, задвинул выскочившие сигареты обратно в пачку, потом взял всю пачку, и также, чуть сгорбившись, прихрамывая, направился к завалинке. Толик так и остался стоять с протянутой рукой. Только теперь мы заметили сидящих на завалинке парней, их было человек восемь. Горбатый, нет, пусть будет «сутулый» – молодой все же – подошел к этим парням, угостил их сигаретами, что-то приговаривая и посмеиваясь. Сигареты взяли человека три-четыре. Потом «Сутулый» сел на завалинку, пачку сигарет спрятал в карман. Мы так и стояли, смотрели на них. Толик

догадался хоть руку опустить. Я двинулся было к парням, но Михаил дернул меня за рукав, кивнул: пойдём, мол, отсюда. Когда мы немного отошли, Михаил заговорил: «Эти р-ребята местные, из ближайших с-сел, из первой и третьей г-группы, учатся на т-трактористов. Они объединились, т-теперь держат наши общаги, д-деньги у молодых оттобирают, побили н-некоторых. С н-ними лучше не с-связываться». Я возмутился:

– Как не связываться? Надо же что-то делать.

Толик тоже вскипел: «Надо было сразу разобрататься с ними».

Но Михаил продолжал: «Р-ребята, тише. Тот, который сидел п-посередке, он у н-них главный. «Рыжий» его кличка, он с Ташту. Он в «скворечнике» ж-живёт. А в н-нашей общаге три ч-человека из их к-компании. Я г-говорил с н-ними, бесполезно, не п-понимают. Н-наглые. А сейчас они с-сидят, в-вторую с-смену ждут. С-сидят, к-курево с-стреляют.

– Но так не должно быть, Михаил. А если руководству сказать?

Но Гена ответил: «Хуже будет. Один пожаловался, когда его они обидели, так его опять побили».

Я негодовал. Меня начало трясти ещё тогда, когда пачка сигарет Толика исчезла в чужом кармане, я не запомнил этих парней, ни рыжего, ни других. Я ещё что-то говорил, возмущался, говорил, что стал кивался с этим в армии, но там ясно, из дальних мест люди, а здесь, в одной области...

Но это была только первая встреча с этими ребятами...

После обеда Михаил сказал: «С-слава, у нас т-такой з-закон: появился к-кто в комнате, за б-бутылкой должен сгонять. С-сейчас у н-нас п-практика, вождение, а вы п-пока еще н-не р-распределены, так что отдыхайте с-сегодня. М-магазин рядом».

– А что пьете, водку, вино?

– Все п-пьем. Берите в-вино, в-водка дорогая.

Когда ребята ушли на практику, мы лежали, обдумывали ситуацию. Хотя мы хорошо поели и вышли из столовой в хорошем расположении духа, он тут же улетучился в связи вот с этим инцидентом. И вот мы теперь его переваривали. Толик возмущался:

– Не хотел же я сюда приезжать! Это отец все. Теперь ходи, сторонись этих деревенских.

– А чего их сторониться. Отец же тебе сказал: не болтайся без толку по деревне, не лезь под юбку их девчонок, и все.

– Что, все? Он сегодня у меня сигареты забрал, а завтра деньги потребует. Что тогда?

– Но ты же не будешь стоять, как столб, защищаться будешь.

– Ага, защищаться. Если они подойдут десять человек, что сделаешь? Михаил нам помогать не будет, он местный. Эти двое, Генка с Колей, тоже практически местные, да и маленькие они, только после школы. А наших земляков здесь нет.

Конечно, он был прав, Толик. Ситуация вырисовывалась не очень приятная. Поэтому я решил сменить пластинку.

– Ладно, будет день, как говорят, будет и пища. Пойдем лучше в магазин, у нас задание. Ответственное.

Оставив ключи на вахте, мы пошли в магазин. Ближайший магазин был рядом с нашей общагой, из окна он был виден. Да мы и при первом появлении поняли, что это за здание. Это был небольшой деревянный деревенский магазин, с решетками на окнах и большой вывеской. Очереди в магазине не было. Только одна бабушка сложила покупки в сетку, вытащила кошелек и рассчитывалась с продавщицей. Увидев нас и внимательно оглядев, она начала ругаться: «Зачем только здесь училище держат? На днях курсанты мне ограду поломали. Напились, стали драться. Нельзя им спиртное продавать!». Громко щелкнув замком своего кошелька, положив туда сдачу, бабушка зло посмотрела на нас и вышла.

Мы, конечно, немного остолбенели, но быстро пришли в себя, стали рассматривать витрины. И заодно продавщицу. Хозяйкой магазина была молодая симпатичная девушка. Невысокого роста, в меру полная, с «химией» на голове. В ушах сережки.

Не знаю отчего, но Толик взял инициативу на себя:

– Здравствуйте, мы издалека приехали, да, мы курсанты, учимся в училище, живем в этой общаге. Вас как зовут?

Девушка ничего не ответила, только ехидно улыбнулась, оглядев нас по очереди. Причину ее улыбки я понял; и парни намекнули на наш гардероб. Девушка дала понять, что не имеет желаний с нами вступать в долгие переговоры:

– Вам какое спиртное?

Толик, слегка обидевшись на такой поворот событий, стал рассматривать содержимое витрины, где стояли бутылки.

– Так, что берем? Вино нужно. «Осенний сад» есть, «Грушевое», еще что-то. А-а, вот, «Яблочное». Есть 0,5 по рубль сорок семь, есть 0,7 по два ноль четыре. 0,7? Хорошо. Дайте нам, девушка без имени, одну бутылку по два рубля четыре копейки.

Девушка никак остроумие Толика не отметила, молча подала бутылку вина. Еще мы взяли банку ставриды в масле по семьдесят шесть копеек, полкилограмма сухарей. Заплатив два рубля восемьдесят девять копеек, расстав по карманам банку рыбы и вино, мы вышли из магазина. К нашему удивлению, бабушка, которая нас ругала, стояла около магазина и с какой-то, тоже бабушкой, разговаривала. Увидев нас, стала смотреть, что мы купили. А мы смело прошагали мимо нее с ее собеседницей. В руках Толика болталась сетка с сухарями. Сухари, бабушка, сухари, больше ничего!

Не успели мы зайти в комнату, Толик спросил:

– Как она тебе?

– Кто, бабушка?

– Какая бабушка! Продавщица! Нет, ты точно в девчонках не разбираешься.

– Ты вон как разбираешься. Как ловко она тебя отшила.

– Нет, брат. «Отшила». А что, она сразу мне на шею должна броситься? Это даже интересно, когда так. К ним подход нужен. Индивидуальный.

- Что-то тебе все первые встречные нравятся. Утром - Надя, теперь - вообще без имени, а завтра?

- Вот и нужно из них выбрать лучшую.

- Что-то чувствую я, местные парни тебя все же поколотят.

- А я ее ночью увезу, когда все спят. Хотя... Эх, скоро белка пойдет...

Пришли ребята с занятий. Гена с Колей оживленно рассказывали, как проходило вождение.

- Он говорит, переключайся, а я не могу понять, куда надо рычаг двигать. Переключился на третью. Машина и заглохла. Он давай меня материть, - возбужденно рассказывал Гена.

- А я перед препятствием вместо тормоза на газ нажал, машина как подпрыгнет, мастер чуть башкой кабину в потолке не пробил. И давай на меня тоже ругаться, - чуть ли не перебивал его Коля.

- Мы-то еще ничего. А как с девчонками он мучился. Они визжат, когда машина с дороги выезжает, нет, чтобы руль повернуть, они наоборот, руль бросают и визжат.

А Михаил ходил на практику, в слесарный цех. Рассказывал, как точил молотки. Спросил про наши магазинные дела.

Поделившись новостями, мы пошли на ужин. На ужин была рыба, опять с картошкой, чай с молоком, хлеб с маслом. Мы с Толиком на этот раз в столовой вели себя пошустрее, тоже лезли без очереди, поели даже раньше остальных. На улице на этот раз неприятного инцидента не было, на завалинке сидели

ребята, но тех, наших знакомых с обеда, не было. Видимо, еще не подошли.

Когда все собрались в комнате, Михаил вытащил из своей сумки граненый стакан, вытер носовым платком, поставил на стол, многозначительно посмотрев на меня. Все было понятно. Мы с Толиком вытащили из своих сумок купленное недавно в магазине: вино, консервы, сухари, и выложили на стол. Михаил командовал:

– С-славка, разливай. К-кто к-купил, тот и разливает. И чтобы всем п-поровну.

Прикинув, по сколько нужно разливать, налив в стакан, подал Михаилу. Как старшему. Михаил приподнялся, и как-то серьезно, и даже как будто торжественно сказал:

– Р-ребята! П-парни! Вы все молоды. Г-генка с Колькой только школу з-закончили. Славка с Т-толиком только из армии вернулись. Я вам з-завидую. У вас жизнь т-только начинается. Перед вами ваша ж-жизнь, как чистый лист б-бумаги. П-постарайтесь, чтобы на этом листе б-было мало помарок. Я вот, в о-отцы вам гожусь, а до сих пор меня б-болтает по этому листу, мараю его, скоро с-светлого места н-не останется. До сих п-пор ищущ себя. А вы п-постарайтесь п-поскорее себя найти в жизни. Это самое г-главное. За вас!

Мы даже притихли после этих слов, посидели, помолчали. Следующим был Толик. Он был короток:

– Я служил в морфлоте. И когда плывешь на корабле несколько месяцев, вокруг только вода, так

хочется домой. И я люблю тост: чтобы все возвращались. Возвращайтесь, ребята. Куда бы вас ни забросило. Возвращайтесь.

Потом была очередь Гены, потом Коли. Последним был я. Когда я налил остатки вина в стакан, Михаил посмотрел придирчиво на содержимое в стакане, сказал: «У т-тебя, С-славка, глаз – алмаз. Всем о-одинаково разлил. Где так н-научился?». Ответил: видимо, жизнь научила. Тоже пожелал всем удачи, сказал, что пью за знакомство.

Разговоры пошли живее, каждый рассказывал что-нибудь о своей жизни, различные интересные и смешные истории. Толик спросил у Михаила: «А продавщица в этом магазине, молодая, как ее зовут?». Тот ответил:

– Р-римма. Она из О-онгудая, я знаю р-родителей ее. А что, п-понравилась?

– Да нет, так спрашиваю.

– Ты с-смотри, не оч-чень с ней, вокруг нее наш мастер к-кружится. Тоже Т-толей зовут, Ан-натолием.

– Что за мастер?

– М-мастер нашей г-группы, завтра увидишь. Он еще в-вождение ведет. Сегодня Г-гена с Колей про него р-рассказывали, на в-вождении как он их р-ругал.

Поболтав еще немного о том о сём, мы стали собираться ложиться спать. Я с Толиком разбирались с простынями, наволочками и одеялами. Скрипучая кровать с растянувшейся от времени и износа сеткой будет терпеть очередного курсанта осень, зиму и весну. Если не произойдет ничего из ряда вон...

Глава 5.

Ночь прошла спокойно, на удивление. Никто не храпел, не вставал, чтобы курить, или еще что. А может, я сам устал от множества последних впечатлений, спал крепко и ничего не заметил.

Михаил был уже на ногах: «Н-ну и дрыхнуть, ребята. П-подъем! А еще г-говорите, в армии с-служили. Не верится!».

Он объяснил, где умывальник. Он был на первом этаже, в конце коридора. На стене висели несколько рукомойников, над тазиками, на полу большой бачок, на крышке бачка – ковшик. Если вода в рукомойнике закончится, подливаешь из бачка.

Потом также гурьбой мы шли в столовую. Из столовой – в училище. Только-только начинались забываться школьные дни – три года все же срок, – а нет, приходится вспоминать. Кто с сумкой, кто просто с тетрадками в руках, нас становилось все больше по мере приближения к училищу. Кто-то уже знал кого-то, громко здоровались, девчонки громко смеялись, приветствуя друг друга. Ребята нас привели в кабинет. Но чем не школа? Такие же столы, такие же плакаты на стенах, такая же доска. Девчонки подшучивают над мальчишками, смеются, кто-то спрашивает, есть ли у кого лишняя тетрадка...

А кабинет этот был для занятий по машиноведению и ПДД – правилам дорожного движения. Мы уже знали, что предметы эти будут вести какой-то

Стахнев, он же руководитель нашей группы. Классный руководитель, по школьному. В школе – класс, а здесь – группа. Нет, чтобы так и оставить. А-а, понятно, классы – с возрастанием по годам, а здесь профили-то разные. Шофера, трактористы...

Прозвучал звонок. Как в школе, точно!

Появился учитель. Поздоровался. В кабинете были заняты почти все столы, половина сидящих за ними были девчонки. Может, даже больше, чем половина.

– Зовут меня Николай Иванович. Для тех, кого я вижу в первый раз. Я веду машиноведение и правила дорожного движения. Сегодня у нас будет две пары машиноведения, и пара ПДД. Но и руководителем группы я у вас. Как мы договорились, в эту субботу проведем собрание группы. Решили, кто будет старостой? Ладно, есть еще несколько дней, думайте. Мастером у вас Анчин Анатолий. Многие, думаю, с ним уже познакомились. Он вождение ведет. А теперь приступим к занятию. Кто скажет, что мы изучали на прошлом занятии?

Все зашевелились, стали смотреть друг на друга, перешептываться.

– Ладно, пойдем по списку. Кто у нас здесь в журнале... Так... Адатова Таня... есть?

Из-за стола в третьем ряду приподнялась невысокая девушка. Она смотрела на соседку, та что-то подсказывала.

– Ну что, Таня, что мы изучали?

– Кар... карбраторы.

Николай Иванович поискал среди плакатов нужный, нашел, понес к доске.

– Нет, дорогая Таня, не карбюраторы, неправильно тебе соседка подсказала, или ты не так расслышала. А что изучали, ребята?

На этот раз уже группа дружно отвечала: «Аккумуляторы». А что не отвечать, на доске уже висел плакат, крупные рисунки, с разрезами, а сверху название большими буквами: «Аккумуляторы».

– Расскажи-ка нам Татьяна, какие бывают аккумуляторы.

Таня мяла в руках ручку, морщила лоб, чтобы вспомнить, начала:

– Аккумуляторы бывают...бывают... они бывают...

Соседка Тани опять что-то подсказывала, но Таня не могла понять, что она говорит.

– И какие же они бывают?

– Они бывают... Аккумуляторы бывают... тяжелые!

Класс так и грохнул. Соседка Тани вспрыснула и уткнулась лицом в стол, чтобы приглушить смех.

Николай Петрович тоже улыбнулся, и, сдерживаясь, чтобы улыбка не перешла в смех, добавил: «И еще бывают черными».

Но Таня не поддержала юмор, подтвердила: «Да, еще черные бывают. Мой отец шофером работает. Он заносит зимой его, этот аккумулятор, он тяжелый и черный».

Группа, особенно мужская половина, так и покачивалась от смеха. А Таня не могла понять, отчего они смеются. Вроде правильно все сказала.

Преподаватель, не переставая улыбаться, посмотрел в журнал: «Хорошо, Татьяна, садись. А слушаем мы... Тыдыкова Николая. Вопрос тот же».

К доске прошел мужчина лет тридцати, взял указку, стал водить ей по плакату, стал отвечать.

– Аккумуляторы бывают кислотные, состоят из банок, в них содержится кислота. И в этом растворе находятся катод и анод. Еще бывают щелочные.

Николай начал рассказывать об этих аккумуляторах; на плакате они были нарисованы и подробно подписаны: из чего состоит аккумуляторная батарея, какие процессы происходят в ней.

Николай Петрович похвалил Николая, и вернулся к Тане.

– Вот мы посмялись над Таней, а ведь она была права. А кто скажет, почему?

Группа молчала.

– А потому, что преподаватель неправильно вопрос задал. Я спросил: какие бывают аккумуляторы? Но не уточнил вопрос. Мне надо было конкретно поставить вопрос: скажем, какие бывают аккумуляторы по типу электролита. Николай ответил: щелочные, кислотные. Или вопрос: какие по способу обслуживания? Ответ: обслуживаемые, когда нужно постоянно проверять уровень электролита, плотность; и необслуживаемые, которые только-только появляются у нас в промышленности. А Татьяна ответила на вопрос: какие по цвету, и какие по весу. Тяжелые да черные. Правильно. И вот на следующем занятии я уже четко буду формулировать вопрос. Видите, и у преподавателя бывает промашка.

Между парами мы вышли на улицу. Кто-то еще рассказывал, как мы смеялись над Таней, парни курили. Кто-то по школьной привычке осматривался,

нет ли поблизости преподавателей. Но вспомнив, что он теперь не школьник, а курсант, и курить можно без боязни, успокаивался, не прятал сигарету.

До обеда мы только и слушали Николая Петровича. Занятия он вел интересно. Рассказывал не только про поршни и кольца в двигателе, но и про случаи в жизни шоферов. Как могут случиться аварийные ситуации по вине шоферов. Как однажды ехала машина с листами железа, а груз не был закреплен. А позади машины мотоциклист ехал. Так вот на одной неровности дороги машину подбросило, один лист металла, лежащий наверху, вылетел из кузова, и прямо на мотоциклиста. Он даже не успел среагировать: листом, как гильотиной, срезало голову мотоциклиста. Страшная картина. Так что, предупреждал он, всегда нужно придерживаться правил дорожного движения, быть внимательным. В данном случае виноваты оба участника трагедии: водитель – что не закрепил груз, мотоциклист – что не соблюдал дистанцию. Дорожно-транспортное происшествие с тобой может случиться и не по твоей вине. Поэтому, даже проезжая перекресток на зеленый цвет, нужно поглядывать по сторонам. Дураков в стране, в том числе и на дорогах, хватает.

Вот такие азы шоферской науки мы получали от нашего классного... вернее, преподавателя группы. Чувства юмора он тоже не был лишен, сейчас подшучивал над девчонками.

– Вот я рассказываю, распинаясь, а Зоя Бабилова все в окно смотрит. Вот нисколечко ей неинтересно. О чем думаешь, Зоя? О парнях?

Зоя, соседка Тани Адатовой, заливается краской лицом, смущенно отвечает: «Да нет, слушаю я».

– Ну, хорошо, скажи, о чем я сейчас говорю?

Зоя переводит взгляд на соседку, та что-то шепчет в ответ.

– Ладно, не отвечай, вижу, что тебе машины мало волнуют. А почему учиться сюда пошла? Ведь все равно же шофером не будешь работать.

Зоя молчит, соглашается.

– Я что-то не слышал, чтобы после нашего училища кто-то из девчонок шоферить пошел. Но как бы ни было, спрашивать буду строго. Домашние задания делайте хорошо.

По распределению после обеда я пошел на практику по вождению автомобиля. Нужно было появиться на территории гаража в три часа тридцать минут. Сразу со столовой я туда и направился. Гаражи находились под горочкой, за зданиями училища. Большая территория была огорожена сеткой. Здесь стояла котельная с высокой трубой, у входа, справа, рядом с ней, было большое количество дров, сложенных в длинные и высокие поленницы; в глубине было большое длинное здание с тремя большими воротами, двое которых были открыты, и внутри виднелась какая-то техника. Это, видимо, и были гаражи. Между гаражами и котельной стояли несколько больших колесных тракторов, один маленький, «Беларусь» и машина «ГАЗ-51». Я присел около поленницы с дровами, стал ждать.

Через некоторое время появился высокий крепкий парень спортивного вида, проходя мимо меня,

он спросил: «На вождение?». Когда я ответил, он кивнул, чтобы я пошел за ним. Я понял, что это Анчин Анатолий, мастер нашей группы.

Он подошел к машине «ГАЗ-51», снял ведро, которое висело на крючке под кузовом, подал мне: «Сходи, в кочегарке набери воды».

В котельной никого не было, я долго не мог найти, где бы воды набрать. Наконец нашел краны, открутил один, воды не было, открыл второй – тоже нет воды. Около одного котла стоял большой бак, заглянул в него, вроде вода есть. Набрал, принес Анатолию. Он стоял на бампере, ковырялся под капотом. Что-то там доделал, залил воду в радиатор, закрыл крышку, остаток воды выплеснул. Закрыв капот, спрыгнул на землю. Вытащил блокнот, пролистал: «Так, тебя зовут... Ясно, еще две девчонки должны быть. Башпакова и Мандаева. Три человека сегодня».

Как раз в это время через входные ворота зашли две девочки. Это они и были. О чем-то переговариваясь, посмеиваясь, они шли к нам. Подошли, поздоровались.

– Здравствуйте, здравствуйте. Ну как, дома тренировались?

Девчонки нехотя кивнули.

– Вижу, что не тренировались. Ладно, поехали. Садитесь.

Девчонки полезли в кабину. Анатолий взял из кабины рукоятку, подал мне: «Крути». Я сталкивался с этим делом, пошел крутить. Но машина не заводилась. Я стал крутить снова. Машина, чуть, как

говорят, «схватила», но не завелась. Анатолий вышел из кабины, посадил меня за руль, подсказал, что делать, и пошел крутить сам. Когда машина начала «схватывать», я немного нажал на педаль газа, машина завелась, я прибавил газу, но пока выходил из машины, она снова заглохла.

– Ты резко нажал на газ и отпустил. Так не делай.

Мы повторили попытку. Наконец, все получилось. И вот мы едем на полигон. Я в кузове, Анатолий в окружении двух девчонок в кабине. Видела бы Римма. Хотя, нет, не в окружении: Анатолий с одной стороны, за рулем, девчонки с другой.

Полигон находился на краю села, в чистом поле. Анатолий остановил машину на пригорке, заглушил мотор, собрал нас и провел небольшой инструктаж.

– Девчонки уже были на вождении, но все равно слушайте. Все движения постоянно разучивайте дома. Сядьте на стул, и представьте, что вы в машине. Даже можете звук машины имитировать голосом. Итак, вы сели в машину. Завели мотор. У нас, правда, стартер не работает, мы заводим рукояткой. Так.левой ногой выжимаете левую педаль – сцепление. Правой рукой берете за рычаг коробки, и плавно включаете первую скорость. Это налево и вперед. Нажимая правой ногой правую небольшую педаль – это педаль газа, – одновременно отпускаете левую педаль, педаль сцепления. По мере набора скорости давите на педаль газа сильнее. Когда переключаетесь на вторую скорость, нужно убрать ногу с педали газа, нажать на сцепление,

плавно передвинуть рычаг на вторую скорость, это вниз, отпустить сцепление, поддать газу. Вот это вам даже нужно выучить наизусть и тренировать на табуретке. Все, теперь по одному, в машину. Круг, знаете, какой. Первая Башпакова. Потом Мандаева.

Мастер сел в кабину, скатился с горочки, машина завелась, он вышел из кабины, посадил за руль девушку, сам сел на пассажирское место. Башпакова Катя с вождением справлялась неплохо: машина чуть с рывками, но тронулась с места и тихонько поехала по маршруту. Я представлял – как рассказывали вчера Гена с Колей, – что машина будет дергаться, съезжать с дороги под девичий визг, но ничего, нормально.

Пока машина ехала по кругу, я узнал от Люды, что эти две подружки – Люда с Катей – землячки, живут в Идро, в этом году окончили школу, а здесь живут у родственников.

После Кати за руль села Люда Мандаева. У нее получалось похуже. Машина дергалась, не хотела ехать. В середине круга два раза глохла. Анатолий выходил из машины, что-то громко говорил, крутил рукоятку. Кое-как они осилили круг.

Уставший и злой, мастер вышел из кабины, крикнул в мою сторону: «Аданов, за руль».

Когда я помог выйти из кабины Люде, Анатолий спросил: «Ты-то ездил на машине, объяснять нужно?». Я ответил, что нет, не нужно.

А чего объяснять. Я ездил на такой же машине. Был у отчима такой же старенький «ГАЗ-51». Я на нем и учился ездить. Класса с пятого. А в седьмом уже ездить мог самостоятельно.

И произошел такой случай. Были чьи-то похороны. Люди помирали редко, да и Улаган не очень-то большое село. Но и, разумеется, доставлять бедолагу на последнее пристанище нужно на каком-нибудь транспорте. А транспорта в селе – как и умирающих – мало. И вот приходят родственники усопшего к моему отчиму: мол, так и так. И как по этому делу без бутылки. Да и по любому другому делу к шоферу без этого никак, это как закон такой, и никто не сопротивляется.

А машина у отчима перед этим буксовала где-то, была вся в грязи, да и в кузове не очень-то чисто. Надо бы машину съездить помыть, но бутылка уже на столе, а силу притяжения ее многие, думаю, знают. В общем, попросил он меня сгонять на машине к речке, помыть. И почему-то я поехал через все село, к Башкаусу, в сторону Саратана, где совхозная заправка находится. Посадил рядом Сашку Челчугашева, едем. А-а, ну как почему через все село, охота же, чтобы кто-нибудь увидел, кто за рулем едет. Кто, пацаном когда был, хвастаться не хотел? Передом заезжаю в реку, помыли вдвоем быстренько кабину, выехал, развернулся, заехал задом, начали кузов мыть. Помыли, я завожу машину, трогаюсь, она начинает буксовать. Я сдаю назад, одно заднее колесо перескакивает через большой камень, и машина застревает. Ни взад, ни вперед. Что делать? Нужен трактор. Смотрю по ближайшим домам. «Беларусь» стоит в одном дворе. Я туда. А тракторист, хозяин, на меня смотрит, понятно как. Я говорю, понял, скоро будет. И побежал домой. По каким делам, почему, откуда – не

помню, но у меня была припрятана бутылка водки. Только бы отчим не увидел. Но дома никого не было. Забираю эту бутылку, и снова бегом на реку. Для меня пять километров не расстояние. Хотел сразу к этому мужику бежать, но вижу, его трактор уже подъезжает к нашей машине. Зацепили тросом, выдернули машину, я сунул ему бутылку и скорей назад едем. Смотрим с Сашкой: какой-то мужик на лошади скачет и нам рукой машет. Оказалось, это отчим мой. Поехал он на чьей-то лошади машину искать. Когда мы задержались, видимо, люди стали волноваться, человека надо выносить, а некуда, машины еще нет. Хотя, думаю, кто бы сильно волновался. Ведь похороны для нас – праздник какой-то.

Как-то мне казалось, что если человек помер, значит, трагедия. Но появившись на первых похоронах, еще подростком, я был озадачен. Люди, как ни в чем ни бывало, кушали, громко разговаривали, даже играли в карты! Покойник лежит, а тут рядом в карты режутся. По – настоящему! Спорят, смеются, ругаются, могут и подраться. А еще появится, какая ни будь, не совсем трезвая барышня, и давай песни петь да отплясывать. А покойнику что, ничего. Ему уже ничего не надо. И даже мое опоздание с машиной, наверное, его не сильно тронуло. Живут люди, суетятся, бегают, волнуются, что-то делают, с кем-то спорят, потом возьмут и помрут. И ничего им уже не надо, лежат себе спокойно. А суетимся мы. Покойник лежит, уже не волнуется, а нам целых три дня еще плясать.

Но я отвлекся. Сказав мастеру Анатолию, что меня не надо учить ездить на машине, я включил первую передачу, поехал. Потом вторая передача, третья, четвертая. А на маршруте движения предусмотрены резкие повороты, подъемы, спуски. В общем, чтобы, где надо, шофер должен был тормознуть, снизить скорость, перед перекрестком подать сигнал и т.д. Я преодолел эти препятствия, повороты шустро, круг преодолел очень быстро. Мастер ничего не сказал.

Мы вернулись на территорию гаража, Анатолий поставил машину туда же, где она стояла. Заглушил мотор. Мастер и девчонки вышли из кабины, я спрыгнул с кузова.

Мастер вытащил свой блокнот:

– На сегодня все. Следующее вождение у вас через два дня, в среду. Так же, в три тридцать. А сегодня оценки такие. Башпакова Катя, хорошо – четыре. Мандаева Люда – три. Аданов, ты кроме четвертой скорости другие скорости знаешь, нет? Аданов – два.

Глава 6.

Так, день за днем, пошли, как говорят, будни. В данном случае, наши будни учебы. Понемногу мы начали входить в ритм жизни Ининского училища. Стали замечать отличия от жизни школы, на многие вопросы мы уже находили ответы. С ребятами в группе мы уже познакомились, и даже с некоторыми из других групп. Нашли парня с Чибита, это

был Юра Алашев. Хотя мы и не знали друг друга, все-таки было приятно, с одного района все-таки. Чибит, можно сказать, на отшибе от остальных алтайских сел района, находится перед Улаганским перевалом, рядом с Акташом. Так что об этой деревне я мало что знал, так как там ни разу не был, да и родственников оттуда никого у меня не было. Юрка оказался общительным парнем, тоже после армии, всегда приходил к нам, ко мне и к Толику, в нашу комнату.

Оказывается, училище функционирует давно, еще до войны оно начало работать. Когда построили Чуйский тракт, и по нему стали ездить машины, Иня была одной из так называемых перевалочных баз, где имелись гостиницы, где могли переночевать шофера, были ремонтные мастерские. Дороги в то время были совсем плохие, шофера неопытные, машины часто ломались. И поэтому на Ине имелась служба со специалистами, которые помогали ремонтировать машины. Имелись гаражи, стоянка, куда ставились на временное хранение не подлежащие ремонту или попавшие в аварии машины. А аварий в то время случалось много. Нередко с летальным исходом.

Так вот, когда появилась проблема острой нехватки шоферов, решили на базе имеющегося автотранспортного хозяйства Ини открыть курсы шоферов. Педагогов некоторых набрали из того же персонала, что помогали шоферам на ремонтах, некоторых привезли, построили несколько общежитий и стали обучать своих, местных парней,

шоферскому делу. А когда дороги стали лучше, да шофера опытней, и вовсе на Ине ремонтные службы закрылись, ликвидировали, или убрали еще куда, осталась здесь только ночлежка для проезжающих шоферов. А все, что принадлежало «ЧВТ» (так называлась эта организация), было передано училищу. И здания, и дома, и все имущество.

Но все равно, хоть и прошло столько лет, кто-нибудь начинает рассказывать, где он живет: «Да за «ЧВТ», под горкой, второй дом, с синей калиткой», – ясно, все знают, где на Ине «ЧВТ» находится. Хотя и не «ЧВТ» это уже, а мы там теперь, курсанты училища № 5, напильниками ключи гаечные точим, за станками и инструментами, которыми, возможно, работали первые шофера Чуйского тракта сорок лет назад. И спим, возможно, на их койках. И в баню ходим, в которую и они ходили. Это-то точно.

И с тех давних пор, как образовалось училище, наполняется каждую осень Иня приезжими ребятами из разных районов нашей большой области, внося в размеренную жизнь села свои коррективы. На 300-400 человек увеличивается количество жителей села. Разумеется, и реакция жителей неоднозначна. Вечерами клуб на танцах набивается битком, молодые девушки и парни, уставшие за лето от сенокосной работы, устремляются в это заведение культуры: девчата, чтобы себя показать и, разумеется, посмотреть, а парни, чтобы кого-нибудь из приезжих поколотить. И устраиваются после танцев потасовки, драки, и непонятно, что становится причиной: девчонки ли, неосторожное

слово ли, недобрый взгляд ли. И бегают, если так можно сказать, старушки поутру по селу, жалуясь на то, что курсанты ночью у них опять или ограду сломали, или в собаку камень бросили, или вообще спать не давали, песни орала. Правда, нападений на этих самих бабушек с планами нанесения побоев или еще с какими-нибудь другими планами, не случались.

Но со временем желающих обучать на шоферов становилось больше, это и ДОСААФ, и другие училища, и стало тяжеловато ежегодно выполнять план набора курсантов. Руководство училища старалось набирать на все группы, чтобы их не потерять, так как от этого зависит и финансирование. И разрабатывались и применялись в жизнь различные нововведения: и пробовали открывать филиалы в других районах, и ездили осенью по этим районам, агитируя идти учиться в училище, и заинтересовывали материально. В этом причина, почему в нашей группе, да и в училище в целом было много девчонок после школы. А правила были такие. Если ты окончил школу, или пришел из армии, и в этом же году поступил учиться в училище, тебе положена стипендия в сто пять рублей в месяц. Если тебе нужно общежитие, и ты хочешь ходить в столовую, с тебя удержат тридцать рублей. И у тебя будет место в общежитии, будут еженедельно менять постель, будешь питаться три раза в столовой. Очень сытно, кстати. Можешь даже ходить в баню. Тогда стипендию получишь семьдесят пять рублей.

И девчонки из многих близлежащих деревень и с Ини пачками шли учиться в училище. Кто из Ини и из

Инюшки, что рядом в двух километрах, в общежитии не нуждались, да и столовая им не нужна. И получали на руки 105 рублей. Это огромные деньги. Зарплата в совхозе 70 – 90 рублей. В городе у студентов стипендия 30-40 рублей, для сравнения. В нашей группе приезжей девушкой была только Табышкина Глаша из Турочака, жила в общежитии, остальные девчонки из близлежащих сел жили у родственников в Ине. По той же рублевой причине в училище было много парней после школы и армии.

Обо всем этом, да и о многом другом в училище, нам рассказывали на своих предметах наши преподаватели. Особенно наш руководитель группы Стахнев Николай Иванович и историк Едикеев Василий Васильевич.

Я узнал, что у нас, в училище будут давать некоторые те же предметы, как и в школе. Например, история, физкультура. Я был удивлен. Мне казалось, я с ними распрощался. Что физкультура, это конечно, хорошо. Хоть, в футбол погоняем. Так в большинстве времени и случалось.

Физкультуру вели братья Тодошевы, Николай и Георгий, выпускники педучилища. Вели они занятия по очереди. Отругав, что многие приходили на занятия без формы, преподаватель нас заставлял бегать по спортивной площадке, которая располагалась в центре села. И мы бегали, кто в сапогах, кто в фуфайке. А девчонки вообще только шагали. Видимо, посмотрев на это жалкое зрелище, предприняв несколько безрезультатных попыток вмешаться в этот хаос, Николай или Георгий, «плюнув» на все это, оставлял мяч и кинув мне: «Слава,

мяч к нам занеси», уходил, чтобы не видеть этот позор. А мы оставались и гоняли это мяч по площадке. Девчонки, пацаны, все в одной куче, непонятно, кто за кого играет, кто куда пинает. Шум-гам, визг, пыль; девчонка пинают мяч в одну сторону, через некоторое время в другую. Кто-то кидает фуфайку в мяч, а кто собирался по мячу пнуть, бьет ногой по фуфайке, она летит, развевается, все хохочут...

Пара заканчивается, я несу мяч в общагу, где живут братья Тодошевы и наш мастер, Анчин Толя. А оказался я в этом общежитии в первые же дни. Встретил парня, Мишу Титанова, с которым учился в национальной школе, старше меня на два года. Он уже закончил педагогическое училище, работает педагогом. Миша повел меня в свою комнату, в общежитие. А живет он, оказалось, вместе с этими парнями, в одной комнате. Живут вчетвером. Начал меня с ними знакомить. Анатолий протягивает руку, улыбается: «Да мы уже знакомы, шустрый парень».

Историю, как я уже сказал, преподавал Едикеев Василий Васильевич. Он еще работал в местной школе. Спокойный, небольшой и незаметный, он тихо подходил к учительскому столу, открывал журнал, и отмечал, все ли на месте. Потом он медленно ходил между рядами, и рассказывал, рассказывал.

История как предмет мне не нравилась никогда. Но потом я понял, что нет плохих предметов, есть плохие педагоги. Например, немецкий в школе многим давался трудно. А мне легко. А во всем была учительница «виновата». Она вела урок так, что я

увлекался этим предметом, мне хотелось учить немецкий.

И сейчас так же. Вроде ничем особенным и не берет, а слушать его хочется. Василий Васильевич ходил между партами, говорил, но это был не нудный монолог, он что-то говорил, потом задавал нам вопросы, радовался, если мы поддерживали, отвечали правильно. Получалась даже не лекция, а разговор с нами.

– Вот вы сегодня ездите на машинах по хорошей дороге, по тракту. А вот вы представьте, что сейчас не 1979 год, а 1879, сто лет назад. Как думаете, как было?

Все зашевелились, кто-то из девчонок говорит:

– Наверно, дорог не было.

Но Михаил возражает:

– Были д-дороги, только не д-дороги, а тропы, на л-лошадях ездили.

– Правильно, а двести лет назад?

Группа молчала. Василий Васильевич тихо продолжает:

– Вот вы изучаете устройство машин, экономику, будете шоферами, кто-то пойдет дальше учиться. Будете ездить по тракту Чуйскому, поэтому историю этой дороги вам надо знать. Кстати, почему он называется Чуйским?

– Вдоль Чуи идет, вдоль реки.

– Правильно. Иногда его «ЧВТ» называют. Знает кто, почему?

Снова Михаил отозвался: «Чуйский в-военный т-тракт».

– Правильно. Только военизированный. Чуйский военизированный тракт. Так и предприятие называлось, которое занималось и занимается обслуживанием этой дороги. А то все знают: «ЧВТ», «ЧВТ». А как расшифровывается, не знают. На Ине было подразделение этой организации много лет. Сейчас его перевели в Онгудай. А дорога, по которой можно было проехать только на лошадях, была и сто лет назад, и триста, и пятьсот. Ученые даже говорят, что есть доказательства, что проходили по этой дороге и в седьмом, и в пятом, веках. Так что, знайте. Конечно, наиболее интенсивно дорога начала осваиваться в последние сто лет. Людям нужно было обмениваться товаром, на юге был богатый Китай. Русские купцы из Бийска, Барнаула первыми организовывали свои поездки. Разумеется, только на лошадях. По узким тропам, над ущельями, рискуя жизнями лошадей, да и своими жизнями. Мостов не было, делали плоты, лошадей заставляли переплывать Катунь. Погибали лошади, да и люди. До революции начали расширять дороги, экспедиция Шишкова подготовила проект, но потом революция, гражданская война, приостановилась работа. Кстати, кто знает, кто такой Вячеслав Шишков?

Я знал. Ответил, что он писатель, «Угрюм-реку» написал.

– Правильно. Но он еще был инженером. Так вот, работы продолжились только в конце тридцатого года. Коммунистическая партия и Правительство СССР сделали все, чтобы дорогу построить в короткие сроки. И это удалось. Строительство закончили

в 1934 году, пошли первые машины. И около нашего села, может многие не знают, находится уникальное сооружение – первый в стране двухцепной висячий мост. Иногда его называют мостом Цаплина, в честь инженера, который его запроектировал. Обязательно сходите, посмотрите. Его начали строить в декабре 1934 года, а закончили в апреле 1936 года. А в 1970 году построили новый мост, и старый теперь уже десять лет как не функционирует.

– А если мост ввели только в 1936 году, а машины ездили уже в 1934, как они Катунь преодолевали?

– А паромы были. Катунь нужно было не раз преодолевать.

Были паромы в трех местах. Через бома проезда еще не было, так что машины на паромах три раза через Катунь переправлялись. Рискованно было, река быстрая, опасная, уносило и паромы. Всякое было. И шоферам, чтобы преодолеть путь на машине из Бийска в Кош-Агач и обратно, нужно было неделю, а то и две, а иной раз и последним мог стать этот маршрут и для шофера, и для машины. Так что помните, и теперь случаются аварийные ситуации на дорогах, будьте осторожны. А мост Цаплина посмотрите обязательно.

За время учебы я не раз бывал на мосту Цаплина с парнями. Но самое первое посещение, когда я очутился там, мне запомнилось лучше остальных. Было это так.

Спустя несколько дней, после рассказа Василия Васильевича про этот подвесной мост, после обеда,

лежу в комнате, в общаге. Машина Анатолия в очередной раз сломалась, вождение было отменено, и у меня появилось свободное время. Тут приходит Михаил. Он был на практике, в мастерских он точил отвертки. Мастерские – это бывшие гаражи «ЧВТ», о которых я рассказывал. Так вот, мы там доводили до ума различные инструменты. Это были выплавленные в специальных формах гаечные ключи, молотки, отвертки и т.п. Нужно было закрепить какую-нибудь заготовку на верстаке и напильником довести до ума. То есть, если это гаечный ключ, к примеру, размеры должны соответствовать заданным значениям, не должно быть зазубринок, чтобы не поранить руку при работе. И вот стоишь, работаешь напильником, время от времени проверяя штангенциркулем. Заготовки лежали в ящике, преподаватель принимал работу в конце занятий, ставил оценку и бросал в другой ящик, рядом. Работа была не очень для парней сложная, но для некоторых девчонок вообще невыполнимая. Но не хочет тяжелый напильник подчиняться нежным девичьим рукам, и все тут. И тут парни приходили на помощь. Выполнив свою работу, они помогали девчонкам. Юра Алашев, не будь дураком, решил применить свою смекалку. Преподаватель отмечал присутствующих, выдавал задание и выходил на улицу покурить. А готовые, уже обработанные инструменты рядом с заготовками лежат! Как тут не соблазниться. Юра берет несколько готовых рожковых ключей и раздает девчонкам, которые совсем с заданием не справляются. Пара заканчивается, все

несут свои работы на проверку. И те девчонки подходят. Но именно их преподаватель оставляет после практики. Когда они выходят на улицу, мы понимаем, что дело плохо. Оказывается, преподаватель фломастером делал отметки на каждом готовом изделии. Он девчонкам сказал, чтобы больше так не делали, и поставил двойки. Когда Юра в следующий раз достал готовое изделие и хотел стереть краску, не получилось. Это был какой-то нестираемый фломастер.

Михаил, выполнив свою норму, тоже рано пришел в общагу. Я ему говорю: «Михаил, помнишь, историк про мост говорил, может, сходим, посмотрим. Интересно же». Он согласился, тоже никогда не видел этот мост вблизи.

Перейдя новый мост, мы свернули налево. Старый мост был виден, он был недалеко. Казался маленьким на фоне нового моста. Но когда мы подошли ближе, мы поразились, как все капитально и надежно было сделано. Высоко в небо смотрели две большие железобетонные рамы, выходящие из-под земли четыре толстых троса, с каждой стороны дороги, перекинута через рамы, свисая; мост деревянной конструкции, состоящий из множества брусчатых элементов, скорее всего, лиственных, проезжая часть из досок, некоторые, правда сгнили, и сквозь дыры видны были балки, тоже из деревянного бруса.

Мы долго ходили по мосту, смотрели вниз, на воду, до нее метров сто, наверное. Вода шумела, но ее не было сильно слышно. Мы спокойно разговаривали.

– Михаил, попробуем раскачать мост.

Но как мы ни пытались, раскачиваясь, шевельнуть мост, ничего не получилось.

– Он стоит, даже не шевелится, Михаил.

– Н-надежно с-сделан, на в-века.

– Да, видишь, тросы, хоть и в земле, не проржавели, и дерево не гниет, только вот настил немного, давно не ремонтировался, видимо.

– Да, уже д-десять лет, как в-вот тот, н-новый мост с-сдали. А на этом, чт-тоб не ездили, м-машину гравия н-насыпали перед въез-здом. Только к-коровы и ходят. Так им б-ближе.

– Там кто-то сидит, на том берегу, пойдём туда.

Мы перешли мост, подошли к человеку, который сидел на камне. Это был дед, трудно сказать, сколько ему лет, но, видно, поживший и много в жизни выдавший. Лицо было в морщинах, руки высохшие и огрубевшие, да и сам он казался маленьким, комплекцией с подростка. Мы поздоровались. Он ответил, продолжал сидеть. Неудобно было молча стоять, я говорю:

– Пришли мост посмотреть. Нам историк про этот мост рассказывал. Как его строили, когда ввели. Мы в училище учимся.

– Вижу, что не в школе. Но и что же он про этот мост рассказывал?

– Ну, кто строил, как планы перевыполняли. В срок сдали.

– Много он знает, ваш историк.

– А вы, знаете больше?

Дед ничего не ответил, достал из кармана бумажник, протянул мне красную десятирублевку.

– Сходи в магазин, купи выпить.

Мы с Михаилом переглянулись. Он кивнул головой.

– А сколько брать?

– Да бери на все, лишнее не будет.

До магазина недалеко. Для меня это не проблема. Купив бутылку водки, две бутылки вина, баранок и конфет, я поспешил обратно. Михаил и дед сидели рядом. Михаил о чем-то рассказывал. Они показались мне даже чем-то похожими.

Когда я выложил содержимое на землю, дед взял бутылку водки, с трудом встал и пошел к мосту. Мы остались сидеть на месте. Дед подошел к мосту, потрогал рукой один трос, другой. Постоял. Потом поднес ко рту бутылку, откупорил ее зубами, сплюнул крышку бутылки на землю. Глотнул из горла, и стал выливать содержимое на тросы. Мы так и ахнули. Водку, и на землю! А дед подождал, пока водка выльется вся, еще немного постоял, и вернулся к нам. Положил пустую бутылку в сетку, попросил, чтобы мы открыли бутылку вина. Я вынул складешок, открыл вино, подал ему. Он отпил из горлышка, протянул Михаилу. А Михаил, видно, еще не отошел от картины выливаемой на землю водки, сидел, как замороженный. Но бутылку взял. Незнакомец немного посидел, и, глядя куда-то на другом берегу, тихо сказал:

– Я строил этот мост.

– Как?

У нас это вырвалось одновременно. Но дед молчал. И мы молчали.

За какие-то минуты как молотком по башке уже во второй раз.

Только Михаил жадно хлебнул вина, чуть не поперхнулся, подал мне. Я тоже сделал несколько глотков и подал нашему незнакомцу, который нас интриговал все больше и больше. Затем дед поставил бутылку на землю, пить не стал. И начал говорить.

Глава 7.

– С Михаилом мы познакомились, а тебя, сынок, как зовут? Слава? Хорошее имя. Был у меня друг, Славка... Был... А меня Григорием зовут, Гришей, или Гришкой звали, когда я, Славка, был таким же молодым, как ты. Но вот и познакомились.

Москвич я, московский. Родился там, отца не помню, жили вдвоем с матерью. Мы жили на окраине города, на Ленинградке, Ленинградское шоссе так называлось. Мы жили в деревянных двухэтажных домах, на втором этаже была наша квартира. Из родственников были какие-то далекие, приезжала тетка, раза два. Да я сильно и не вникал, и про отца не спрашивал, а позже жалел. Мама работала в больнице, типа санитарки. Уборку сделать, за больными приглядеть, отнести, принести. Я бывал у нее на работе, когда в школе учился. А доучился я до восьмого класса, потом надоело, пошел работать. Работы тогда было много. Сначала работал в Метрострое, года два, потом ушел на чистое строительство, дома строить. Все вроде ничего, жил, работал, уже собирался жениться, девушка была.

Но все перевернулось летом 1934 года. 15 июня. Мне двадцать лет исполнилось, с друзьями справлялись, гуляли всю ночь, а утром идем по улице, нас милиция забирает. Нас было четверо, два парня и две девушки. Начали документы проверять, повезли куда-то.

Тасовали нас, тасовали, я понял, что девушек отпустили, а нас, парней, собирались куда-то отправлять. Якобы у нас что-то не в порядке с документами, с пропиской. Мы оказались в разных помещениях, и больше того друга, Ваську, я никогда не видел. Или отпустили, или увезли куда-нибудь, как меня. А меня повезли, уже через несколько дней, на поезде, как мы узнали, в сторону Казани.

– А н-нельзя было об-бъяснить, чтобы раз-зобрались? За что ув-возить-то?

– Кому объяснять? Народу уйма, таких же, как я. Никто тебя не слушает. Начнешь возмущаться, по морде получишь. Многие не могли понять, за что их. Потом повезли. А в вагоне народу битком, жрать почти нечего, на какой-нибудь стоянке поезд остановится, хлеба кинут, все дерутся, друг у друга отбирают, даже воды не хватало. Хорошо, хоть летом. Да и все равно, в некоторых вагонах и помирали, мы узнавали. В нашем вагоне никто не умер, все молодые и здоровые попались, а может, подбирали так специально. Везли нас так недели две. И Казань проехали, и Урал; поняли мы, что в Сибирь везут. А куда дальше Сибири? Перед Иркутском, в районе Черемхово, из нашего вагона, и еще из нескольких вагонов всех высадили, поезд дальше пошел. А нас погнали пешком. Три дня шли, куда-то в

тайгу. Вот тут по дороге умирали некоторые. Прямо на ходу. А что, сколько дней не есть толком. В основном это были пожилые люди. Их как хоронили, я даже не знаю. Нас привели и поселили в бараки. Тут я и понял, что попал в тюрьму. Самое обидное, ни за что. По молодости, бывало, и хулиганил, и магазин с ребятами однажды грабанили, ничего, пронесло, а тут...

Территория ограждена колючей проволокой, по углам стоят вышки, на них военные. В бараках нары двухъярусные, на них солома. И заставили работать на лесозаготовках. Все время под дулом ружей. На работу нас ведут военные, с работы, да и на работе, кругом, по периметру – военные. А в бараке свои порядки. Там ведь были не только такие, как я, безвинные овечки, но и настоящие преступники, которые... Ладно, не буду об этом, об этом лучше не знать.

Условия, надо сказать, были более-менее. Спец-одежду давали, кормили сносно. Им ведь тоже выгодно, чтобы люди работали как можно дольше. А если не кормить, условия не создавать, на тяжелой работе кто долго протянет. А работа тяжелая. Мы заготавливали лес деловой. Топорами валили деревья, сортировали, вручную вытаскивали на место погрузки, когда подъезжали машины, грузили. Тоже вручную. Бывало, и умирали. Да, еще комары. Невозможно работать. Разжигали костры, бросали в огонь гнилушек, чтобы дым был, немного помогало. К осени их стало меньше, но опять – холода пошли. Потом снег выпал. Одежда промокала, вечером высушить негде, около буржуйки одни блатные. И

помирать стали больше. Бараки-то из тонких деревьев построены, тепло не держат. Буржуйка одна, как она прогреет все помещение. Даже на работе лучше было, там хоть и на морозе, но шевелишься, не мерзнешь. А вечером в барак идти неохота: всю ночь лежать на нарах и дрожать от холода. Думаю, протянул бы я в таких условиях года два-три, не больше, хотя и молодой был, двадцати лет, да здоровый. Но произошли изменения. Отобрали нас, человек двадцать, где-то после Нового Года, и повезли куда-то. Так как я был приучен к труду, и на лесозаготовках у меня неплохо получалось, меня заметили, вызвали и сказали, что меня с еще некоторыми рабочими повезут мост строить. Так я оказался здесь, на Ине.

– Это в каком году, получается?

– В 1935. В январе. Видите, вон, на той стороне под горой ровное место. Где две коровы идут. Там располагались наши бараки. Тоже было колючей проволокой огорожено, такие же вышки, военные с ружьями. Только бараки были еще холоднее, они были из досок. Но народу было, как селедок в бочке.

– А ск-колько, п-примерно, человек, б-было?

– Думаю, человек пятьсот-то было. Четыре барака, человек по сто. Да, человек четыреста-пятьсот. У охраны дома были рубленные, теплые, чуть пониже. Там теперь ничего не осталось. Даже не заметно, что что-то там когда-то было. Я прихожу сюда уже второй день. Вчера полдня на той стороне сидел, где бараки стояли. Ничего не нашел, чтобы напоминало то время. Ни колышка.

– Здесь т-тяжело с д-дровами, местные рас-стащили, на топку.

– Да, тяжело. Нас было человек пятьдесят, которые занимались лесозаготовкой. Сейчас уже не скажу про объемы, но на каждую неделю был план, заготовить столько-то кубометров леса. Каждый день мы шагали по снегу километров пятнадцать, до деляны, да еще в гору да в гору. Местные нам дорогу показывали, проводниками. Целый день работали, а вечером опять эти пятнадцать километров нужно преодолеть. И все под конвоем. Добредали до барака и падали от усталости. Даже поесть сил не оставалось. А утром опять...

– Болели, наверно, многие, умирали?

– Конечно, Славка, конечно. Но, как говорят: нет худа без добра. Я вот много думал. Перед вами мост, простой мост. Точнее, неодушевленное сооружение, которое вроде бы никакого участия в судьбе человека принять не может. А ведь он меня спас.

– Как, спас?

– А так. Я так понимаю, как происходило. Планируют построить мост. Он очень нужен. Нужно построить в короткие сроки. Но нужны кадры. На лесозаготовках, например. Объект серьезный, поэтому нужны толковые люди. И вот они по всей Сибири нашли толковых работяг, типа меня. Увидели, что я хорошо работаю. Вернее, разбираюсь в лесозаготовках, ага, сюда его, еще, других, толковых. И не только рабочие, сюда и крупные инженеры были пригнаны.

– Главным, говорят, был какой-то Цаплин, дипломный проект это его был.

– Ерунда это. Опытных инженеров здесь было несколько десятков. Каждый в своем деле. Например, на деляну с нами ходил пожилой мужик, профессор какой-то. Так он каждое дерево обстукивал, снимал немного коры, осматривал, говорил, нужно ли это дерево валить. Все по-научному. И так везде. Я говорю, среди нас были и действительно преступники, и совершенно безвинные, типа меня, и ученые, и профессора.

– А к-как в-вас он с-спас-то, м-мост этот?

– А просто. Не было бы моста, то есть задумки его построить, не было бы и меня здесь. И сгинул бы я в лесах под Иркутском через пару лет, истощившись от работы, от холода, от комаров. Но я оказался здесь, еще здоровым.

– Но вас второй раз надо было спасать, здесь условия работы были такие же. Даже хуже. И барак был холоднее.

– А ты, Славка, ушлый. Все правильно. Но как ты помнишь, я сказал: нет худа без добра. Я не дорассказал историю. Был у меня еще один спаситель. Это горы, ваши алтайские горы. В лесу я работал с напарником, тоже Славой звали, я говорил. Работа такая: мы валили деревья, потом лошадьми вывозили до Ини, туда, где сейчас котельная ваша стоит, и техника рядом. А там маховой пилой эти бревна распиливали на брусья. Так вот, с напарником на валке так работаем: кто-то топором рубит дерево, а второй, с шестом, подпирает это дерево так, чтобы вершиной

оно упало к спуску. Чтобы легче было тащить. Работаем парами, следим за работой другой пары, чтобы под дерево не попасть. Мы со Славой свалили дерево, идем к следующему. Видим, недалеко еще одна пара следующее дерево рубит. Мы идем по снегу, в стороне от предполагаемого места падения дерева. Остановились, ждем, когда они дерево свалят. Мужик, который работает с топором, уже заканчивает работу, второй упирается шестом в ствол; видим, дерево закачалось, посыпался снег с веток. Дерево качнулось в нужную сторону. Но тут произошло непредвиденное. То ли напарник лесоруба ослабил шест, то ли не была лесина дорублена в нужном месте. Дерево, чуть повернувшись по оси, стало падать прямо на нас. Сначала мы стояли, как вкопанные, но когда бросились в сторону, дерево вместе с криком тех, кто валил его, упало прямо на нас. Лиственницы у вас тяжелые, почти до середины не имеющие ветвей. И этой серединой нас и прихлопнуло. Я потерял сознание. А моему другу повезло меньше. Говорят, он умер сразу. А я очнулся только внизу, когда привезли в село. Там была небольшая больничка, где я и пролежал два месяца. Много раз терял сознание, приходил в себя, снова терял, но выжил. Организм-то молодой. А друга своего я больше не видел. Даже не знаю, где его похоронили. Тогда ведь все это было обыденно. И наших много умирало, и тех, кто на дороге работал. Где умер, там и яму небольшую выроют, закинут, и землей присыпают. Запрещали какие-то обозначения делать, должно быть с землей выровнено, без бугорков. И вот моим спасителем

ваша земля и оказалась. Не случись этой трагедии, я и зиму-то не выжил бы. Здоровье стало уже ухудшаться.

– А потом что было?

– А потом я инвалидом стал. Выжил, но стал инвалидом. Одна нога совсем отказала, ходил на костылях. К лету все равно привык к тому, что одна нога не работает, научился сидя работать.

– Заставляли так же работать?

– Нет, в бараке я больше не жил. Там работники нужны, а какой с меня работник. Вот это меня и спасло, что я стал инвалидом. Вручили какие-то документы, что я свободен, якобы, отработал наказание. А куда я с такими ногами. Да к тому времени еще познакомился с местной девушкой, стали жить вместе. Она на тракте работала, вольнонаемной. Тогда даже местные жители должны были отработать определенное время на тракте. Когда война началась, работы на тракте прекратились, совсем худо стало жить. Все на фронт забирали. У супруги здоровье стало ухудшаться. Ведь они, женщины, камни таскали наравне с мужиками. Да еще забеременела она. Зимой родила, а сама умерла. Сына пришлось в детдом отдать... Ой, ребята, уже темнеет, пойду я. Вон, уже последние коровы торопятся домой. И я пойду.

– А где вы остановились?

– В ночлежке, в «ЧВТ». Уже третью ночь буду там ночевать.

Михаил подал Григорию бутылку с вином, но он не взял.

– Не пью я, ребята. И вы не увлекайтесь. Мне суждено было давно-давно еще помереть, а я живу. Приехал, вот, на старости лет на своих спасителей посмотреть. И спасибо сказать. Когда еще придется, да и придется ли.

Мы помогли Григорию подняться, он еще раз посмотрел на мост, вздохнул тяжело и зашагал по дороге.

Мы с Михаилом смотрели ему вслед, пока он не поднялся по склону и не скрылся за поворотом. И еще долго сидели, молчали, прихлебывая вина из бутылки.

Михаил вдруг запел. Сначала тихо, потом все громче. Слова мне показались знакомыми. Да, это была старая песня про шофера.

Есть по Чуйскому тракту дорога,
Много ездило там шоферов,
Но один был отчаянный шофер,
Звали Колька его Снегирев...

Я вспомнил, это песня про шофера, Снегирева. Тут я заметил, что Михаил совершенно не заикается! Это позже он мне объяснял, что когда он начинает петь, заикание пропадает. Он сам это объяснить не мог, как так получалось. Но теперь я был изумлен, когда заикающийся человек совершенно чисто пел. И голос был очень сильным. Внизу тихо шумела река, а над ней, с берега, неслась песня, песня про шофера Кольку, про шофера Раю, как он объясняется ей в любви, а она ставит условие, чтобы он попытался обогнать ее машину.

...Тут забилося сердце шофера,

Вспомнил Раечкин он уговор
И нажал на педали стартера,
И запел свою песню мотор...

Но круты повороты Чуйского тракта, потерял
голову, забылся отчаянный Колька, когда обгонял
Раину машину...

...Тут машина трехтонная «АМО»
Вбок рванулась с обрыва в провал...
И в волнах серебристого Чуя
Колька жизнь за девчонку отдал...

Глава 8.

– Так, почему такие мы сегодня хмурые? А, Михаил?

Николай Иванович поглядывает на Михаила. После вчерашней встречи с Григорием на берегу Катуня мы с Михаилом никакие. Хотя я еще ничего, моложе его все-таки, а Михаилу тяжело. Да и сидит он прямо перед учителем в кабинете ПДД, в первом ряду. Он тихо отвечает: «Да п-простыл в-вроде, боллею м-маленько. Г-голова».

Николай Иванович вытаскивает из своей сумки книги, какие-то брошюры, ручку, раскладывая все это на столе, поглядывая на Михаила, улыбаясь, приговаривает:

– Могу посоветовать один хороший рецепт от простуды. стакан водки и капля воды.

В группе заулыбались. А Стахнев продолжает:

– Самое главное – чтобы не было передозировки. Капля воды, не больше! А если вдруг случится какая

другая болезнь – состав тот же. Но дозировка другая: стакан воды и капля водки. И опять же, строго соблюдать дозировку. На стакан воды только капля водки. Только капля!

И он укоризненно смотрит на Михаила. Все почти смеются. А у Михаила голова все ниже и ниже. Все всё понимают. И преподаватель тоже.

Но после первой пары Михаил уже смотрелся неплохо. Но показалось, он был чем-то взволнован. На улице он отвел меня в сторону.

– С-славка, пом-мнишь, что в-вчера Г-григорий гов-ворил про реб-бенка?

– Какого ребенка?

– Про с-своего.

– Да надо вспомнить. А тебе зачем?

– Н-надо, очень н-надо. П-потом объясню. Вспомни, п-пожалуйста, что он г-говорил!

– Так, давай вспоминать. В лесу он стал инвалидом, под лиственницу попал. Потом лежал в больнице. Обрато в лагерь его не взяли. Он жил один. Нет, не один, сошелся с местной какой-то.

– Так. Д-дальше?

– Началась война, он уехал.

– А р-ребенок?

– Да, он же про ребенка еще говорил. Что супруга его, но, то есть сожительница...

– Да, д-да...

– Умерла. Родила ребенка, а сама умерла.

– А к-когда?

– Что когда?

– Ум-мерла?

– Да на черта тебе все это надо?

Михаил смотрел на меня такими глазами, что мне стало не по себе. Он вдруг стал старым, как тот дед, вчера, на берегу. Кажется, я уже сравнивал их схожесть, вчера. В глазах мольба. Вот-вот, и навернутся слезы. Губы уже задрожали. Я ничего не понимал. Глаза его молили: вспомни. Я начал вспоминать, вслух:

- Они жили. Так. Потом война началась. Работы не стало. Он уехал,.. нет, сперва жена, или сожительница...

- Н-неважно.

- ...Умерла. И он уехал.

- А реб-бенок?

- Да, ребенок...

- К-когда он род-дился?

- До войны наверно.

- Но т-ты же говорил...!

- Да, давай сначала. В войну они еще жили, ребенка еще не было. Только потом, когда не стало работы, видимо и с питанием стало плохо, она заболела. И в это время родила ребенка.

- В каком году?

- Что ты ко мне привязался? Сходи к нему да спроси.

- З-значит, в в-войну.

- Что, в войну?

- Родила.

- Михаил, может, ты объяснишь?

- С-славка, я все об-бъясню. С-сходим после з-занятий к нему?

- А что, сам не можешь?

– С-сходим, а?

Я не знал – что, но понимал, что происходит что-то важное.

После занятий, пока мы шли к гостинице, Михаил мне рассказал вот что.

Миша родился в войну, рос в детдоме. Родителей не видел и не знает. Военные годы он совсем не помнил. Из родственников он знал только тетю, она иногда приходила к нему в детдом. Лет десять назад она умерла, Михаил помогал ей по хозяйству, когда она уже постарела, а он, уже семейный, тоже жил в Хабаровке. После детдома ходил в армию, выучился на зоотехника в городе, женился. Однажды, когда Миша еще учился в школе, тетя рассказала ему, что отцом его был один из ссыльных, который работал на дороге, на Чуйском тракте, до войны. А мама Михаила тоже работала там. И вот подробностей Михаил или не запомнил, или тетя не рассказывала. Он потом у нее не интересовался, как-то все некогда, да и старое ворошить...Знает только, что мама рано умерла. Там, на берегу, при встрече с Григорием, он не придал никакого значения тому, о чем говорил незнакомец. Но потом, ночью, он проснулся и не мог уснуть. Все факты сопоставлял. Он остановился на полдороге. Посмотрел на меня:

– Я р-родился в с-сорок втором, в-во в-время войны. Зимой. Теперь т-ты понял?

Я увидел в глазах Михаила радость. Впервые за сегодняшний день. Что я мог сказать. Я понял, почему он так волнуется. Я сказал:

– А вы похожи.

Михаил улыбнулся: «П-пойдем ск-корее».

Гостиница «ЧВТ» находилась на той же территории, где находилось здание, где мы точили гаечные ключи.

Мы постучались, вошли. Это был дом с коридором, по обе стороны которого были комнаты. Или номера. В первой же находилась комната хозяйки. Или как она там, горничная? Дверь в ее комнату была открыта, в ней вмещался только старый стол и выдавший виды диван. Женщина сидела за столом и пила чай. Мы поздоровались. Она отхлебнула глоток, ответила: «Что хотели?»

– Здесь у вас живет дед, приезжий, он уже два дня у вас живет. Можно его увидеть?

– Как фамилия?

– А мы не знаем. А зовут его Гришей, то есть Григорием.

Женщина открыла толстую тетрадь, просмотрела.

– Так... Да, Григорий... А зачем он вам, вы-то, кто ему будете?

Мы с Михаилом переглянулись. Я сказал:

– Да он уезжает, и вот ему передать надо... складешок. Его.

– Не передадите.

– Почему?

– Умер он.

– Как?! Когда?!

Михаил даже как-то резко дернулся, стал медленно садиться на диван.

– Старый он был. Да, приехал три дня назад. Жил у нас. В гостинице народу мало бывает. Сейчас два шофера живут уже три дня – машина сломалась, и он. Днем куда-то уходил. Вечерами сидели, болтали. А вчера поздно пришел. Попросил разбудить пораньше, хотел уезжать. Я стала его будить утром, а он все, уже холодный. Я позвонила в милицию, в Онгудай. Приехали, увезли.

Вот такие дела, ребятки. Был человек – и нету.

Мы стояли на улице, не знали, что делать от такого поворота событий. На Михаиле лица не было.

– Что будем делать, Миша?

Он о чем-то думал. Потом сказал:

– Я п-поеду в О-онгудай. В м-милицию.

Я кивнул головой, поддержал его решение.

– Деньги есть на дорогу?

– Д-да, есть.

Первой попуткой он уехал. Здесь ехать-то, час-полтора. Я обещал сказать на занятиях, что он заболел.

Он уехал, и теперь наступила моя очередь – как Михаил ночью – прикидывать, сопоставлять, вспоминать. Я снова и снова вспоминал, про что рассказывал Григорий: про войну, про жизнь на Ине, про рождение ребенка. Зимой. Вспомнил, что он говорил о сыне. Да, да, он же говорил, что знал, что не справится, и отдал сына в детдом. Точно, сына! Это было уже в войну. И Миша родился в войну, в 1942 году, тоже зимой. Но мало тетка рассказала, или Михаил уже забыл; непонятно, жила ли мама Миши на Ине, как звали мужа, тоже неизвестно. А говорил ли Григорий, как ребенка назвал? Вроде нет. Нет, чтоб

вчера это спросить! Так, Михаил поехал в Онгудай. Придет в милицию, что он скажет? Я мало представлял. Вряд ли больше представлял и Михаил.

Вечером, после занятий, ноги меня сами понесли в ту гостиницу. Дверь в комнату горничной была так же открыта, как днем; странно, но женщина снова сидела за столом и пила чай. Как мне показалось, она нисколько не удивилась, увидев меня, даже вроде как ждала. Молча кивнула на диван, спросила: «Чай пить будешь?» Я сам не понял, что промышчал. Она взяла на подоконнике пустой стакан, налила чай из электрического чайника, пододвинула ко мне. Пододвинула и чашку с сахаром.

Теперь, отхлебывая чай, я мог спокойно осмотреть и эту комнатку, и хозяйку этой комнатки. Это была полноватая пожилая женщина, ну, лет около шестидесяти, уже бабушка. Волосы были уже все седые, коротко остриженные, они торчали в разные стороны. И лицо, и шея женщины были в морщинах, глаза печальные. Руки тоже были в морщинах. Она тоже меня разглядывала, ничего не спрашивала. Но мне молчать было уже неудобно.

– Мы вчера с Михаилом пошли на берег, к старому мосту. И встретили этого человека, Григория. Долго сидели, он рассказывал, что жил здесь, раньше. Там, в бараках, на том берегу. Потом...

– Я знаю. Как тебя зовут-то?

– Меня? Славой меня зовут.

– А откуда сам?

– С Улагана я, приехал с другом, не с тем, не с Михаилом.

– Да, я знаю его, он онгудайский, вижу я его в районе. Знакомый ваш, Григорий, царство ему небесное, так же как ты, сидел тут эти последние два дня, мы пили чай и разговаривали. Только вчера не посидел со мной, пришел поздно, сказал, чтобы разбудила рано, и пошел спать. И вот...

– И о чем же он рассказывал?

– О жизни своей. Мы, оказывается, жили в одно время здесь, на Ине. Сидели, вспоминали.

– Вы его знали?

– Нет, откуда. Здесь народу было, в селе, не то, что сейчас. Там, за рекой, за Катунью, бараки для тех, кто мост строил, в поле, в сторону слияния Чуи и Катуня, еще несколько бараков было, там люди работали на тракте. Отец мой был шофером, мама рано умерла, мне десять лет было. Так вот, отец и возил меня все время с собой, в машине. А я подростком была. Так что, про жизнь шоферскую, да труд этих бедняжек на дороге знаю не понаслышке.

– Почему бедняжек?

– Умирало много. Труд-то тяжелый. Техники нет, как сейчас. Все руками. Еды тоже мало, кормили так себе. А где столько еды набрать? Людей везли и везли. Потому что многие не выдерживали. Умирали. Привозили новых. Едешь по дороге с отцом, опять колонны с новыми людьми. Я у отца спрашиваю, почему так много людей привозят. Он отвечает, что умирает много. Только говорит, никому не говори. Не принято было в то время много говорить. Сразу можно оказаться в этих колоннах.

– А училище тогда было?

– Да. Даже я там училась. Я сама из Барнаула. Да я и не помню толком, как там жили, в городе. Все с отцом, да с отцом.

– А в Ине когда стали жить?

– Здесь рядом, прямо за гостиницей избушка, там бабушка жила. Иногда отец оставлял меня у нее. До войны еще. Там и живу до сих пор, как отец пропал. Бабушка, конечно, умерла давно.

– Как – отец пропал?

– Достроили мост. У которого вы сидели с Григорием. И лучших рабочих, из числа осужденных, освободили досрочно. И на нескольких машинах повезли в город. Одна машина была папина. Он не вернулся. Я ждала его несколько месяцев, все на дороге стояла. Некоторые шофера останавливались, которые меня знали, тихонько говорили, что утонул мой папа. Машина на бобах в Катунь упала, все погибли, около двадцати человек. Но я не верила, все ждала. Ходила к начальству, а там никто ничего не говорит. Так было раньше. Молчок. И Григорий подтвердил, что такой случай был, только молчали. О многом молчали.

– А сейчас, неужели нельзя узнать, кто был в машине, кто шофером был?

– Я пробовала. В архиве про это ничего не нашли. Много чего было, о чем не говорят. Что об этом.

– А потом вы работали шофером?

– Год, или полтора, недолго. Парней шоферов стало больше, несколько девок было, шоферили, но и они бросили. Тяжело женщинам.

– А вот песня есть, была, про Кольку Снегирева, вы же знаете?

– А как же. Никакая гулянка с песнями без этой песни не обходилась. Очень популярная была. Теперь она забылась, забывается. Уже не слышу, чтобы ее пели.

– А эта история правда была, Кольки с Раей?

– Кто ее знает. Это песня. А песня из жизни берется. Может и была. Но именно, как в песне, вряд ли было. Не было тогда таких машин, да и дорог, чтобы летать, как угорелые. Аварии – да, были, улетали и в обрыв, и в реку. Но не из-за большой скорости. В таких местах никто быстро не поедет, при всем желании. Слетали с дороги из-за гололеда, на узких участках, из-за неопытности. Но, видимо, мечтали, чтобы машины летали быстро по хорошим дорогам, вот и песню сочинили. Но, а Рая. Какая песня без женщины. Все равно, хорошая песня. Хоть и грустная.

– Шоферов уважали.

– Да, профессия шофера была самая престижная. Можно было издалека узнать, что идет шофер: сапоги, кожаные пальто с картузом, краги, тоже кожаные, очки на лице. Зимой выдавали валенки, полушубок. Шоферить долго оставались самые лучшие, самые стойкие. А то застрянет где-нибудь в метель в Курайской степи машина, все – слабому там не выдержать. И помощь, взаимовыручка. У шоферов закон: видишь у дороги машина у кого-то сломалась, остановись, помоги. Чем можешь. Знаешь ты этого человека, не знаешь, помоги. Это дорога.

Завтра то же самое может случиться и с тобой. Жаль, что это теряется.

– Мы ехали с Улагана, на бензовозке, ночью, так шофер помог доехать «Жигуленку» до Ини, у него фары не горели. Водитель – председатель профкома, вроде, в совхозе.

– А-а, Васильев. Но вот, видите, работают еще на дорогах шоферские законы. Значит, еще не все так плохо. Заболталась я с тобой, пора домой. Посетители если и будут, знают, где я живу. А я пойду котенка кормить. Ну, задавай свой вопрос.

– Вопрос? А откуда вы знаете?

– Но не пришел же ты ко мне, чтобы о Кольке Снегиреве расспрашивать.

– Но если вы знаете этот вопрос, ответьте.

Женщина тяжело вздохнула, посмотрела на меня.

– Григорий не отец Михаила. Михаил думал, что он отца нашел. Нет, не нашел. Когда супруга Григория умерла, они остались вдвоем, с сыном. А как он с младенцем? Отвез в детдом. Но мальчик оказался очень слабым. Да и материнского молока не было. Через пару месяцев он умер. Похоронил сам. Как сюда ехать, побыл на могилке. А вчера сказал: «Опять заеду на кладбище, силы уже не те, может, это будет в последний раз. Прощаюсь с Петькой...».

Я стоял на улице. Уже стемнело. Вот женщина подошла к своему дому, вот она открыла дверь, вошла. Зажегся свет в окне. Проехала машина по тракту. Тихо. А я стоял. Вдруг заметил, что по щекам что-то покатилося. А я и не заметил. А они все катились и катились. Я их не вытирал...

Когда я нашагался по вечернему селу, не боясь местных парней, осмысливая последние события, и пришел в общагу, Михаил был уже там! Быстро же он обернулся. Сразу повел меня на улицу.

– Где ты был, я спрашиваю, спрашиваю, тебя нет и нет. А я приехал уже давно, часа два назад. Никто не знает, где ты.

Что-то было не так. Я не мог врубиться, что не так. Но что-то не так.

– Доехал я быстро. И сразу в милицию. А там мой знакомый, как раз в дежурке сидел. А я...

– Миша! Михаил! Ты не заикаешься!

– Да, да, Славка. Мне врачи говорили, что вернется речь, только ждать надо. А как получилось. В милиции его не оказалось. Отца. Его в морг увезли, в больницу. Я туда. Меня пустили. Я сказал, что отец это мой. Знаешь, я сел рядом с ним – а он на полу, простыней прикрытый – и стал рыдать, как маленький. Навзрыд. Врач, который морг открыл, даже вышел. А я рыдал, гладил его руки, лицо. Такое родное, Славка, ты точно говорил, он похож на меня. Нет, наоборот, я на него. Потом вышел, слезы идут и идут. А в душе стало чисто-чисто, и легко как-то. Хотя видел-то умершего человека. Грустно должно быть, а я радуюсь.

– Михаил, я хотел сказать...

– Да потом скажешь. Пойдем, я бутылку взял. С ребятами выпьем. Дальше как было. Пошел обратно в милицию, стал спрашивать, когда его можно будет забрать, похоронить. А тот знакомый, в дежурке, позвонил куда-то, и сказал мне, что его, отца,

повезут в город. Потому что он приезжий, прописка не наша, будут родственников искать, если не найдут, похоронят. Я сказал, что нет у него родственников, я его родственник, сын его. Ответили, что у него и фамилия другая, и не жил он здесь. Но я оставил телефон училища, если никого не найдут, мне пусть звонят. Я похороню. И тут-то я и заметил, что не заикаюсь! Слышишь? Обратно еду, а шофер попался угрюмый, как я утром. А я болтаю. Мне интересно, я говорю и говорю. Все жду, что заикнусь, но нет. И я дальше болтаю. Шофер, наверно думал, что посадил дурачка, который из психушки сбежал.

– Миша, я был сегодня...

– Да какая разница, где ты был. Вот я был... На седьмом небе. Славка, это ненормально, да, человек умер, я радуюсь, как дурак? Как я долго искал отца. По молодости не придавал значения. А с возрастом хотел и про мать узнать, и про отца. Завидовал, у кого мать и отец есть. Или хотя бы были. А я ... Но хоть отца... Славка, ты чего, такой день, а ты такой хмурый. Пойдем, выпьем.

Михаил был сегодня совершенно другим. Он и так-то был разговорчивым, хоть и заикался, но теперь как будто в нем кран словесный открыли: он тараторил и тараторил.

Ребята с удивлением, и конечно, с радостью смотрели на перемены в поведении Михаила.

А Михаил суетился, все говорил, сам открыл бутылку вина, расплескивая, наливал в стакан, подносил ребятам, просил тост сказать, но сам, опережая тостующего, говорил, наливал другому. И говорил, говорил.

И я не смог сказать ему то, чего он не знал. А кто бы смог?..

Глава 9.

Сегодня выбираем старосту. Сколько раз переносили: то не все соберутся, то мастера нет, то еще что-то. Прошел почти месяц, как начали учиться, конец сентября, а в нашей группе, группе № 2 старосты так и нет. И вот сегодня наконец-то у нас проходит собрание по выбору старосты.

За это время все в группе уже перезнакомились, мальчишки уже не сторонились девчонок, на занятиях уже выручали друг друга: кто-то подскажет кому-то, как правильно ответить, кто-то ручку даст, или тетрадку. Или, наоборот, колкости пошлет.

Собрание открыл руководитель нашей группы Стахнев Николай Иванович.

– Вы теперь знаете друг друга хорошо, вам нужно выбрать вожака, то есть старосту. Да, у вас есть и руководитель группы, и мастер, Анатолий Николаевич. Но староста – он всегда среди вас, лучше знает вашу жизнь, да и вам легче подойти к нему, задать вопрос или обозначить проблему. Но и нам с Анатолием Николаевичем удобнее общаться с группой через одного человека. Так что, предлагайте.

Первым предложение поступило от Михаила.

– Слава, Слава Аданов. Он грамотный. Его старостой надо выбирать.

Мне эта идея не понравилась. Еще со школы я не любил эти должности, когда нужно сидеть на каких-

то собраниях, выслушивать умные речи и давать обещания. А насчет «грамотный» было так. Идет первое занятие по предмету «этика». Преподавателем Анна Ивановна. Спросила, кто знает, что изучает этика. Все молчат. Я говорю, что этика изучает человека. Его поведение в обществе, как должен или не должен человек вести себя. Ну, что-то в этом роде. С тех пор и привязалось ко мне – грамотный. А ларчик-то просто открывался: я же успел поучиться до армии год в техникуме, и этика с философией мне были знакомы. Эти предметы изучались там.

Из девчонок кто-то предложил кандидатуру Табышкиной Глаши. Это крупная бойкая девушка из Турочака. Она тут же парировала.

– Мы, девчонки, только школу закончили. А надо из ребят выбирать, которые из армии пришли уже. Слава подходит, его надо старостой выбирать. Он серьезный, после армии, он справится.

– Другие кандидатуры есть?

Других кандидатур не было. Все дружно проголосовали за меня, и я в одночасье стал большим начальником. «Николай Иванович, – спрашиваю я, – а чем я буду заниматься?»

Он отвечает:

– Слава, но ты в школе когда учился, кто главным в классе из ребят был... не старостой, а...?

– Председатель совета отряда.

– Вот, вот, отряда. А здесь группа, то же самое, только название другое. И чем он занимался, ты знаешь. Понятно?

Я нехотя кивнул головой, начал соображать, чем же он занимался, этот председатель совета отряда.

Надо сначала вспомнить, кто им был в нашем классе. А-а, девчонка была. А занималась она... Так, напрягаю память. Организовывала с нами различные мероприятия, проводила собрания, где отчитывали двоечников, в число которых нередко попадал и я. Еще в комсомол агитировала вступить. В том числе и меня. Но я отказывался. Я говорил: «Как, хотите двоечника в комсомол, чтобы он вам все показатели портил?» Аргумент был весомый, она на время отставала от меня, но через некоторое время опять приставала. Сверху давили, ведь показатели по приему в комсомол тоже были на контроле. Идти по стопам председателей советов отрядов, то есть подражать им, мне не хотелось. Скучно.

На улице, после собрания, я всех собрал в кучу, сказал: «Заместителем своим назначаю Табышкину Глашу. Я человек безответственный, а заместитель должен быть ответственным.

Тебе, Глаша, первое задание: заведи тетрадь, собери со всех копеек по двадцать, тридцать, наберите вина и ждем всех в нашей комнате, в общежитии № 3, в комнате № 4. Комната наша на втором этаже, справа. Всем ясно? Будем знакомиться, поближе».

– А кто не пьет, деньги все равно собирать?

– Обязательно. А кто не пьет и не умеет – научим. Не хочет – заставим. Кто совсем не будет, буду ходатайствовать перед руководством училища об отчислении. Всем ясно?

Девчонки, весело смеясь, полезли в свои карманы. Парни стали шарить по своим карманам.

Наша комната в общежитии большая, поэтому всем места хватило. Уселись на кроватях, кому места на них не досталось, стояли. Глаша выставила на стол четыре бутылки вина «Осенний сад», булку хлеба. Где она его достала, непонятно. Хлеб, я имею в виду.

Михаил вытащил свой стакан, вытер полотенцем, поставил на стол.

– Славка, командуешь. Ты так и так у нас разливайщик. Да еще старостой у нас стал.

Я решил разливать понемногу, девчонки, все-таки. Стакан с вином подал Михаилу:

– Идем по солнцу. Тем более, Михаил у нас самый старший. Каждый говорит про себя два-три предложения, выпивает. И идем дальше. Все думайте, что говорить. Откуда родом, и так далее.

Михаил взял стакан, немного подумал, сказал:

– Из Хабаровки я. Рос в детдоме, родился в войну, работаю зоотехником, то есть работал. Подрался с управляющим, теперь здесь, с вами.

– А из-за чего подрался? – спросил кто-то.

– Так, об этом потом, следующий, – сказал я.

Следующим, или следующей была Глаша Табышкина.

– Я из Турочака, из тубаларов. Хочу шофером быть. Серьезно.

Все заулыбались. Она продолжила.

– Я действительно хочу быть шофером, или трактористом. Отец говорит, что мужиков мало что ли, а ты, говорит, иди хотя бы в педагоги. А я не хочу быть педагогом, и врачом не хочу, как мама.

– А мама у тебя врачом работает?

– Да, врачом, и меня заставляет.

Я говорю: «Молодец, Глаша. На Чуйском тракте раньше много женщин шоферами работало. Только нас подвози, когда у дороги голосовать будем». Все засмеялись.

Подошла очередь Ининских девчонок. Их было человек десять, и держались они все рядом.

Они смялись и хохотали, стараясь вспомнить про себя что-нибудь интересное, не вспоминалось, каждый старался быстрее избавиться от стакана с вином. Разумеется, опорожнив. А что сильно интересного? – Иня, школа. И все. Ну, и кто поступал куда, и не поступил. Они и стояли здесь все вместе, и ходили тоже гурьбой. Все с одной школы, с одного класса. Это Бабаева Зина, Васильева Надя, Деева Лиза, Карандашева Лариса, Мендешева Аля, Малкина Галя, Тобошева Люба и Унатова Юля.

Катя Башпакова сказала:

– Я с Иодро, нынче я не поступала, заболела. Но на будущий год буду поступать. В пед, в нашем городе. Учителем хочу быть.

Мандаева Люда тоже была из Иодро, они с Катей учились в одном классе. «Все так же, как и у всех девчонок, – начала она. Немного подумала, продолжила. – Замуж чуть не выскочила. Но сбежала вовремя. Так что, парни, вокруг меня не вейтесь, замуж в ближайшее время не планирую».

Парни заулыбались. Люда была красавицей: стройная, в меру длинные волосы свисали на плечи, иногда спадали на симпатичное лицо, движением головы она ловко откидывала волосы назад.

Не мудрено, что на такой мед и мух было не мало.

– Не говори, «гоп», дорогая, – улыбнувшись, сказал я. – В нашем классе девочка была, все говорила, что только в тридцать лет замуж выйдет. И я с ней поспорил, на ящик шампанского, что она выскочит замуж в первые год-полтора после школы.

– И что?

– Трудно поверить, но она вышла замуж сразу после школы. И полгода не прошло. Раньше всех наших девчонок из класса. Теперь где-то в Усть-Канском районе живет. Так что, может, вас и шампанским угощу. Только надо съездить к ней. Вот такие дела, Люда. Не все получается так, как мы планируем.

Потом говорили Кезеровы, Коля с Геной; Коля был стеснительным, не многословным, а Гена, наоборот, говорил за двоих:

– Мы родственники с Колькой, братья сродные. Он чуть помладше меня, на полгода. Поступать мы не собирались, и не поступали. Надо было или на стоянку идти, овец пасти, или сюда. Мы сюда пошли. Сказали, здесь очень красивые девчонки учатся. Может, будущую жену себе приглядим.

Гена засмеялся и посмотрел в сторону девчонок. Глаша ответила:

– Глядеть-то можно, только на тебя будут ли глядеть, вот вопрос.

Теперь засмеялись девчонки. Кто-то из них сказал: «Да пусть глядит, жалко что ли».

Потом пошли парни. Оказалось, что почти со всех районов были курсанты в нашей группе. Балушкин

Боря из Апшухты, Амургушев Саша из Кулады, Молчанов Игорь из Белтира, Ничков Ваня из Черги, Соколов Коля из Шебалино, Параев Вася из Бешпельтира, Розин Денис и Тыдыков Николай из Чемала.

И вот, представители всех районов области, считай, собрались мы в одном месте, попивали вино, рассказывали и узнавали друг о друге. Все разные: и по возрасту, и по характеру. Кто-то имел уже неплохой жизненный опыт, как Михаил или Николай Тыдыков, кто-то имел этого опыта меньше, но уже сходил в армию, видел другие края, других людей, а кто-то только-только начал высовывать свою головушку из родительского гнезда: только вчера отзвенел последний для него звонок в школе.

Толпа большая, плюс выпившее вино, разумеется, шум наш слышится по всей общаге. Пришла Галина, вахтер, командир нашего заведения. Она была строга.

– Что здесь творится? Так, уже поздно, прекращайте шуметь, посторонние уходите.

Михаил подошел к ней: «Галина, у нас собрание, старосту выбираем. Сейчас закончим, все разойдутся. Не волнуйтесь, все будет нормально».

Галина недоверчиво оглядела всех: «Водку пьете».

– Да вы что! – Михаил приобнял Галину, повел в коридор. – Как можно, дети же совсем.

Он что-то еще говорил Галине в коридоре, зашел, закрыл дверь.

– Я сказал, что водку не пьем. Я не соврал, мы действительно не пьем водку, мы пьем вино!

Славка, вытаскивай бутылку из-под койки, доливай, кто еще остался, говорите, и заканчиваем. Я обещал, что гости скоро уйдут. А вы, девчонки, спойте, что-нибудь, петь-то умеете?

Девчонки пошушукались, запели. Сперва вразнобой, но потом голоса слились в один. Это была известная песня о том, как вечером, при появлении первой звезды на небе, собираются молодые, веселятся, но каждый ищет в толпе только ту, единственную...

Закончилась песня, закончилось и вино. Я подытожил:

– Но, вот и первое знакомство наше состоялось. Хорошо поете, девочки. Дай бог вам всем найти того, самого, самого. А напоследок Михаил споет песню, песню про шофера на Чуйском тракте.

– Михаил поет? – девчонки заулыбались.

Я посмотрел на Михаила. Он не ожидал это, как-то заволновался, засуетился.

– Да, ребята... Я обещал Галине... А что, пойдете на улицу, там и спою.

На улице, перед входом в общагу, были две скамейки. Михаила мы усадили на одну, посередине, кто-то сел на скамейки, а кому не досталось места, встали за скамейки. Все ждали песню.

Михаил о чем-то думал. Все молчали, никто не торопил. Потом он начал: «Давным-давно, лет сорок назад, моя мама работала на дороге, на строительстве сегодняшнего Чуйского тракта. По дороге пошли первые машины. И кто-то придумал песню, песню о любви двух людей, двух шоферов, Кольки и

Раи. Но им не суждено было быть вместе. Про это песня. Она старая, и уже забытая. Но в то время была очень популярной». И он запел:

Расскажу про тот край, где бывал я,
Где дороги заносят снега,
Там алтайские ветры бушуют,
И шоферская жизнь не легка.

Он начал тихо, но с каждым куплетом его голос крепчал, темная безлунная ночь была безмолвна, а сидящие и стоящие слушатели видели картину, как несутся по Чуйскому тракту две машины...

Дверь в общежитие приоткрылась, появились любопытные головы.

Ни ухабов на пыльной дороге,
Колька тут ничего не видал
Шаг за шагом – все ближе и ближе
Грозный «АМО» «Форда» догонял.

Голос Михаила оглашал весь двор, не было видно, но казалось, что люди близлежащих домов высыпали на улицу, слушают.

Но близка развязка, опасному повороту плевать на Колькину любовь, он не умеет, этот поворот, ни сострадать, ни любить, как Колька... И летит Колька, не успев повернуть, прямо в обрыв, в объятия той самой старухи, коварной старухи с косой...

... На могилу лихому шоферу,
Что ни страху, ни риску не знал,
Положили стальную рессору
И от «АМО» помятый штурвал...

Заблестели глаза у девчонок, старались не смотреть друг на друга парни. А двухстворчатые двери в

общагу были открыты настезь, и уже вышли на улицу, не вмещаясь в проеме, курсанты из других комнат. И среди них стояла с тряпкой в руках вахтер Галина.

А голос Михаила становился тише, как и в начале песни. Песня заканчивалась.

...Но один был отчаянный шофер,
Звали Колька его Снегирев.

Глава 10.

Понемногу мы стали втягиваться в учебный процесс, и становились небольшими винтиками этого большого механизма, или организма, называемого жизнью училища. После скучных школьных предметов типа математики, парням было интересно рассматривать на уроке машиноведения разрезы узлов машины, они с удовольствием слушали, как работают детали в двигателе, разбирали, как действовать шоферу при различных дорожных ситуациях. Девчонкам это не нравилось. Но им нравились уроки этики. Анна Ивановна, преподаватель, в основном обращалась к девочкам, рассказывая новые темы. А ребята скучали. Ждали, когда закончатся пары этики, чтобы идти на практику, в слесарный цех, или на вождение.

Анатолий, мастер группы, который поставил мне двойку на первом вождении, после моего второго вождения сказал: «Слава, давай не будем терять время, я тебя освобождаю от занятий по

вождению, машина ломается все время, пусть девчонки опыта наберутся, твое время им отдадим, они совсем не умеют ездить».

– А оценки? У меня всего одна, и то двойка.

– Считай, что ее нет, – улыбнулся он. – За вождение у тебя будет хорошая оценка, ездить ты умеешь.

Мне-то что, я согласился. Будет свободное время.

Насчет свободного времени. Оно у нас есть, и не мало. Особенно в конце недели. В субботу те, что жили в селах поблизости, уезжали. После обеда. Кто-то отпрашивался, кто-то сбегал. И в субботу вечером, и в воскресенье в общежитиях народу становилось меньше раза в два, даже больше. Оставались только те, кто из дальних районов: Улаганского, Кош-Агачского, Шебалинского, Турачакского. Чем мы это время убивали?

Кто-то читал книжку, кто-то спал, кто-то бродил по селу. В первые же дни мы любили прогуляться по окрестностям Ини. То в одну сторону, где Чуя в Катунь впадает, то в другую. Кто-то сказал, что в этой стороне небольшая березка растет на камне. Пошли посмотреть. Я, Толик, Розин Денис и Ничков Ваня. Недалеко от моста, всего в километре, действительно, нашли большой камень, и растущую на нем березу. Мы залезли на этот камень и стали рассматривать. Камень был величиной с хороший стог сена, забраться на него было не очень-то легко.

– Интересно, как она тут растет, – удивился Денис. – Даже на земле деревьев мало растет, а тут на камне выросла.

– Видишь, камень треснул, – ответил Ваня, – в трещину попала пыль, семечко от березы ветром занесло, вот и выросло.

– Да, но пыли там мало, скоро деревце подрастет, корням расти некуда будет, пропадет. Или козы обглодают. Они, паразиты, все кусты уничтожают, – сказал я.

Ваня походил по камню, осмотрел, о чем-то думая, сказал:

– Нет, козы сюда не смогут взобраться. Поэтому березка и сохранилась. А вот земли – да, мало, может пропасть деревце.

Мы еще немного походили по этому камню, по удивлялись и поспрыгивали с него. С земли убедились, что козам действительно не взобраться на этот камень. Уходя, мы еще раз оглянулись, посмотрели на это деревце. Издалека это был небольшой кустик на большом камне, голый осенний кустик. Да, он весь облетел, оставшиеся листочки потемнели, свернулись в трубочки, и вот-вот тоже улетят. Но мы видели, что это настоящая березка, и она еще жива. Но надолго ли?..

На обратной дороге Ваня все размышлял про эту березку.

– Как она могла вырасти? В месте, где на земле почти не растут деревья, а тут на камне, в условиях, когда вырасти-то невозможно...

– Растет и растет, чего тут удивительного, – отвечал ему Толик. – Вот у нас, в тайге, можно увидеть елку, а с середины ели лиственница может расти. Или сук сломается еловый, или еще какое повреждение, попадет в это повреждение семечко, или

ветром, или белка схоронит, и вырастет дальше на елке или кедр, или лиственница. Это природа. Она лучше нас понимает, где чему расти.

Я заметил, что в тот день, и на другой день Ваня ходил какой-то задумчивый. Потом исчез, не пошел на практику после обеда. А вечером появился только к ужину.

– Ребята, березка будет расти.

Мы ничего не понимали. Он рассказал. После обеда он выпросил у наших кочегаров лопату, нашел мешок, набрал где-то в селе хорошей земли в него и потащил к тому камню. И засыпал щель в камне этой землей. Земли не хватило, он поблизости набирал земли более-менее плодородной (земли здесь бедные) и все досыпал.

Лицо его светилось, он был очень доволен. Но Толик расхохотался:

– Но и дурак ты, Ванька! Тебе больше делать нечего? Тебя учат шофером быть, и вместо того, чтобы ключи точить, ты ерундой занимаешься! Деревом меньше, деревом больше, какая разница!

Но мы поддержали Ваню. Сказали, что он сделал правильно, и на днях сходим, посмотрим.

Ваня сначала расстроился от Толькиных слов, но потом успокоился. Рассказывал, где он искал хороший грунт, как трамбовал палочкой, как объяснял кочегару, зачем ему нужна лопата. Рассказывал, смеясь:

– Я объяснял, объяснял ему, на что мне надо, он так и не понял, но лопату дал. Принес я мешок с землей к камню, а поднять не могу, высоко. Сам залезу,

мешок внизу, слезу, мешок не могу закинуть. Веревки-то нет. Мучился, мучился...

Позже, когда мы пошли смотреть Ванькину работу, нас было уже много, человек семь. Толик не пошел, бросил: «Дети...»

Щель в камне полностью была заполнена землей, вокруг березки даже бугорком. Мы сидели на камне, Ваня полил из бутылочки березку водой. Он заранее приготовил и принес. Пригладил рукой мокрый грунт, и мечтательно произнес:

– Пройдет много лет, лет двадцать, вы будете уже взрослыми дядями, будете проезжать по Чуйскому тракту, остановитесь здесь, приведете сюда своих детей и скажете: «Посмотрите, дети, когда я был таким же, как вы, я учился в училище, в этом селе. И мы прибегали сюда, смотрели, как в расщелине этого большого камня старалась вырасти небольшая березка. Она вот-вот должна была умереть, от недостатка грунта, но был среди нас дурачок, звали его Ванька Ничков, из Черги, так он днями и ночами таскал сюда землю и воду, чтобы березка не пропала. И вот, вы видите, какая большая береза сейчас растет. Пустив корни сквозь грунт Ваньки, береза дошла и до настоящей земли, и стала стремительно расти, становилась сильнее, и расколола этот большой камень. Вы видите эти две половины когда-то одного большого камня. И видите березу. Она стала больше камня, и люди приходят сюда, приводят детей, и рассказывают, как хотела жить эта береза.

– Здорово! – воскликнул я. – Гений! Слава Ване Ничкову! Качаем Ваню!

Мы вскочили и с криками схватили Ваню и стали подбрасывать вверх. Он орал. То ли от страха, что его уронят на камень, то ли от радости. Мы орали тоже...

Но любимым местом нашим был, конечно же, мост. Вернее, два моста. И новый и старый. Конечно, новый был и больше, и красивее. Было на что посмотреть и на новом мосту, и на старом. Мы ходили под мостом, до самой реки, по мосту, разглядывая детали моста вблизи. Одно дело проехать по нему на транспорте, а другое – вот так, не торопясь, пройти по нему, облокотиться на перила и смотреть, как далеко внизу шумит Катунь. Осмотрев новый мост, идем к соседнему. Но подходя к старому мосту, мы с Михаилом чувствовали что-то новое, после встречи с Григорием.

Михаил мне сказал, чтобы про ту встречу я никому не говорил. Ребята облазили все места на мосту, которые можно было. «Смотрите, здесь что-то написано!» – кричал кто-нибудь. Все подходили, рассматривали. Это были вырезанные на деревянных деталях моста какие-то знаки. Вероятно, это были или буквы, или цифры. Но разобрать было невозможно. От времени, солнца, дождей и ветров дерево сморщилось, было все в трещинах, и непонятно, что было написано. Потом такая надпись находилась в другом, потом еще, и еще. Мы с Михаилом ничего не говорили. Я ходил по берегу, уходил в ту сторону, где примерно могли располагаться бараки, но ничего не находил, что могло бы напоминать об этом. Может, и не было ничего. Но мост же есть.

К осени Катунь спокойная, воды в реке намного меньше, и с краев уже по утрам подмораживает. С каждым днем замерзает все больше, и наступает день, когда Катунь вся покрывается льдом. Мы бродим по берегу, иногда наступая на лед. Видя, что лед держит нас, осторожно шагаем к середине.

– Надо идти осторожно, не топая, – учил Боря Балушкин. – Если лед под тобой треснет, надо сразу лечь и раскинуть ноги и руки в стороны. И тихонько ползти к берегу.

Но Сашка Амургушев храбро топал по льду, не беря во внимание слова Бори. Вдруг лед под его ногами треснул. Мы успели только обернуться, а Сашка уже лежал на животе. Так ловко у него получилось.

– Ползи, только не упирайся сильно руками! – крикнул Боря.

Сашка лежал, не шевелился.

– Но ты чего, ползи! – крикнул я.

Но Сашка лежал, не подавая никаких признаков. Я бросился было к нему, но Боря меня остановил: «Не ходи! Лед треснул, значит, там он тонкий, может вообще проломиться, оба можете провалиться. А там глубоко. Сейчас я найду палку, вытянем.

– Сашка, чего там развалился? – крикнул уже с берега Генка Кезеров. – Хоть пошевелись, или скажи что-нибудь!

Но Сашка молчал. Только пошевелил руками, как гребец по воде, но тело его оставалось на месте. Он бросил это занятие. И крикнул негромко: «Славка, а Славка, у тебя бумажка есть?»

Мгновенье мы не могли понять, зачем ему бумажка, потом как по команде стали хохотать. Он лежал на льду, а мы стояли на берегу и хохотали. Прибежал Борька, с длинной веткой от дерева, не мог понять, что происходит. А мы хохотали и хохотали. Борька протянул Сашке ветку, тот ухватился за нее, и Борька медленно стал тянуть его к берегу. А мы хохотали и орал:

– Сашка, тебе одной бумажкой не обойтись, тебе всю одежду нужно менять, ниже пояса!

– Какой был лед чистый, смотрите, какая темная дорожка за ним тянется! А как воняет! Сашка, ты что сегодня жрал?

Вдоволь нахохотавшись, в веселом настроении мы возвращались в общагу, всю дорогу подшучивая над Сашкой. Мы смеялись, громко говорили, но в душе наверно, каждый понимал, какая беда могла случиться, если бы лед не только треснул...

В такие дни, в выходные, в столовую мы не спешили, народу было мало, и ели мы в одну смену. Толик уже смело подходил к нашей первой знакомой из поварского цеха (что с косичками), улыбался, шутил, и она или добавки положит, или масла сверх нормы подаст. И Толик, довольный, нес это нам.

– Что, Толик, продвигаются дела? – посмеиваясь, спрашивал Михаил? – Молодец, с масла и начинать надо.

– Не было бы меня и Верки (он уже знал, что эту девушку зовут Верой), подошли бы вы все с голоду, – парировал Толик.

– Но и как, повезешь ее в Улаган? – ехидно спрашивал Сашка Амургушев.

Но Толик уже был увлечен поеданием каши – некогда отвечать на глупые вопросы.

– Толик, скоро у Гены день рождения, – запивая кашу чаем сказал Михаил, – так ты выпроси у Верки что-нибудь, на закуску.

– Сделаем, – деловито отвечал Толик. – А когда?

– Через два дня, во вторник.

Это был первый день рождения, который мы справляли в училище. В комнате, когда мы обсуждали, как его провести, я предложил: «А давайте все группой отметим». Все согласились.

В понедельник, в перерыве между парами я объявил:

– Завтра день рождения у Гены Кезерова. Глаша, собери... в общем, ты знаешь, что делать.

– Ясно, Слава, – ответила Глаша и пошла к девчонкам. Они стали шушукаться.

Вечером, на следующий день, в нашей комнате опять было шумно. Девчонки молодцы, подарили Гене какую-то небольшую картину, прочитали ему стихи, пропели благопожелания. Гена смутился, что-то говорил невнятное, и ребята, и девчонки подшучивали над ним. Ему, как имениннику вина я подливал больше, чем остальным, он залпом выпивал и все улыбался и улыбался. Все тостующие желали ему самое хорошее: и лет много, и жену хорошую, и детей здоровых, но и в этом духе. А в конце Михаил спел песню из репертуара нашего знаменитого певца Николая Воинкова. О том, как один мужик хвастается, каким он стал счастливым, когда женился: и жена у него хорошая, и дети прекрасные, по одному в каждой руке, и пацан и

девочка. Ну, такая шуточная песня. Песня, она и есть песня.

Мне кажется, мы шумели больше, чем в первый раз, и я изредка напряженно поглядывал на дверь, казалось, вот-вот появится Галина. Но она не появилась. Но и мы не стали злоупотреблять ее пониманием, закончили свое мероприятие не очень поздно. Проводив шумную девичью компанию, мы вернулись в комнату, попрыгали в свои постели. Почему-то стало тихо, никто ничего не говорил. Может, устали от веселья и шума, может, каждый думал о чем-то своем. Только через некоторое время Гена тяжело вздохнул и сказал: «Ребята, а ведь меня никогда так не поздравляли с Днем рождения. На всю жизнь запомню...»

Через некоторое время мы как-то вспоминали этот день рождения, и стали спрашивать у всех даты их дней рождения. Оказалось, у парней в нашей группе ближайший день рождения только у Михаила, но в феврале. Мы заскучали. Попросил Глашу, чтобы она расспросила и написала, когда у девчонок дни рождения. Она принесла листок, но радости там тоже было мало: ближайший день рождения у кого-то был только через два месяца.

А день рождения справить хочется, и сейчас. Понравилось же.

Я говорю: «Дело такое, ребята. В ближайшее время в нашей группе никто не родился. А надо бы. Жизнь-то проходит. А значит, делаем как?»

Все смотрели на меня, никто ничего не понимал. Я продолжил:

– Если нет дня рождения, надо его придумать. Кто хочет отпраздновать свой день рождения?

Первым врубился Михаил:

– Понятно, надо объявить, что у кого-то сегодня день рождения. И отпраздновать. Типа провокатора, на мясокомбинате. Стадо овец нужно прогнать на бойню, а овцы не идут. Так вот, на мясокомбинате есть козел, его так и зовут, «провокатор». Его запускают в стадо, и он смело шагает по направлению к месту, где овец забивают. Глупые овцы за ним. И в нужный момент этот козел сворачивает в незаметный карман, а овцы как шли, так и идут прямо, на гибель. А наш провокатор в кармане, живой и невредимый, наяривает морковку с сеном. Свое дело сделал, отдыхает теперь, до следующего стада. Так и здесь Славка предлагает.

– Сравнение, может, не очень удачное, Михаил, но сойдет. Только в нашем случае, прошу прощения, и овцы будут целые, и «провокатор», то есть именинник, будет не только с сеном, но и с подарком.

Все заулыбались. Наконец-то до всех дошло. Михаил спросил:

– Но, кто будет прово... именинником? – Он оглядел ребят. – Желающих нет? Ладно, буду я. Староста, у меня день рождения... ну... послезавтра.

Снова Глаша собирала деньги, снова разливалось вино в нашей комнате, снова были тосты, песни... «День рождения» у Михаила Кокпоева!

Нам это понравилось. Через неделю «провокатором» хотели быть все. Даже спорить начали, как в очереди в магазине.

Перед занятиями, до прихода преподавателя, объявляю, что через день очередной день рождения у нас. Смотрю, девчонки не радуются, сидят молча. А Катя Башпакова спрашивает:

– А чей день рождения-то?

– У Бори Балужкина, восемнадцать исполняется. Мужик!

Катя достала листочек, посмотрела, и сказала тихо:

– Врешь ты, Слава. В училище моя родственница работает, я попросила выписать дни рождения курсантов нашей группы. Так вот, у Бори день рождения в апреле, пятнадцатого числа. И у Михал Михалыча (девчонки так звали Михаила) шестого февраля день рождения. А справляли мы на прошлой неделе. Так что соврали вы нам, не хотим мы эти липовые дни рождения справлять. Нечестно это. Да и дни рождения справлять не принято заранее.

Все молчали. Как-то стало неловко. Но тут первым пришел в себя и стал возбужденно говорить Михаил:

– Но и что в этом плохого? Все нормально. Ведь второй-то раз у нас не будет дня рождения, ни у Борьки в апреле, ни у меня в мае. Мы же вас не будем тогда собирать, мы же не совсем бессовестные. Жизнь, она, падла, непредсказуемая. Черт знает, что завтра будет. А насчет «заранее нельзя праздновать». Бросьте вы эти предрассудки! Вот мы отпраздновали мой день рождения заранее, за полгода. Но и что? Что-то со мной случилось? Да я до ста лет жить буду! Кто не верит, приглашаю всех вас на свое столетие!

Все тут заулыбались, кто-то засмеялся. Дискуссия могла бы продолжиться, но вошел Василий Васильевич, и начался урок истории.

Глава 11.

Одним из привлекательных мест для посещения был, конечно же, местный клуб. Это было огромное помещение с высокими потолками. Фойе было просторным, в нем проходили танцы.

Аппаратура была старенькая, но две большие колонки, стоящие на сцене небольшой высоты, изрыгали мелодии хоть и не очень четко, но зато громко. Работник, вернее, работница клуба объявляла, какой будет танец следующим, и приступала к манипуляциям с аппаратурой; и до появления первых мелодий объявленной песни можно было спокойно выслушать у рядом стоящего соседа последние деревенские новости. А случилось и так, что вместо объявленного твиста или шейка динамики выдавали вальс.

Народу в клубе собиралось много: это курсанты, молодые жители Ини, Инюшки, были и преподаватели и сельской школы, и училища. Которые, помолже, конечно. Можно было заметить и нашего мастера, Анатолия, с Риммой; изредка появлялись и наши физруки, Тодошевы, Георгий с Николаем. Был и Миша Титанов. Он здорово танцевал вальс. С девушкой-коллегой, только из школы. Я помню, Миша

в националке в танцевальный ходил, был подтянутым, спортивным. Красавец! Но и напарница не подкачала. Тоже стройная, яркая и веселая. Кто не танцевал вальс, любовался этой парой.

В самом зале проходили фильмы, мы ходили несколько раз. А однажды приехали и артисты. Из Горно-Алтайска. Эстрадная группа. Особо выделялся конференсье, молодой красивый мужчина, Игорь Тодошев. Он рассказывал юморески, фельетоны, интересно представлял артистов.

Но концерт запомнился не этим. Он запомнился тем, что нас после концерта побили. Мы ходили на танцы, уже спокойно гуляли даже по вечерам по Ине, и видимо притупились слова дяди Аркадия «по селу не шариться». Мы как-то все время ходили гурьбой, хоть на танцы, хоть в столовую. А тут на концерт мы пошли только втроем: я, Боря Балущкин и Амургушев Саша. Остальные ребята из комнаты не захотели. И вот идем после концерта, уже темно, проходим «скворечник». Это общежитие, где жили в основном «трактористы», из первой и третьей групп. Здесь жил и Рыжий, главный той группы, с которой мы в первый раз встретились около столовой. И Сутулый здесь жил, его ординарец. Помните сигареты Толика?

Или они нас увидели на концерте, или видели, что мы только втроем шли на концерт, неизвестно. Но и не важно. Ясно было, что они нас ждали. И знали, что нас мало, всего трое.

Как только мы стали проходить «скворечник», из-за дома выскочили, уж не знаю, сколько человек,

и напали на нас; не успели мы опомниться, как оказались на земле от ударов и пинков.

А в таком положении о попытке встать не нужно и помышлять: дело только усугубишь. Если вокруг тебя, лежащего, несколько человек, и они разминают руки и ноги на твоём теле, при попытке встать и сопротивляться, можно получить ущерб больше, чем свернувшись калачиком, лежать и ждать, пока они не закончат своё подлое дело. Ждать пришлось недолго, они исчезли так же быстро, как и появились. Среди убегающих я успел заметить Сутулого. Они побежали не в общагу, а в другую сторону, к жилым домам. «Следы замечают», – мелькнуло у меня в голове. Она у меня болела, болело и тело, хорошо, лицо прикрыл. Я встал, подошел к постанывающим друзьям, помог им подняться. Матерясь, они стали отряхиваться, ощупывать себя. Вроде, руки-ноги у всех были целы. С лицами не очень. У Борьки был разбит нос, у Сашки губа. Опыта маловато у них, лицо и голову нужно закрывать в первую очередь. Я вытащил носовой платочек, разорвал пополам, протянул обоим. Прихрамывая, поддерживая друг друга, мы побрели в общагу.

Увидев нас, Галина сразу повела нас в умывальник. Заставила снять верхнюю одежду. Спросила: «Кто вас так?» «Непонятно, темно было», – ответил Борька. «Да свои», – сказал я.

– Может, в милицию позвонить?

Я немного подумал, ответил: «Нет, не надо, сами разберемся».

Пока мы мылись, Галина забрала наши куртки, вышла, через некоторое время вернулась.

– Куртка Бори изорвана чуть, я подошью, заберешь завтра. Остальные вроде ничего. Я их вытряхнула. Идите в комнату. В больницу вроде не надо, рана на губе небольшая.

Увидев нас, Коля, Толик и Михаил соскочили с кровати, стали расспрашивать, охать и ахать. Толик предложил тут же поднимать общагу и идти в «скворечник». Коля сказал, что нужно в милицию заявлять. Михаил предложил завтра же доложить руководству училища.

Но, в конце концов, мы отмели все эти предложения. Во-первых, нет прямых доказательств, что это была группа Рыжего. Ребята вообще никого не узнали, а я только Сутулого приметил. И то мог ошибиться. А они будут отнекиваться и все. Хотя, дураку ясно, что это первая и третья группа.

А жаловаться, это значит, признать свою слабость перед группой «трактористов». «Ой, спасите, нас, здоровых мужиков из второй группы, бьют ребята из первой группы!».

На этом и порешили: пока ничего никому не говорить, делать вид, что ничего не произошло. И дальше действовать по обстоятельствам. Как и договорились, мы делали вид, что ничего не случилось. Никому, даже ребятам из своей группы, не стали говорить; как обычно здоровались с ребятами из первой и третьей группы, так и здоровались, как со всеми. В общем, всем своим видом мы показывали, что у нас все в порядке. Так проходили дни. Но история эта продолжилась. Произошло это

в столовой. Как всегда, при получении своей порции супа у раздачи у нас происходит небольшая неразбериха. Мы уже сидели за столом, получив свою порцию. И вдруг видим, как из толпы у раздачи вылетает Колька Кезеров, с чашкой супа. Его толкнули, в вытянутой руке его была чашка, он падал, удержался, и чашку не уронил, но половина супа выплеснулась на пол. Видимо, толкнул его Сутулый, потому что с матерками он догнал Кольку у стола, взял за шкурку и стал что-то говорить. Колька только успел чашку с супом на стол положить. Колька сидел с моего краю, через два человека. Я вскочил: «А ну отпусти его!»

– А тебе что надо? – Сутулый отпустил Кольку и пошел на меня. Я был немного в невыгодном положении: спереди стол, за мной скамейка, чтобы выйти из-за стола нужно время, а у него пространство открытое. Но все произошло быстро и не пришлось и из-за стола вылезать. С разбегу он ударил меня, но я успел пригнуться, кулак его чиркнул по моей макушке; Сутулый, теряя равновесие, качнулся, а я левой рукой с размаху врезал его по физиономии, слева. Он оказался на полу, вскочил быстро, но и я уже перескочил через скамейку, готовясь к продолжению драки. Но тут появилась Маргарита Николаевна, с криками побежала к нам.

– Идите, вон, деритесь на улице, что вам, еды не хватает?! – ругалась заведующая столовой. – Еще раз такое произойдет, к директору пойдете, оба!

Сутулый пошел к своему столу, что-то угрожающе бормоча.

Обед был испорчен, я немного поковырял ложкой в тарелке, отодвинул. Ребята сидели напряженно, кто поел, сидел и ждал, когда остальные поедят. На улицу мы вышли все вместе, но ребят из первой и третьей группы уже не было, мы спокойно дошли до училища.

Прошло еще несколько дней. Конечно, в первое время после случая в столовой мы ходили все вместе, мало ли. Но потом, со временем, осторожность притупляется, ну, как обычно. И так оказалось, что мы с Толиком как-то возвращались только вдвоем. После практики, быстро управившись с заданием, мы из слесарного цеха торопились в общагу. В общаге почти никого не было, занятия еще не закончились.

Толик сразу вытащил свою коробочку с рыболовными мелочами, занялся изготовлением мошек. Он уже познакомился с местным парнем, тоже заядлым рыбаком, и они все свободное время пропадали на речке.

– Вот, вроде бы и река такая же, как в Улагане, и рыба, – размышлял Толик. – Но повадки разные. И к реке нужно приспособливаться, и к рыбе. Сделаю, как дома делал, не ловится рыба. Вот и начинаешь колдовать, что-то менять.

– Да у тебя в любой луже, после дождя, думаю, рыба будет клевать. Она тебя издали чувствует.

– Да нет, не скажи. К этому делу с умом подходить надо, рыба, она не глупая. Сергей обещал удилице привезти, пойду, посмотрю.

Толик положил коробочку в тумбочку, встал, посмотрел в окно: «Вот и наши возвращаются». Тут его лицо переменилось: «Нет, не наши, посмотри».

Да, это были не наши, это были ребята – «трактористы». Спереди шел Рыжий, рядом с ним вышагивал Сутулый, чуть прихрамывая. Я почему-то стал считать. Их было двенадцать.

– Что будем делать? – спросил Толик.

– Думаю, они идут к нам не чай пить. Видели, гады, что мы только вдвоем шли. Жарко будет. Пошли!

Почему-то я решил, что нужно выйти на улицу. Я побежал вниз, по лестнице, Толик, ничего не говоря, последовал за мной.

Но мы не успели. Только спустились на первый этаж, дверь открылась, и толпа залетела в общагу. Ничего не говоря, они двинулись на нас. Пошли удары кулаками, ногами; разумеется, мы отступали, их было больше. Несколько ударов пришлось и по мне: по лицу, по плечу. Но и я смог неплохо приложиться, нанес пару неплохих пинков. Понимал, что сблизаться не стоит – уронят на пол, избьют, – работал больше ногами. Мы отступали, Толик пятился по коридору, часть напавших – за ним, остальные – за мной, по лестнице вверх. У меня было преимущество, на лестнице я был сверху, взявшись рукой за перила, мог с размаху сделать неплохой удар ногой. Получалось неплохо, но они наседали, их было человек пять-шесть. Мне приходилось отступать. Площадку между лестничными маршами я проскочил, чтобы оказаться на

второй лестнице и иметь то же небольшое преимущество. Но и оно растаяло быстро, потому что лестница закончилась. Рыжий с Сутулым шли за мной, с разбегу выкидывали удары, я отвечал, но приходилось отступать. Скоро и коридор закончился. Я уж хотел с разбегу попробовать прорваться через толпу, но понял, что меня все равно остановят, уронят. Надо было что-то делать.

Иногда бывает, что тело делает движения без сигналов от мозга. Не успел подумать, а мышцы что-то сделали. Здесь получилось подобное. У меня в кармане всегда находился складной ножик, как называют, складешок. Но это был не маленький, со многими лезвиями, штопором и пр., а плоский и большой с одним лезвием. Я его купил в Бийске, когда на сессию ездил, еще до армии. Ножик деревенскому парню всегда нужен. Но в драках его применять мне не приходилось никогда. Да и мысли такой в голове никогда не было. Пока я дрался, я даже не подумал, что у меня есть ножик, и им можно припугнуть. Так вот, произошло вот что, когда коридор закончился. Моя рука, правая, вытаскивает из кармана этот складной нож, вторая рука, левая, открывает лезвие и правая, с ножом выставляется вперед. Это все происходит за какое-то мгновение. Обычно, чтобы применить этот складень в деле (хлеб порезать, например), нужно похлопать по карманам, чтобы знать, в каком кармане он находится, потом его вытащить, переложить в правую руку, если он оказался в левом кармане, посмотреть на него, перевернуть так, чтобы лезвие оказалось слева, чтобы потянуть левой

рукой и открыть лезвие. А здесь рука стремительно оказывается именно в том кармане, где лежит нож, не нужно никакого взгляда на ножик, другая рука сама знает, с какой стороны лезвие... Это потом, вспоминая, как это получилось, удивляешься.

Увидев блеск лезвия ножа, толпа отпрянула назад. А я, наоборот, пошел на них. Мне хотелось согнать их вниз, интересно, как там Толик?

И услышал на первом этаже крик Галины. Я не слышал, чтобы она, спокойная и равнодушная, так кричала. Может, это не она?

Слышно было, как открылась дверь в общагу, топот шагов на улицу под крики Галины (это была все-таки она), наверно, она выдворяла противников Толика. Потом появилась и она сама, в сопровождении Толика. Галина была вооружена шваброй. С криком: «Прекратить драку!» она стала колотить своей шваброй уже по моим противникам, которые побежали по лестнице вниз. Последнего и Толик успел пнуть ногой. Но Галина и его огрела шваброй: «Марш в свою комнату!»

Подошла ко мне, увидела нож: «Что, в тюрьму захотел?!». Выхватила была у меня нож, но у нее не получилось, хотя я не сопротивлялся. Она бросила швабру, двумя руками стала отдирать складень, стараясь разогнуть мои пальцы. Наконец нож оказался у нее в руке, а мои пальцы так и остались скрюченными, а рука дрожала...

Как Галина и сказала, что не сможет это так оставить, так и сделала. Через час мы стояли в кабинете директора. Мы – это Галина, мастер нашей

группы – Анатолий, я, Рыжий, мастер его группы – номер один, Дмитрий.

Галина позвонила в училище, прибежали Анатолий с Дмитрием, расспрашивали, как да что. До училища пошел и Толик.

Николай Петрович всех выслушал, отпустил, но оставил меня с Рыжим. Посмотрел на нас, на мой складной нож, который лежал у него на столе, вздохнул тяжело, начал:

– Плохо, ребяташки, плохо. Государство вас обучает, кормит, родители вас дома ждут, что приедете умными, с профессией, а вы? До поножовщины докатились! А, Слава?!

– Да я только припугнуть, никто драться не хотел, то есть, мы не хотели. Мы же в комнате сидели, вам же рассказали, как все было. Это они к нам пришли.

– Да, Петя (Рыжего звали Петя, Петя Салин), вы пошли в чужое общежитие, значит, намеренно драться пошли?

Петька молчал. Иван Николаевич продолжал:

– Нехорошо вдесятером на двоих, нехорошо. А еще раньше троих со второй же группы побили.

Я и Петька удивленно посмотрели на директора. Я действительно удивленно, а Петька, наверное, старался быть удивленным. Как, мы же никому не говорили! Как он узнал? Да, наверное, Галина. Хотя, она и не говорила, что скажет. И сегодня она об этом молчала. Тогда кто?

– Это друзья твои были, Петр?

Петька дернул плечом: «Да никого мы не били».

– А ты что скажешь, Слава? Это они были? Ты ведь был одним из побитых?

Я не хотел отвечать, но приходилось. Бросил нехотя: «Темно было, не знаю, кто был. Их было много, человек тридцать».

– Да не трид... – возмущенно воскликнул Петька, но сразу осекся. Но было уже поздно. Он понял свою оплошность, сразу обмяк, опустил голову.

– Ладно, ребята, – после непродолжительной паузы начал директор. – Кто пацанами не дрался. Но вы уже взрослые. Слава староста группы, а Петя тоже лидер среди своих ребят. Вы должны быть примером для остальных. Пожмите друг другу руки и больше не деритесь. И следите, чтобы драк не было в общежитиях. Обещайте мне. Обещаете? В милицию я заявлять не буду, но ножик до окончания учебы, Слава, останется у меня. Договорились?

Нам хотелось быстрее уходить из кабинета, поэтому мы с Петькой пожали друг другу руки и пошли на улицу. Там стоял Толик, а чуть поодаль – Сутулый.

Я с Толиком, а Петька, то есть Рыжий, с Сутулым, каждая пара пошла своей дорогой.

Что интересно, драк после этого, до окончания учебы, между нашими группами больше не было. Только забегая вперед, скажу, что уезжая после учебы, я забыл про свой складной ножик, и он остался в столе директора напоминанием о его нерадивых курсантах.

Глава 12.

Что-то зачастил я в директорский кабинет в последнее время. Не прошло и пары дней, как я побыл в кабинете директора, как в перерыве между парами заглянула в кабинет Наталья Петровна, из отдела кадров:

– Вторая группа? Аданов здесь? Слава Аданов, иди к директору, там тебе какая-то телеграмма пришла.

Все замолчали и посмотрели на меня. Телеграмма? У каждого, кто сталкивается с такой новостью, на душе становится не очень-то спокойно. Телеграммы шлют, обычно, когда происходит что-то непредвиденное, не запланированное. Если все нормально, пишут письма. У меня с телеграммами не очень радостные воспоминания. Только год назад я получил в армии телеграмму, что мать умерла. Теперь интересно, что?

Группе передалось мое волнение, и курсанты тревожными взглядами проводили меня до дверей.

Я шел и размышлял: есть брат, есть сестра, бабушка. Точно, бабушка, что-то с ней случилось.

Увидев мое взволнованное лицо, Иван Николаевич успокоил: «Да не волнуйся ты, все хорошо, ничего плохого. Садись. Как, больше не деретесь с Петей?».

– Да нет, – коротко ответил я. Сам сижу, как на иголках.

– Вижу, ты разволновался. Не беспокойся, сразу скажу, телеграмма из Бийска, из техникума. Теперь

успокоился? Теперь расскажи про эту свою учебу, что, как.

Я собирался с мыслями. На душе отлегло, значит, с домашними все хорошо. А Бийск, ой, надо подумать, учеба, да...

– Да я на стройке работал, в Горно-Алтайске, после школы. И приезжала приемная комиссия из Бийского строительного техникума. Я сдал экзамены, поступил, заочно. Съездил несколько раз до армии, на сессии, потом в армию ходил. После армии заезжал в техникум, сказал, что отслужил. Мне сказали, что если хочу дальше учиться, осенью вызов вышлют. Наверное, выслали.

– Да, ты прав. Зовут на сессию. А хотел бы дальше там учиться?

– Я им сказал, что буду, но вот, сюда приехал. Наверно, теперь не смогу, не положено в двух местах учиться, я думаю.

– Но, а сам, хотел бы продолжить учебу в техникуме?

– А вы отпустите?

Директор встал из-за стола, походил, снова сел:

– Скажу честно, это в моей практике в первый раз, чтобы кто-то и здесь учился, и на сессии в другие учебные заведения ездил. Но и запрета учебы в нескольких учебных заведениях одновременно я тоже не припоминаю. Посмотрел я твои оценки, они неплохие. Если ты дашь обещание, что по приезду после сессии ты подчистишь все хвосты по всем предметам, я тебя могу отпустить.

Предложение для меня было приятным, но неожиданным. Я уже смирился с мыслью, что в техникум я уже не еду в этом году, и это известие застало меня врасплох. Тем более, голова еще не освободилась от тяжелых мыслей, когда узнал о телеграмме. Я заверил, что после сессии подготавлиюсь и сдам экзамены по всем предметам.

– Тогда давай так. Вот телеграмма, езжай, учись, учеба у тебя начинается через четыре дня. Как с деньгами-то? Тебе жить там две недели.

– Да... решу. В Улаган позвоню.

– Вот что, Слава. Через неделю у вас будет первая стипендия. За два месяца. Я распорядюсь, чтобы тебе выдали завтра. И все, в путь. Кем будешь-то, когда закончишь?

– Я учусь по специальности «Промышленное и гражданское строительство».

– Промышленное? Фабрики, заводы. А гражданское – это дома, наверно, дороги. Так, нет? Здорово! Вперед, будущий строитель! Приходи завтра за деньгами, за стипендией.

Я вышел на улицу, стал читать телеграмму. Оно было из Улагана, не из Бийска. Позже я узнал, что телеграмма была послана тетей Олей, соседкой дяди Аркадия. Вызов действительно из техникума пришел. Поскольку все в Улагане друг друга знают, письмо попало в дом дяди Аркадия. Тетя Зоя обратилась к тете Оле, бывшему почтальону, чтобы она переправила письмо в училище. Но тетя Оля решила, что письмо будет идти долго, потому что до

сессии оставалась всего неделя. Она и отправила телеграмму. Коротко: техникум приглашает на сессию Аданова в такие-то дни.

Когда я вернулся, занятие уже началось. Видел, как с нетерпением ждали курсанты звонка с пары. Когда Николай Иванович вышел, все уставились в мою сторону.

– Слава, что в телеграмме? – напряженно спросил Михаил.

Все смотрели на меня, ждали ответа. А не похулиганить ли нам?

– Да не волнуйтесь, ребята. Все нормально. Ничего печального, даже радостное известие.

– Ну, слава богу. А что радостное? – спросила Глаша.

– У меня сын родился!

– Какой сын?

– Третий.

– Какой сын, какой третий, ты ведь даже не женатый, – чуть не закричала та же Глаша. – Я же здесь записала, кто женат, или замужем, кто холост. Ты холост!

Остальные девчонки тоже зашумели, парни сидели, ничего не понимая. «Врешь ты все!» – крикнула кто-то из девчонок.

– Но, ребята, в каком веке вы живете? – парировал я. – Кто сказал, что надо обязательно быть женатым, чтобы детей иметь? Вот, у меня было уже двое детей, теперь вот третий родился.

– А почему ты раньше не говорил?

– А что, я должен хвастаться, что не женился, а дети есть? Ну, так получилось. Не все же в жизни бывает так, как хочешь. Хотя дети рождаются, разве это

плохо? Но вот, телеграмма пришла, теперь-то что скрывать, сказал вам, все равно все скоро узнают.

– И по сколько лет тем, другим? – это уже Михаил.

– Три года и два года.

– Поедешь?

– Поеду, через два дня. Директор обещал стипендию раньше выдать, надо все-таки подарков купить. Отпустил на неделю. Езжай, говорит, дети – дело хорошее. Вот такие дела, друзья. Завтра можем собраться у нас, в общежитии. Если хотите, конечно.

– Что-то не верится, врет, поди, наш староста, – с подозрением сказала Катя Башпакова. – Получится так же, как с днями рождениями.

– Но ты даешь, Катя! – возмутился я. – Как это можно сравнивать? Или просто день рождения отметили, или родился целый человек! Кто не побойтись, чтобы так обманывать?! Грех на душу брать! Сейчас телеграмму покажу, посмотри!

– Да ладно, не лезь в карман, все ясно, – остановила Глаша, когда я привстал и полез рукой в карман. И крикнула громко: – Ребята, собираем по пятьдесят копеек!

Назавтра в нашей комнате поднимались тосты за моего третьего сына, заодно пожелания доставались и двум первым. Кто-то был рад за меня, кто-то жалел. Девчонки притащили большого мягкого медвежонка, на большой открытке были написаны пожелания здоровья, радости, и всего того, что желают в такой праздничный день. Меня, как именинника, освободили от обязанности разливающего,

этим занялся Михаил. Глаша принесла бутылку коньяка – случай особенный. Но остальное спиртное составляла продукция Горно-Алтайского винзавода совхоза «Подгорный». Толик выцыганил у Веры в столовой две булки хлеба, головку сыра и несколько банок консервов. Вся общага уже знала, что у Славки Аданова родился третий сын. Даже Галина в начале нашего праздника заглянула, поздравила. Потом закрыла вахту на замок и ушла, подозревая, что праздник у нас затянется. Она жила рядом с общагой, и если что-то нужно от нее, все знали, как ее найти. В тот раз, когда мы дрались в общаге, оказывается, кто-то из курсантов из комнаты на первом этаже побежал до нее. Это нас и спасло.

Как и все мероприятия такого рода, и это проходило шумно, сначала тосты говорились робко, но к концу уже каждый норовил сказать, перебивая другого. Было весело. Девчонки затянули песню «Деревенька моя», потом про парней, которых «много холостых». Ребята недружно подпевали.

Гости расходились постепенно, сперва девчонки, по двое, по трое, потом парни с других общаг. Осталась только Тобошева Люба. Она была из Инюшки.

– Ой, я одна, что ли, осталась? Побегу.

Как ее одну отпускать. Гляжу, ребята увлечены недопитой «Грушевой», я вызвался ее провожать.

Инюшка – это такое село, не село, отросток, аппендицит Ининский. По документам вроде как «Иня» пишется, но название другое имеет – Инюшка. Находится оно в километрах полутора-двух от Ини. Девчонки, которые там живут, даже на обед успевают

домой сходить. И вот идем мы с Любой; дорогу, хотя видно, но плохо. Ночь-то безлунная.

- Но и как тебе вечер? - спрашиваю.

- Да ничего, хорошая у нас группа. Успеваем только мероприятия проводить.

- Расскажи про себя. Про село ваше.

- Да что село наше. Уезжают отсюда все. Или в Иню, или в район, или в город. Молодежи совсем мало, одни пожилые остались.

- Вы же все в одной школе учились? Вы дружные. А многие поступали?

- Да мало, три человека. Одна поступила, учится. Двое не поступили. Я на стоянке родителям помогала. Поступать не думала. Может, за зиму и надуваю поступать. Хотя, уезжать не хочется. Не люблю я город. Суета, шум. В деревне лучше.

- Понятно. Везде свои плюсы и минусы.

Так, за разговорами о том о сем, мы дошли до Инюшки. Любин дом был прямо в начале, то ли второй, то ли третий, в темноте и не разберешь.

- Вот мы и дошли. Может зайдешь, чай попьем?

- Да побегу обратно, скоро свет потухнет.

- Ладно, беги, догуливайте праздник сына. Чьего-то.

- Не пойму, как чьего-то?

- Но не твоего же.

- Как не моего?

- Ты когда с армии пришел? В мае? А сейчас какой месяц? Через пять месяцев родился? Эх ты, горе папаша. И с первыми двумя твоими, якобы, сыновьями тоже вопросы есть. Да ладно, не мое это дело.

Люба вдруг приблизилась, поцеловала меня и пошла к дому. В темноте мне показалось, что открыв дверь, она обернулась, остановилась, посто-яла. Но темно, наверно, показалось.

А я стоял, лицо мое горело от прихлынувшей крови. От поцелуя ли, от того ли, что обман раскрылся.

Я шел обратно, спотыкаясь об кочки и камни на дороге, не мог упорядочить неразбериху мыслей. Она знала, что это обман. Но почему не сказала там, на празднике, или раньше? Значит, и остальные девчонки знают? А почему она поцеловала? А почему она осталась последней в общаге? А почему она приглашала чай попить? А нужно ли было мне остаться?

Сил что-то соображать у меня уже не было, нужно было еще смотреть под ноги, потому что стало совсем темно. Когда я добрел до общаги, свет уже потух, ребята легли, но не спали.

Михаил сказал: «А мы думали, что ты не при-дешь сегодня».

Почему он так подумал? Но сил спросить не было. Глаза закрывались. В последний момент заметил на подоконнике силуэт большого медвежонка.

Тяжело быть «отцом трех сыновей». Интересно, тяжелее ли быть действительно им?..

Глава 13.

Уезжал я в Бийск почти миллионером. После первой же пары появилась Наталья Петровна,

нашла меня взглядом, сказала: «Аданов, сходи в кассу, там тебе стипендию выдадут». Я, довольно кинув взгляд на остальных, пошел к выходу. Но и кто теперь скажет, что вчера был обман? Я еще с утра думал, что Люба разоблачит меня, но она вела себя, как ни в чем не бывало.

Вернувшись с пачкой денег, я положил их на стол. Я даже не считал деньги около кассы. Теперь решил пересчитать.

– Глаша, посчитай, пожалуйста, я даже не знаю, сколько здесь. Вроде сказали, за два месяца стипендия.

– Но ты же расписывался, – Глаша деловито взяла пачку в руки. – Какая сумма была в ведомости?

– Да черт его знает, я скорее расписался, и сюда. Такая пачка большая. Я даже в двух ведомостях расписался, мне кажется.

Глаша начала считать. В пачке были купюры по пять рублей, по три рубля и по одному рублю. Держа пачку денег в руке, она по одной купюре скидывала на стол, считала, иногда приостанавливалась, что-то прикидывала в уме, шевеля губами, затем продолжала. Наконец она закончила работу, деньги со стола сложила в пачку, уплотнила, пристукивая об стол, подала мне: «Сто сорок восемь рублей. Это, получается, по... семьдесят четыре рубля в месяц. Твоя стипендия, но и наша такая же будет. А кто в общежитии не живет, больше».

– Да, у нас сто пять рублей, – сказала Катя Башпакова. – Стипендия через неделю будет. Но, а Славе выдали заранее. Ему деньги-то нужны, он уезжает. К сыну.

– Да, вовремя, хорошо, директор помог, спасибо ему, а то у нас с Толиком деньги кончились. Да, Михаил, у тебя рубль вчера занимали, вот, возьми, за меня и Толика.

Я подал рубль Михаилу, не знал, куда деть пачку денег. Начал в карман засовывать.

– погоди, Слава, – остановила Надя Васильева. – У меня мешочек есть.

Она вытащила из сумки мешочек, вытряхнула содержимое в сумку, подала мне небольшой ситцевый мешочек.

– А ты как? – спрашиваю.

– А я новый сошью. Он с веревочкой, деньги положи и затяни.

Я так и сделал. А Михаил произнес задумчиво: «Опасный мешочек, Слава. Красивый, явно не мужской». Все заулыбались.

– Ладно, что-нибудь придумаем, мозги-то нам на что? – ответил я.

Я тут же решил: деньги есть, надо ехать. Говорю:

– Поеду я, ребята. Директор отпустил. Схожу в общагу, соберусь. Главным остается Глаша. Записывай, кто, сколько пьет, кто с кем дружит, в общем, держи группу. Сильно не балуйтесь, дети, они, быстро рождаются.

Все засмеялись. Глаша ответила: «Куда нам до тебя».

Искоса посмотрел на Любу. Она сидела, улыбалась.

Под шумные прощальные возгласы я попрощался рукопожатиями с парнями, на пороге еще раз

обернулся: «До встречи!». Надо было торопиться, пока преподаватель не пришел.

И вот я еду в «ПАЗике», Кош-Агачском автобусе, сидя на последнем сиденье, изредка пощупывая внутренний карман своей куртки: там, в Надином мешочке, были мои деньги. Я начал вспоминать, когда в руках я держал такую сумму денег. И не вспомнится-то сразу. А-а, до армии, когда на стройке работал. Тогда помню, как призывнику двухнедельное пособие выдали, зарплату с окончательным расчетом, с отпускными, начислили, всего триста сорок рублей было. Но и сейчас, что у меня в кармане, это очень большие деньги.

Переночевав в городе у ребят в общежитии, с которыми я работал до армии на стройке, утром я пошел на вокзал приобретать билет на автобус до Бийска. Общежитие находилось прямо около вокзала. Я в этом общежитии и жил до армии, когда работал. Достав из кармана брюк деньги, я приобрел билет до Бийска на ближайший рейс. Билет стоил два рубля двадцать копеек. Автобусы до Бийска ходили часто, примерно через час. Небольшую часть денег, на дорожные расходы, я положил в карман, чтобы не лазить каждый раз в этот, как сказал Михаил, «красивый» мешочек. Действительно, я с ним смотрелся не очень мужественно.

В назначенное время подошел красивый «Икарус». Мне нравилось в нем ездить. Кресла большие, удобные, салон огромный, потолки высокие. Он двигался мягко, мотор, где-то позади и снизу, был почти неслышен. Красота!

За окном проносились поля, дома, если проезжали села; на остановках автобус тормозил и подбирал пассажиров, если они были. Народу-то в салоне пол-автобуса всего.

Часа через два и Бийск показался. Конечно, с нашим городом его не сравнишь. Широкие улицы, высокие дома, и намного больше людей на улице. Вот и вокзал. Огромная площадь перед вокзалом, можно сказать, одна площадь на два вокзала. И автобусный, и железнодорожный вокзалы рядом находятся.

Вспомнил, как я оказался в первый раз в Бийске. Надо сказать, воспоминание это не очень приятное.

Когда я собирался в первый раз на сессию, в Бийск, моя родственница, Лида, подсказала адрес бабушки, у которой она жила, когда училась в зубо-протезном техникуме. Она закончила учебу, и сказала, может можно будет у этой бабушки пожить, если квартирантов у нее не будет.

И вот я вышел из автобуса тогда, стою на привокзальной площади, рот разинул, озираюсь, не знаю, куда идти. Надо было записку найти, где адрес записан, спросить у кого-нибудь. И вдруг, откуда ни возьмись, цыганка передо мной появилась. Что-то так быстро говорит, я даже не улавливаю. Только слова «погадаю, расскажу» расслышал. Я даже не понял, как моя рука в ее руке очутилась. Стала своим пальцем по моей ладони водить и что-то опять быстро-быстро говорит. Но что они там говорят? Про дом казенный, про дальнюю дорогу? Не помню, точно. Только она вдруг остановилась, показывает на мой карман, говорит: «Вот у тебя здесь деньги есть, покажи».

На мне была куртка студенческая, короткая такая, х/б – шная, рукава на пуговицы застегиваются, с двумя наружными карманами на груди, накладными, по одной с двух сторон, с клапанами, которые тоже на пуговицы застегиваются.

Я говорю: «Нет там денег».

– Э-э, – говорит цыганка. – Нехорошо, мой мальчик, старших обманывать. Не волнуйся, я эту денежку возьму, поворожу, и тебе снова отдам. Вижу, ты приехал по делам, и у тебя все хорошо будет. Все получится, как ты хочешь.

Потом прервалась на мгновение и ткнула пальцем по моему левому карману на груди: «Там у тебя десять рублей, покажи!»

Меня как током шибануло! Только полчаса назад, в автобусе, я взял одну купюру из четырех десятирублевых, которые лежали у меня в кармане брюк, и положил именно в этот наружный карман куртки, чтобы всей пачкой не вытаскивать. Как она узнала?! Стыдно стало, вроде, как обманываю.

Я решил вытащить эту купюру, но из рук не выпускать. Вытащил, крепко держу красную купюру.

– Правильно, держи за этот край, не отпускай, – цыганка стала водить пальцем по купюре, что-то бормоча, потом стала пальцами обеих рук сворачивать купюру в трубочку, что-то опять на своем приговаривая. Когда почти полностью свернула денежку, до моих пальцев, ладонью прикрыла их, вместе с купюрой, громко дунула и убрала руку. В моей руке купюра исчезла! Я схватил ее за руки. Но

она не сопротивлялась, стояла спокойно, приподняла свои руки, повертела, пошевелила пальцами: здесь ничего нет! Я посмотрел вниз, на землю, вероятно, купюра упала. Я осмотрел вокруг себя внизу, ничего не нашел, поднял голову. А цыганка исчезла!

А я стоял и материл себя. Лопух! Олух! Осел! Надо же так.

Потом, успокоившись, должен был признать, что цыганка была мастером своего дела. Есть мастера, скажем, токарного дела, выточат деталь, шедевр! Никто не сможет так. Или печник. Печь выложит, никогда не подведет. И эта цыганка тоже мастер. Может быть, сравнение не очень, но все таки... Надо же так, как она узнала, что деньги именно в том кармане? И именно десять рублей?! В другом-то кармане денег не было, только записка с адресом. И как она ловко проделала этот фокус с исчезновением денег. Ведь я крепко держал купюру.

Вот такая была у меня первая встреча с городом Бийском. С тех пор я стороной обхожу эти толпы цыган (почему-то их особенно много именно в Бийске), вспоминаю с улыбкой тот случай.

А так, город мне нравился. Здесь много заводов, строительства. И люди работающие. Город старинный, я любил бродить, когда выдавалось свободное время, по старому городу. Рассматривал кирпичные дома, заходил в магазины, которых здесь очень много. Здесь я и купил тот самый складной нож, который лежит теперь у директора в кабинете.

А сейчас я уверенно прошел привокзальную площадь, пересек железнодорожные пути, мне нужно на

Ростовскую улицу, дом номер 146. Там жила бабушка, у которой я жил до армии. Весной я заходил к ней, проведаль, когда в техникум приезжал; ничего, жива, здорова. Обещала осенью приютить, если квартирантов не будет. Вот, осень наступила, я иду к ней.

Тетя Шура встретила меня радостно: «Слава, Слава, здравствуй, проходи!»

Жила она в одной половине, даже не в половине, а в четвертинке одного большого дома на четыре хозяина. Дом, а слева и справа большие ворота с калитками и массивными воротами. Во дворе у нее была своя небольшая часть огорода, где она летом возилась с грядками, излишек урожая с которого она продавала. Хоть какой-то прибыток. Всю жизнь она проработала на заводе, чем занималась, не говорила, секрет, мол, она подписку дала. Иногда, по выходным, приезжали дочь с зятем. У них сынишка был, лет трех. Дочь с мужем тоже работали на заводе, только другим. Также секретном, вроде бы, вредном. Зарабатывали хорошо, по словам бабушки, рублей по триста получали. Когда появлялись гости, я уходил в город. Квартира маленькая, всего две маленькие комнаты, сразу становилось тесно.

Ходил по городу, по музеям, недалеко от техникума есть выставочный зал, там постоянно меняются материалы экспозиции, ходил, рассматривал картины.

Иногда ходил на барахолку, в воскресенье. На барахолке можно купить абсолютно все, что хочешь. Но мне было интересно наблюдать за «наперсточниками». Правда, это были не наперстки, а

небольшие стаканчики. Металлические, не прозрачные. На листе фанеры парень передвигает стаканчики, которые стоят вверх дном, и под одним из них шарик. Нужно было отгадать, под каким стаканчиком шарик. Парень что-то приговаривает, типа «вы шарик, я малик», (может, его Маликом зовут), показывает всем, что все три стаканчика пустые, укрывает одним стаканчиком шарик, передвигает стаканчики, меняя местами. На фанере две рублевые купюры, рубль положил хозяин шарика, пусть будет Малик, а второй – азартный зритель. Малик быстро передвигает стаканчики, останавливается, убирает руку, предлагает выбрать шарик. Зритель выбирает. Малик подымает стаканчик, шарик выкатывается – выигрыш у зрителя есть! Хозяин шарика, недовольно бросив: «ваш шарик», берет рубли и подкидывает счастливицу под руки. А сам встает, достает из кармана две бумажки по рублю, кидает на фанеру: «Еще?» И даже не услышав ответа, снова начинает игру. Снова показывает шарик, прячет под один стаканчик, зритель внимательно следит за руками Малика. Выбирает стаканчик, Малик его подымает, шарик выкатывается оттуда – снова выигрыш! Довольный зритель потирает руки, Малик сердится, что-то возмущенно говорит, снова вытаскивает рублевые бумажки, бросает сверху лежащих рублей еще четыре. На кону уже восемь рублей! Все повторяется, но зрителя уже не остановить, он готов играть и дальше. Снова выигрыш! Зритель с радостными возгласами сгребает все деньги и уходит. Малик громко возмущается, бьет свою фанеру ногой.

Тут усаживается на корточках другой зритель. Малик нехотя начинает игру. Но не везет сегодня ему. Он снова начинает проигрывать. Раз за разом. Такса растет, вот уже восемь рублей, вот шестнадцать! Зритель, уверенный, что и сейчас он выбрал стаканчик с шариком, нетерпеливо трясет рукой: этот, этот стаканчик. Малик приподымает стаканчик, но под ним ничего нет! Зритель переворачивает стаканчик в руке Малика, но он пуст! Зритель удивленно и возмущенно смотрит на Малика: ведь он видел, он выбрал, шарик должен был быть там! А Малик, ничего не говоря, подымает второй стакан, переворачивает, показывает зрителю, он пуст, потом подымает третий. Из-под него выкатывается шарик...

Малик забирает все деньги, а зритель, проигравший зритель встает и обреченно плетется прочь.

На какое-то время игра приостанавливается, желающих играть нет, Малик снова зазывает зрителей своим «вы шарик, я малик», снова собираются зеваки. Вдруг Малик быстро собирает стаканчики и шарик, прячет в карман, фанерку под мышку и уходит в сторону. В чем дело? Толпа расходится, тут вдалеке появляется милицейский патруль, два человека. Нередкое явление это на барахолке. Милиционеры проходят по рядам. А где же наш Малик? А-а, вон он стоит, с кем-то разговаривает. Но, кажется, мы его видели. Так это тот первый зритель! Который выиграл при первой игре восемь рублей. И разговаривают они, как добрые старые друзья. Ах, вон, в чем дело! Он был подставной уткой, приманкой. Понаблюдав еще

немного, начинаешь понимать, что это коллективная игра. Или обман. Малик не один, это целая банда, прости, господи. Ну, пусть будет коллектив. И у каждого в этом коллективе своя роль. Располагаются они на пересечении проходов, чтобы видно было далеко с четырех сторон, на каждой стороне есть стоящие, как говорят, на шухере, при приближении милиции они подадут знак, и Малик сразу прекратит игру. Я заметил, что он все время озирался по сторонам. «Зрителей», которым «посчастливится» выиграть, у них тоже будет несколько человек, чтобы не примелькаться. А вот в последний момент как Малик умудряется запутать все время «выигрывавшего» зрителя, это конечно, мастерство фокусника. Ведь фокус – тоже обман. И пока есть люди, их будут обманывать. Так получается.

В доме тетя Шура достала мои вещи, которые я оставил еще до армии (тубус с ватманом, книжки, тетради), усадила меня напротив себя, немного расспросив про мою жизнь, сама стала рассказывать, какие беды случились с ней за это время.

– Ой, Слава, куда все идёт. Мучилась зубом, неделю болел, пошла в больницу. Посадили к практиканткам, они мне зуб-то выдернули. А боль не проходит. Опять к ним пошла. И что ты думаешь? Они, ироды, оказывается, здоровый зуб выдернули!

– Что они, совсем что ли?

– А вот, посмотри на них. Но потом выдернули и этот, больной.

– Точно? Может, снова здоровый?

– Да нет, Слава. Здоровый-то он у меня последний и был...

Погоревав о своем зубе, бабушка пошла в огород, наводить порядок перед снегом. С остальными бедами пришлось повременить. А что делать, мне нужно было уходить.

Я поехал в техникум. Ехать нужно на трамвае, у водителя я купил абонементные билеты, сразу на тридцать копеек, за десять штук, по три копейки за поездку.

В техникуме мне надавали заданий по предметам, которые я должен был сделать дома, но, конечно, не сделал. Домашние работы, контрольные. У меня оставался один день свободный, до сессии, и еще пятнадцать дней самой сессии. Нужно было сдать четыре экзамена и получить шесть зачетов. Выслушивать все это скучно, поэтому подробно ничего не буду рассказывать. Скажу только, что все эти недели приходилось корпеть над учебниками, чертить чертежи, делать контрольные, допоздна колдуя над тетрадками. По двум предметам контрольные работы к сроку не успел сделать, к экзаменам по этим предметам не допустили. Когда контрольные были сданы, бегал за преподавателями, чтобы приняли экзамен. В свободное у них время.

Приходилось сидеть ночами, одну ночь вообще не спал. Одну задачу по сопромату решал всю ночь.

Наспех попив чай, колдовал над своими бумагами. Да еще бабушка «помогала». Ей, видать, скучно одной, дети редко приезжают. Поговорить

хочется. Я сижу над задачей, считаю, она встанет рядом и рассказывает свои новости. А я даже не слушаю ее, не вникаю. Так она подойдет, толкает меня по плечу: «Слава, ты сюда посмотри! Ты меня совсем не слушаешь. Сюда смотри! И вот приняла я эту девушку после Лиды. Куда все идёт! Знаешь, что она учудила? Я ушла в церковь, с утра, прихожу, а она ухаря привела, прыгают голые на кровати. Даже не закрылись!»

– Да молодые же, чего им не прыгать.

– Нет, Слава, так нельзя. Я в тот же день ее прогнала. Куда все идёт!

Или: «Слава, оторвись от своих бумажек, посмотри, я здесь будильник на какое число записала?»

У бабушки будильник с кукушкой, с гириями на цепи. Через две недели она должна эти часы заводить, то есть поднимать гири. Казалось бы, ну опустились гири, подыми. Но нет, то ли ей кто подсказал, то ли она сама додумалась, но гири она должна поднимать ровно через две недели. В отдельной тетради она отмечает, когда нужно это делать. Отсчитает по отрывному календарю четырнадцать дней вперед, запишет в тетради эту дату и через каждые два-три дня подсчитывает, сколько дней осталось до этой знаменательной даты. А поскольку у нее очков нет, ей непонятно, какую цифру она записала. И просит меня посмотреть. Я пробовал было ей объяснить, что эти записи, мягко говоря, ни к чему. Она так возмутилась: часы сломаются! Скоро у меня что-то сломается. Но держусь, делаю вид, что поддерживаю ее при ее следующем возмущении: «А недавно у соседки моей,

через два дома, квартиранты такое устроили! Взяла она двух студенток. Это правильно, лучше девчонок брать, чем парней. Так вот, слушай, смотри сюда. Уехала она, моя соседка, в деревню, к детям, на два дня. Всего на два дня, ты представляешь? И что думаешь, они учудили?!»

Я поддакиваю ей, поражаюсь, удивляюсь, возмущаюсь тому, что эти студентки «учудили». Вернее, делаю вид. Хотя я не только представлял, но и участвовал. Не только участвовал, но и организовывал эти «учудения». Знала бы она, кто перед ней.

А баба Шура, видя, что я разделяю ее возмущение, довольная, подытоживает: «Нет, Лида и ты у меня были самыми хорошими квартирантами. А теперь? Куда все идёт...»

Через две недели, опустошенный, исхудавший, обессиленный, но довольный, то ли потому что все зачеты и экзамены сдал, то ли потому что наконец-то прощаюсь у порога с бабой Шурой, отдав ей за проживание пятнадцать рублей, я, закинув свою дорожную сумку через плечо, зашагал в сторону автовокзала старинного города Бийска.

В Иню, скорее в Иню, к своим курсантам.

Глава 14.

А Иня встретила меня снегом. Нет, вру, это на Алтае первый снег выпал, а на Ине наоборот, снега не было. Здесь зимой-то его нет. Во-первых, выпадает мало, а то, что выпадет, ветром уносит. Как

начнет иногда ветер дуть, вдоль Чуйского тракта, наверно, до самой Курайской степи и доходит. Или до Кош-Агача, или вообще до Монголии. Например, в Улагане ветров таких нет, а приедешь в Акташ, выйдешь к заправке, на тракт – попутку ловить, постоянно вдоль дороги ветер дует.

Да и дожди Иню летом не балуют. Деревьев мало растёт, грунт бедный, камни да песок под ногами. И что интересно, прямо рядом с Иней деревня есть, Малый Яломан. Там сад имеется! Он, конечно же, рукотворный, но ведь, чтобы он рос, нужны условия. И почва, и все остальное. И вот, как рассказывал наш замдиректора Найденко Николай Петрович, там особый микроклимат: и зимой теплее, и ветров сильных нет, и растительность растёт больше, значит, и грунт хороший. И там яблоневый сад. Яблоки очень вкусные. Ребята из других групп ходили яблоки воровать, нас угощали. Мы тоже собирались, но как-то не получилось. То ли времени свободного не выбрали, то ли шагать пять километров (только туда) было лень, то ли ещё что. Но точно, что не совесть остановила.

Но я отвлекся. Еду я снова на проходящем автобусе; от Горно-Алтайска до Семинского перевала лежит свежий снег, после перевала, ближе к Туекте, снега уже нет, даже на Чике-Таманском перевале нет. Не говоря уже об Ине. А дальше, в Акташе и в Улагане, снег будет точно.

На остановке, в Ине, вышел только я. Это был другой человек, не тот, который садился в автобус в обратную сторону полмесяца назад. На мне была

теплая зимняя куртка, толстые спортивные брюки, зимние ботинки, на голове пышная кроличья шапка-ушанка. Все это я приобрел в Бийске: ботинки и брюки в магазине, куртку теплую и шапку на барахолке. Только думаю, шапка мне дороговато обошлась, за двадцать девять рублей. Женщина продавала вообще за тридцать, торговаться начал, сбавила, но только на рубль. Да ладно, не буду же я норковую покупать, за двести! Вот если бы я учился где-нибудь, например, ... в Кембриджском... Да ну его, и на этом спасибо родному училищу: стипендии здорово выручили.

Мысленно глянув себя со стороны, проводив взглядом уходящий автобус, я закинул сумку на плечо и зашагал в сторону общаги. В сумке лежали шоколадные конфеты, «Кара-Кум» и «Ласточка», для курсантов!

Встречали ребята в комнате шумно, обнимались, здоровались, будто долго не виделись. Хотя, времени прошло немного, всего полмесяца. Я раздевался, все рассматривали мою куртку, шапку, цокали и хвалили. Тут я заметил голую сетку на кровати Толика. Михаил заметил мой недоуменный взгляд, сказал:

– Уехал Толик. Ничего толком и не сказал, сразу после тебя, дня через два. Собрался и уехал.

– Может, «трактористы» придирались? Ничего не было?

– Да нет, больше драк не было.

Я вздохнул: «Ну, значит, белка пошла».

– А? – не понял Михаил.

– Да так. Я уехал, боялся, мало ли чего после той драки.

– Они теперь совсем другие стали, – сказал Гена. – Смотрят приветливо, здороваются. Не знаю, надолго ли. По деревне слух ходит, что улаганские ребят из Ташту с ножом по общаге гоняют.

– И что ты пырнул ножом Сутулого, – продолжил Сашка, – Он в больнице, якобы, а тебя в милицию забрали. Вы же оба исчезли.

– Слухи, слухи, – размышлял Михаил. – Пока мы есть, они и будут. А Сутулый действительно уехал, бросил, учиться не будет.

– А что случилось?

– Да не хочет учиться, двойки, еще со здоровьем, с ногой что-то. Якобы на операцию надо, в какой-то город другой.

– Он ведь из Ташту, как и Рыжий?

– Да, в часе езды отсюда.

– И что будет делать Рыжий без ординарца?

– Но это уже не наши дела.

– А что до слухов, – продолжал Михаил. – Подрался ты с Рыжим, якобы, из-за Зои Бабитовой.

– А Рыжий разве с ней дружит?

– Да нет, но мы же про слухи говорим. Кто их сочиняет? С Зоей и ты не дружишь, и Рыжий не дружит. Вот если бы про Любу сказали...

– А что Люба?

– Но было бы правдоподобно. Что, не видишь, как она на тебя смотрит?

– Что-то не замечал.

– Но ладно, это так. Мелочи. Теперь о главном.

Михаил посмотрел на меня, увидев мою реакцию на его тон, продолжил:

– Ты только, вон, на кровать сядь, или на стул.

– Зачем?

– Ну, чтобы... пол у нас твердый, деревянный. Ладно, такая новость. Петька Салин с Глашей дружит.

– Петька Са... Рыжий?

– Да, Рыжий.

– С Глашей Табышкиной?!

– Да, с ней...

Мне действительно нужно было куда-нибудь сесть. Вот это новость! Некоторое время мы все молчали. Какая-нибудь другая новость была бы неожиданней? И не придумаешь сразу. Ну, скажем, училище закрыли. Или нам по пятьсот рублей выдали... Но Глаша... Но дает!

– Может, слухи?

– Да нет, Слава, спрашивал я, у ней самой.

– Что говорит?

– Так и говорит, как мы сказали. Говорит, это серьезно.

Я даже не знал, что говорить, что делать. То встану, то сяду. Вспомнил про конфеты, вытащил их, стал угощать ребят. Ребята стали разворачивать обертки конфет, откусывали шоколадки, ели, причмокивая и похваливая, разглаживали на столе красивые фантики.

– Да, новости у вас, ребята. Толик уехал, я в тюрьме, порезал ножом своего соперника из-за девушки Зои, но самое главное – Глаша, преданный заместитель, в стане врага, – улыбался я. – И уехал-то всего на две недели! Вот и оставляй вас одних!

Но Михаил даже не улыбнулся, было видно по выражению его лица, что и это не все.

– Что там еще, Михаил? Добивай.

– Пойдем на улицу, выйдем, – Михаил встал, стал одеваться.

Я пошел за ним. Мы прошли немного вдоль общежития, остановились. Михаил собрался с мыслями, начал:

– Не хотел говорить при ребятах. Дело такое. Речь о Юрке, Юрке Алашеве, земляке твоём.

– Да, он из нашего района, из Чибита.

– Я знаю. Ты, наверно, замечал, что он за Надей Васильевой приударял.

– Что-то не замечал.

– Да что ты замечаешь, толстокожий какой-то!

– Так, дальше что?

– Оказалось, что у Надьки парень есть, в армии служит. И она ждет его.

– Да, я знаю, ее отец это еще при первом знакомстве мне говорил. Помнишь, я рассказывал, как ему с Надей помогли доехать, на «Жигулях» они были?

– Помню, рассказывал, а про парня – не помню, может, забыл. И вот приходит ко мне на днях отец Надькин, он какая-то шишка в совхозе.

– Председатель профкома.

– Да. И говорит мне, что хочет со мной, как со старшим в группе, поговорить. И поговорили мы с ним. И вот что он рассказал. Юрка, не знаю, как, но стал к ним в гости ходить. Сначала он помог этому председателю дров наколоть, потом еще что-то.

Чуть ли не каждое воскресенье говорит, придет к ним, и сидит, на Надьку пялится. Потом вообще объявил, что хочет на ней жениться. Тут родители и смекнули, что дело далеко заходит. Стали Юрке объяснять, что у дочери жених есть, в армии, и она его ждет. А он ни в какую. Приходит и все. Стали его даже выгонять. А он не уходит, все около дома ходит. Не милицию же вызывать. А родители того парня через два дома живут, они же все видят, что они подумают. Не дай бог, сыну передадут. Да и не только они могут.

– А Надя что?

– А что Надя, отец говорит, что и Надька говорила ему.

– А он?

– А он даже слушать не хочет. Говорит, что кроме Надьки никто ему не нужен.

– А ты, поговорил с Юркой?

– Говорил, отец же просил Надькин, а что толку. Он меня чуть не отmaterил. Не лезь, говорит, в чужую жизнь, сам разберусь.

Мы стояли, молчали. Я и не знал что сказать. Не много ли новостей за один вечер?

– И что делать, Михаил?

– Не знаю. Если б знал, сказал. Все тебе рассказал. Как земляку Юрки, как старосте. Дальше сам думай. А я пас. Как сказал мне Юрка, мне бы в своей жизни разобраться. Он прав.

В комнате нас никто ни о чем не спрашивал. Да и думаю, они знали, о чем мы говорили с Михаилом. Ребята уже лежали в кроватях.

Мы тоже разделись, потушили свет, легли. В комнате стало темно, но на стене, на потолке были светлые пятна. Это были отблески от светящихся окон близлежащих домов. А в голове моей было темно от разных мыслей. Я их разбирал, как разбирают вещи, когда наводят порядок на столе: эту вещь сюда, она пригодится, другую тоже, а третью, не очень важную, чуть подальше. А эту, на краешке стола, вообще на пол, на выброс: это ненужная вещь.

Потом лежал и думал, а может это и есть жизнь: когда в жизни случается так, как ты совсем не ожидаешь, когда тебя бросают друзья, когда о тебе говорят то, чего не было, когда ты должен помочь человеку, но при любых вариантах твоих предложений и действий ему не станет лучше...

Встреча назавтра в группе была такой же бурной и радостной, как и в общаге. Девчонки весело расспрашивали про сыновей моих, парни советовали, как их воспитывать.

Когда начались занятия, я незаметно стал кидать взгляды на Юрку, на Любу. Действительно, было заметно, как время от времени Юра посматривал на Надю, а Люба в мою сторону. Да, Михаил был прав, внимательность мне бы не помешала. Но у Михаила возраст! А все, как известно, приходит с возрастом. Наблюдал я и за Глашей. Но она вела себя, как и раньше, ничего в ее поведении не изменилось. Так же бойко вела разговоры с парнями, так же возбужденно обсуждала с девчонками их девичьи дела.

Я даже подумал, говорить ли с ней о той вчерашней новости, касающейся ее. Но после занятий она сама подошла ко мне, отвела в сторону:

– Слава, я думаю, ты все знаешь, поэтому решила с тобой поговорить.

Я не стал делать удивленной физиономии (якобы, ничего не знаю, что случилось?), ответил:

– Поговорим. Да, я все знаю.

– Вы с Петькой враги, все знают. Но мы дружим. Любим друг друга. Он нормальный парень. Тоже отслужил, братья есть, отец с матерью. Мы поженимся, когда учеба закончится. Я уже успела к нему в гости съездить, в Ташту. Познакомил с родителями. На Новый Год собираемся к нам поехать, в Турочак. Тоже с родителями познакомлю.

Она замолчала, ждала, что я скажу. Я молчал. Она продолжала:

– Я у тебя помощником. Заместителем, как ты сказал. Теперь, наверное, другого человека тебе искать надо. Девчонок много хороших, я помогу выбрать.

– Слушай, Глаша. Вчера, когда я услышал эту новость, я очень расстроился. Я это воспринял, как предательство. Потом думал долго. Непросто в жизни все, ой как непросто. Но и что: группа, помощник... Мы через полгода разбежимся, и забудется твое заместительство это. Может, мы никогда больше не встретимся в жизни. А вы семью создадите, может, всю жизнь проживете, детей вырастите, внуков увидите. Так что, не переживай. Я и не говорю, что Петька плохой парень.

– Да это все тот, дружок его. Это он все подначивал. Как его...

– Да, я знаю.

– Ну, хорошо, а я думала, не поймешь ты меня.

– И помощника себе я не буду подыскивать. Ты и будешь. Если сама не против, конечно.

– Ой, конечно, не против. Я так рада. Спасибо тебе. Даже не ожидала, что такой разговор получится. А Петя и про тебя плохо не говорит...

Вот такой у нас состоялся разговор с Глашей.

Но предстоял и другой, более тяжелый.

Вечером я застал Юру одного в его комнате. Очень кстати.

– Что в гости не заходишь? Давно у нас не был.

– Давно не было тебя. Уезжал.

– Да, уезжал. А приехал, Толика нет. Что ж ты его, как земляка, не остановил?

– Мне он ничего не говорил, я узнал, только когда он уехал.

– И другие новости есть. Вот я и хотел о них с тобой поговорить.

– О чем поговорить?

– О тебе. О Наде.

Юрка вскочил с кровати, крикнул возмущенно: «Что вы все ко мне привязались?! То один, то второй. Какое ваше дело? На днях Михаил до меня докапывался, теперь ты!».

Где тот Юрка, по осени, веселый, приветливый и разговорчивый парень? Теперь это был понурый, грустный, как чем-то убитый, человек. Слова хорошего не услышишь.

– Михаила отец Нади просил поговорить с тобой.

– В какое время мы живем? Отец Нади, Михаил, ты. Вы дайте нам самим своей жизнью жить. Вот ты – у тебя дети, а живете незаконно, я что, лезу в твою жизнь? Ты, вон, своих троих детей вырасти и учи, как жить!

Юрка шумно вытащил из-под стола стул, плюхнулся на него. Некоторое время мы молчали. Потом я начал:

– Нет у меня, Юра, сыновей. Ни троих, ни одного. И супруги нет. Ни законной, ни незаконной. А ездил я на сессию. Я в техникуме учусь, в Бийске. Вызов пришел на сессию, директор и отпустил.

Юрка недоверчиво посмотрел на меня, немного успокоился помолчал, потом спросил: «Врешь, поди?».

– Зайди к директору, спроси. Тебе первому говорю. Надеюсь, никому не скажешь?

– Мне-то что? – Он все еще не верил.

– Вон, за окном твои возвращаются, с комнаты. Пойдем на улицу, прогуляемся, – сказал я, увидев в окно идущих к общаге парней. Пошел к выходу.

Мы прошли за общагу, мимо нескольких домов, вышли к реке.

Катунь далеко, на дне ущелья, негромко шумела, мы нашли доску и устроились на нем. Я взял камень с земли, бросил. Камень пролетел немного, покатился по обрыву и остановился среди камней, до реки не докатился, хотя обрыв был очень крутой. Недалеко виднелся новый мост, изредка по нему проносились машины.

– Слава, а почему ты обманул? Что дети, сын? Собрал всех?

– А кому от этого плохо стало? Собрались, повеселились. Тебе не понравилось?

– Да нет, понравилось. Все веселые, и пацаны, и девчонки. Мне нравилось смотреть, как Надя поет. Эти вечеринки я долго буду помнить.

– А Надя-то, что говорит?

– Говорит, ждать буду его. Обещала.

– Какой выход?

– Не знаю, Слава, нет выхода. В первое время мы вечерами гуляли, и здесь, по берегу, и на мосту были, на старом. Но потом, когда все это закрутилось – родители забегали, она отказалась больше со мной гулять. Но я сам вижу, что она сама не знает, что дальше делать. Эх, если бы не парень...

– Она рассказывала о нем?

– Да не особо. Вместе учились, соседи.

– Где служит-то?

– Где-то за границей, вроде бы в Германии.

– А ты где служил?

– В Амурской области.

– И теперь домой к Наде не ходишь?

– Нет, родители ее не пускают. Поругался и с ними. Никогда со мной так не было. Каждый день хочу видеть ее. Теперь только в училище и вижу... А два дня назад пришел на тот мост, старый, где мы в первый раз с ней стояли. Дошел на середины моста, уже через перила перелез... Вечер был, уже темно. Хотел... Ничего не надо было... Вдруг топают по мосту кто-то. Гляжу, теленок бежит. Меня увидел, в

сторону шарахнулся, и одной ногой попал в дырку в досках. И вытащить не может, брыкается. Я быстро опять через перила перелез, бегу к нему, а он уже освободился, убежал. Я постоял и пошел в общагу.

– Значит, так должно было быть, – я посмотрел на Юру. Продолжил. – Но так не у всех бывает. Я служил в Бурятии. Наша часть стояла на станции Джиды. Поезда проходили рядом с поселком. И однажды один парень, который с нами служил, кстати, с Алтайского края, бросился под колеса поезда. Голову колесами поезда отрезало. Совсем. Шум, гам, разборки. В тумбочке у него письмо нашли. Оказалось, девушка, которая его ждать обещала, замуж вышла...

Утром, когда Анна Ивановна проверяла нас по списку, Юры не оказалось.

– Я его в начале села видела, он в попутку садился. С сумкой, – сказала Лариса Карандашева.

– Никто не знает, куда он поехал? Надолго? Приедет, нет?

– Нет, не приедет, – сказал я тихо и посмотрел на Надю.

Она с опущенной головой смотрела в одну точку...

Глава 15.

Иногда читаешь в книжках какие-нибудь курьезные случаи, думаешь, вряд ли такое у тебя в жизни встретится. Например, чтобы люди с одной

фамилией встретились и поженились. Ясно, где-нибудь, в больших городах бывает, но чтобы у нас... Но, оказывается, бывает.

Как-то Толик похвастался, что от Верки узнал, что здесь наша землячка живет, из Кара-Кудюра. Мы пошли ее искать. Оказалось, она жила на той же улице, где наш первый знакомый живет, председатель профкома, кото... Нет, чтобы сразу сказать, где Надя Васильева живет. Ладно.

Нашли мы нашу землячку, оказалось, я знаю ее. Это была Кристина Александровна Санина, старшая дочь Александра Савельевича, бывшего управляющего Кара-Кудюрской фермы. Я и жил в Кара-Кудюре, пацаном еще, и работал на заготовке сена в совхозе там же, поэтому всех знаю местных, и детей управляющего в том числе. И у них дома был много раз. Старшим из сыновей был Геннадий, а с Лёником, младшим, мы всегда вместе играли, всё на речке пропадали. Купались. В то время Кристина уже уехала, видимо, замуж вышла, но приезжала. Заходила и к нам домой, уже в Улагане, когда мы переехали туда. Мою маму она хорошо знала.

Она очень обрадовалась, угощала нас чаем, расспрашивала, сама рассказывала.

И вот она, девушка по фамилии Санина, выходит замуж за парня, фамилия которого..., разумеется, вы догадались – Санин!

Как здорово, и в ЗАГС ходить не надо. С улыбкой она об этом рассказывает. Я говорю:

– А я думал, только в Кара-Кудюре Санины живут. Не слышал, чтобы где-то в другом районе Санины жили.

– Есть, но мало, но в Кара-Кудюре действительно одни Санины почти. Но в ЗАГС все равно надо было идти. Пришли, меня спрашивают, будете ли фамилию менять. Умирали со смеху, и работники ЗАГСа тоже, когда в документы глянули.

Хорошо встретить знакомых, когда находишься далеко от дома. Тем более, она и мне, и Толику родственницей приходилась. Дальней. Кристина Александровна расспрашивала о моей матери, не болела ли, рассказывала о своих детях, муже. Были у них уже две дочери, муж работал в совхозе. Мужа звали Петром.

Несколько раз позже еще мы приходили с Толиком в гости, потом, когда он предательски уехал, я гостил у Саниных один.

Муж Кристины, Петр, был доброжелательным, веселым и разговорчивым человеком. Работал зоотехником в совхозе. Лет, где-то, ближе к сорока, невысокого роста, с красивой прической и постоянной улыбкой на лице. Я не помню, чтобы он не улыбался. Здоровается, улыбается, что-то рассказывает, улыбается. Я не видел, чтобы он когда-нибудь сердился. Кристина сердится на него, ругается: дрова чурками лежат с весны на улице, не расколоты. А он сидит, на чурки в окно смотрит, улыбается. Или улыбаясь, смешной случай рассказывает:

– Привезли к нам в совхоз аппараты стригальные. От электричества работают. Овец-то мы стригли ручными ножницами, специальными, для стрижки овец. Конечно, электрическими удобнее, главное, быстрее, намного. Честно говоря, толком и

не умели мы с ними обращаться. И вот к нам студентки приехали, на практику. Я, как зоотехник, вожу их по ферме, показываю, рассказываю. Хваюсь новыми аппаратами стригальными. И черт меня дернул, решил показать, как эти машинки работают. Надо же прихвастнуть перед молоденькими девушками (ох, где там наши Туралинские студентки?! По моей команде притаскивают привязанную за ноги овцу, положили передо мной. Я говорю: «Смотрите, студентки, как быстро все делается!» Включил машинку и легким взмахом по животу овцы... Только гляжу, шарахнулись от меня мои студентки. Хотел сделать второе движение рукой, смотрю, кишки овечьи по земле разбегаются...

Петр со смехом заканчивает эту историю. Вроде бы даже трагическая история, а он улыбается: «А что? Пришлось колоть овцу. Ведь студенток-то кормить чем-то надо!»

– А потом наказание-то, было какое? – спрашиваю.

– А какое наказание? Бланки актов-то у меня в кармане. Составляешь акт, что овцу или болезнь погубила, или волки съели. Волков-то в лесу много.

– А если пожалуется кто?

– А кому? Директору совхоза? Так он сам вот, неделю назад ко мне приезжал, барана одного надо. Начальство приезжает из района, угостить хочется. Я противлюсь, как я его спишу потом? А он мне: что, в лесу волков мало? Так вот и живем.

Сегодня особенный день, 7 ноября. День Великой Октябрьской социалистической революции,

большой праздник. Впереди два свободных дня, и почти все курсанты разъехались по своим селам. А я у Саниных. Вчера вечером мы стряпали пельмени, сходили в баню, а с утра Петр с Кристиной пошли в село, на митинг. Когда я учился в националке, два раза в год, 7 ноября и 1 Мая, нас водили на демонстрации. И мы в колонне, вместе с другими коллективами школ, фабрик и заводов, проходили по площади, мимо памятника В.И.Ленину. Гремела музыка, выкрикивались лозунги, мы торжественно вышагивали, кричали: «Ура!». Мне нравилось. Люди вокруг веселые, взрослые мужчины еще до митинга, ожидая начала движения колонны, согревались содержимым из бутылки, которую кто-нибудь прятал под полый. Пока стоишь, замерзнешь, холодно, особенно в ноябре.

А сегодня я доколол дрова на улице (занимался этим уже несколько воскресений), и стал перетаскивать под навес.

Через пару часов к дому подъехали «Жигули». За рулем был Васильев, отец Нади. Из машины вышли Петр с Кристиной. Петр сказал водителю: «Михалыч, пошли в дом».

Дмитрий Михайлович сопротивляться не стал. Вышел, подошел ко мне. Он был в том же одеянии, когда мы его увидели утром, когда ночевали у него в летней кухне: пальто, шляпа, галстук. Поздоровался за руку: «Узнаю, узнаю. Улаганский! Только имя забыл».

– Слава.

– Да, да, Слава. И еще друг был...

- Толик, он уехал.
- Домой, на праздник?
- Да нет, совсем. Бросил.
- Жалко. А ты, дрова колешь?
- Да, вот, осталось стаскать.
- Это хорошо – дрова, – он улыбнулся с ухмылкой, пошел за Петром.

Петр махнул мне рукой: «Славка, заканчивай! Иди с нами, праздник отметим!»

Я прекратил свою работу, помыл руки, переоделся и подошел к столу.

Кристина собирала на стол, Петр открывал банки с помидорами, огурцами. На столе, посередине, появилась тарелка с подогретыми пельменями, сваренными вчера. Петр быстро управился с банками, убрал их, стал разливать в стопки водку. Стопок было три. Сказал: «Кристина не пьет, кто-то должен в доме не пить». Кристина усмехнулась: «Хоть признается». Петр улыбнулся: «А куда деваться!» Взял стопку:

«Ну, Михалыч, говори!»

Дмитрий Михайлович встал, взял стопку. Петр сказал быстро:

- Да, я не представил вас. Это Слава, Михалыч, родственник Кристины, а это Дмитрий Михайлович Васильев, председатель профкома нашего совхоза. Слава, познакомься.

- Да мы знакомы, Петя, знакомы... Значит, так. Товарищи коммунисты! Надеюсь, и Слава будет коммунистом. Сегодня исполняется шестьдесят вторая годовщина Великой Октябрьской социалистической

революции! Это великий праздник. Наша Коммунистическая партия добилась величайших успехов. Победили фашизм, в космос Гагарин полетел. В общем, за праздник, за нашу великую страну – СССР!

Петр съехидничал: «Михалыч, здесь-то уж можно нормально говорить?». Но тот и глазом не моргнул.

Мы стоя выпили, стали кушать.

– Как, Слава, у вас в училище, хорошо преподают? – спросил меня Дмитрий Михайлович.

– Да, интересно. Изучаем машины, рассказывают, как дорогу строили, Чуйский тракт.

– Да, если бы не партия и правительство, не видать бы нам такой дороги.

Я спросил: «А правда, что дорогу только тюремщики строили?»

Дмитрий Михайлович переменился в лице, ответил: «Но почему только тюремщики? На строительство дороги со всей страны приезжали. Да, их охраняли, но для их же безопасности. И местные жители помогали. Правда, их мало сейчас осталось. Да, Петя?»

– По-моему никого нет. Я знаю одного, помнишь, он у нас в совхозе работал, сварщиком. Пак его фамилия, кореец. Он лет десять назад уволился. Давно его не видел, жив, нет ли?

– Да живой он, живой. Он в Инюшке живет, с бабушкой, я его изредка вижу, когда на собрания езжу. Держится, хотя ему уже под восемьдесят должно быть.

Выпив еще стопочку, я вышел из-за стола: неприлично со взрослыми мужиками сидеть. Да и разговоры у них для меня не были интересны. Они

говорили о каких-то планах, о мясе, о пухе, о новых косилках. О своих совхозных делах.

Я сидел на диване и рассматривал журналы. «Крестьянка», «Огонек».

Потом они собрались куда-то ехать. Петр говорит мне: «Мы поехали к человеку, который дорогу строил, до войны еще. Кореец, о котором мы говорили. Поехали вместе, посмотришь, вижу, тебе интересна эта тема».

Я согласился. На «Жигулях» покатаюсь. Правда, на этой машине я катался, но тогда нас почти тащили, ночью.

Кристина наказала Дмитрию Михайловичу: «Петра только потом до дома довезите». Тот ответил:

– Какие разговоры, конечно.

Мы сели в машину: Дмитрий Михайлович за руль, я на заднее сиденье, Петр на переднее, пассажирское. Машина поехала.

– Михалыч, мне, когда такую машину сделаешь?

– А что, можно.

– Да я пошутил. Не дадут мне. Да и денег у меня таких нет. Мне бы мотоцикл, «Урал».

– Что мотоцикл, тебе машину надо. Статус. Все-таки ты не какой-нибудь там скотник, а зоотехник. Притом главный. Только ты завязывай с этим делом, сигналы уже поступают. Тут не машина, а серьезным делом может обернуться. С партии могут погнать. Тогда все. Ни должности, ни машины.

– Это точно.

Около магазина водитель машину остановил.

– Петя, я бутылочку возьму, давно Николая не видел.

– Давай. Денег дать?

– Нет, у меня есть.

Пока Дмитрий Михайлович ходил в магазин, Петр рассказывал:

– Давно мы с ним вместе работаем. Вместе в партшколе учились, в Новосибирске. Уже лет десять вместе, так-то он неплохой мужик, только такой...ну, как сказать, нравятся ему должности. Речи толкать. А мне – нет, лет пять назад хотели директором поставить, но есть у меня грешок, о котором он говорил, принимаю. Не поставили из-за этого. А в прошлом году хотели от должности освободить. На парткоме Михальч заступился. Говорю, так-то, он нормальный мужик.

Вернулся Дмитрий Михайлович с бутылкой водки, и свертком, там, видимо, закуска.

– Не знаю, Николай пьет или нет водку, но в такой праздник как с пустыми руками заходить, взял. Этот человек, Слава, «последний из могикан», может быть, единственный, кто остался, кто до войны Чуйский тракт строил.

– Так их очень много было, тысячами, говорят, привозили, куда они все подевались?

– Куда? Но мало ли. Кто уехал, кто умер. Всякое бывает.

– А говорят, кто на дороге помрет, даже не хоронили, скидывали на обочину, и засыпали.

– Не знаю, Слава, не видел. А кто говорит-то, видел, нет? Болтунов нынче много, лишь бы очернить. Не знают, а болтают. Ты же не видел. Но и не болтай.

Машина проехала наши общаги, баню, и через минуту уже подъезжала к Инюшке. Как быстро, так

эта деревенька совсем рядом с Иней, оказывается, а мне в тот вечер, когда я провожал Любу, показалось, что далеко. Вот первые домики, где-то около них, мне запомнится, что я получил первый поцелуй от Ининской девушки.

Домик Николая стоял прямо у дороги. Это был старенький пятистенок, с дощатой крышей и покосившимся забором.

Когда машина остановилась, из дома вышел сгорбившийся старик с белой бородой и такими же белыми волосами. Он стоял на крыльце и ждал, смотрел, пока мы подходили к нему.

Дмитрий Михайлович подошел первым, поздоровался: «Здравствуйте, Николай! Не узнаете? Это я, Васильев, Вот Петр, зоотехник совхоза, а это курсант училища, Вячеслав».

Старик поздоровался с нами, с каждым за руку: «Да, теперь признал, и тебя, Дмитрий, и Петра. Глаза-то не видят совсем, вблизи еще ничего, а вот далеко – нет, только силуэты и различаю. Сварка все это. И с каждым годом все хуже».

Он повел в дом: «Проходите, проходите, садитесь. Сейчас чай поставлю».

– Николай, не надо, – остановил Дмитрий Николаевич. – Мы и так, сегодня, пьем да едим. Сегодня же праздник великий. Вот мы и заехали к тебе. А вот стопки ты вытащи.

Мужчины помогли Николаю собрать на стол, нашли стаканы, порезали хлеб, сыр. Разлили спиртное.

– А бабка-то где, Николай? – спросил Дмитрий Михайлович.

– Да уехала.

– Далеко?

– Далеко. Оттуда не возвращаются.

– Да ты что! Извини, Николай, а мы и не знали, – Дмитрий Михайлович опустил стакан, поднявший было, посмотрел на Петра. Тот сказал: «Я тоже не знал». Николай махнул рукой:

– Да ладно, ничего. Знакомое дело, стариковское. Года два как померла. И мне в дорогу собираться надо, дожидается она меня. А у вас проблем много, не до нас, стариков. А нам, старикам, как сгнившим тополям, туда и дорога, в землю. Привычное дело.

– Да ладно, Петрович, – возразил Дмитрий Михайлович. – Не каркай раньше времени. А мы вот, молодое поколение к тебе привезли, интересуется, как дорогу до войны строили. Мы и не вспомнили никого, кто на дороге работал, только тебя. Расскажи про себя. Да и мы послушаем.

– А что рассказывать. Кореец я. Зовут Николаем. А по-корейски Пак Ун Ду. Так в паспорте. Стыдно сказать, по-корейски и ни одного слова не знаю. И в Корею никогда не был. Мой дед из Кореи приехал, еще до революции. Жили на Дальнем Востоке. Так что, кореец я русский. Одно слово – кореец. Больше ничего. Побросало нас порядком по России. Где-то жили два брата, на Дальнем, не знаю, живы, нет. Меня вот, сюда забросило. Даже на местной женился. Два сына есть. Выросли, разъехались. Один где-то в области, даже не знаю, в каком районе. Дети взрослеют, и мало о родителях думают. И мы

такими были. А что до строителей дороги... Вот мы первую стопку выпили за мою бабу, теперь давайте за тех, кто дорогу строил в те годы. Их тоже нет. Большинство и осталось здесь, на дороге.

Петр подлил водки, мы выпили.

– Но наверно, все равно есть, кто-нибудь, живой, не так ведь много времени прошло, – сказал Петр.

– Я сомневаюсь, Петр. Хотя, погоди. Приезжал ко мне месяц-полтора назад старик, моих лет. Говорит, я на мосту работал до войны. Старом, навесном, вы знаете. Точно, как я мог забыть. Пешком он приходил. Кто-то, видно, подсказал про меня.

– Интересно, интересно, – Дмитрий Михайлович пододвинул поближе к нему стул. – И что?

– Говорили мы с ним долго. Он из ссыльных был. А я-то местный, мы не жили в бараках. Удивительно, но мы могли встречаться. Он работал на деляне, лес заготовливал, а я, как местный, знающий лес, был проводником у таких бригад. Может мы виделись, может, и нет. У них, почти каждый день, новые приходили. Худые, обессилевшие. Иногда в лесу и помирали. Он рассказывал, под лесину попал, с напарником. А я и не припомню, их много гибло, и под лесиной, и так. Потом, говорит, его напарник погиб, а он инвалидом стал, на костылях ходил. На Ине жил. А я и не помню, может и видел, тогда так много пароду жило на Ине. Можно сказать, здесь целый город был, до войны. А как война началась, все куда-то исчезали.

– А что он хотел, зачем приезжал, сам-то, где живет?

– Говорил же он мне. Ох, память, память, забыл. Но откуда-то далеко, ближе к Москве. А приезжал он вот по какому делу. У него с местной роман произошел, вроде даже жить стали вместе. И сын у них родился. А с этим строго тогда было. С ссыльными ни в коем случае нельзя было вступать в контакт. Не говоря о том, чтобы жить и детей заводить. А его, то есть их, как-то проглядели. Но потом, когда очухались органы, решили меры принять. А тогда и самих увезут, куда надо, и ребенка отоберут.

– А как его звали, не сказал? – уже не вытерпел, и спросил я.

– Сказал, сказал. Его звали... Ох, память, падла... Опять забыл. То ли Миша. То ли Гриша...

– Гриша! – вырвалось у меня.

Взрослые удивленно посмотрели на меня.

– Может, и Гриша, сынок, на ходу все забываю. Тут самое интересное. Когда они поняли, что их ждет наказание, они где-то раздобыли бумажку, что их ребенок помер. Вроде даже могилку на кладбище соорудили. А ребенка кому-то отдали. Когда за ними пришли, про ребенка спросили. Он им бумажку показал. Но потом все же их сослали. Или обоих, или, вроде он говорил, что эта женщина умерла. Или я что-то путаю. И вот он собирался ехать по ближайшим селам эту женщину искать, которой ребенка оставил. Да найдет ли он? Столько времени прошло. Да и жива ли она. Скорее, всего, нет. Надо среди родственников искать. Имя то ее он знает. Гриша, да, Гриша, теперь вспомнил, надеется, что найдет. Я пожелал ему удачи. Вот такой гость у меня был. А теперь, Петр, наливай.

Я не мог сидеть, внутри меня всего колотило, я пошел на улицу. Нужно было себя успокоить, я не заходил в дом, ходил по двору. Только через час мы выехали из Инюшки. Я так и не мог прийти в себя. Я вышел из машины около своей общаги, сославшись на какие-то дела. Мужчины понимающе улыбнулись: молодой, а у них, молодых, дел много...

Я и в комнате не находил места. Я был один. Все уехали на два дня домой, Боря поехал к Гене в гости.

Но как такое может быть?

Значит, он, Михаил, все-таки ... Я даже забыл спросить у Михаила, как все закончилось после того, как он в милицию ездил. И он не рассказывал.

Значит, все-таки он нашел...

Когда на завтра Михаил приехал, я тут же отвел его в сторону:

– Михаил, я тебе не сказал в тот раз. После твоего отъезда, помнишь, Григорий, у моста встречались, он умер, ты за ним поехал, в Онгудай. Так вот, я ходил к той женщине, в гостиницу. Оказывается, он умер, его ребенок, еще младенцем.

– Я знаю.

– Как? Но послушай, оказалось, что ребенок-то жив остался, они соорудили могилку, состряпали бумагу, что он умер, ребенок, а он на самом деле живой!

– Я это тоже знаю, Слава.

– Да откуда, Михаил?

– Нашелся его сын, Григория. Ему сообщили, он приехал, отца увез. Я встречался с ним, он 1941 года рождения, на год меня старше. Он мне все и рассказал.

– Но Григорий же искал сына, которого отдал кому-то!

– Нет. Он его нашел сразу, после войны. А искал он ту женщину, ребенка которого он похоронил. В могиле действительно был ребенок, она не была пустой. И всегда говорил, что тот, кто в могиле, и спас моего сына, все хотел найти ту женщину, которая была матерью того ребенка. Он даже не знал ее тогда. И в этот раз приехал, хотел искать...

– Значит... А я думал, что ты нашел отца...

– Так только в книжках бывает, Слава. А в жизни...

Глава 16.

Кроме как обучению обязательным предметам, как вождение, устройство автомобилей, правила движения, я уже говорил, в училище учили хорошим манерам (этика), давали историю, другие предметы, и особенно уделяли внимание трудовому воспитанию. Но, я бы сказал, иногда, вынужденно, невольно. Да, у нас был предмет, не предмет, а типа практических занятий, когда нужно своими руками что-то делать уметь, инструменты доводить до ума. Ключи точить рожковые автомобильные, отвертки, обучаться сварочному делу. Это все происходило в слесарном цехе. Но это обучение по программе, обязательное. А были и другие, невольные приобщения к труду.

Например, объявляют, что завтра, после обеда практики не будет, будем заниматься уборкой территории. Из дома принести метла, лопаты. Или в течение будущей недели, также после обеда, по

полдня, нужно будет колоть и складывать в поленницы дрова. Которые привозят из леса, чурками.

И все это воспринималось и принималось курсантами легко и без всяких возражений. Даже с радостью. А что, все же деревенские. Наутро, вооружившись метелками девчонки, или топорами парни, приодевшись в рабочие фуфайки, появлялись в училище, и с нетерпением ожидали окончания занятий. И работа закипала. Будет пыль стоять столбом от усердно подметающих территорию училища девчонок, или будут соревноваться парни между собой, кто быстрее расколает очередную чурку, потому что стоят рядом молоденькие девушки, торопят, чтобы сложить расколотые дрова в небольшую тачку, увезти к поленнице и сложить. Работа двигается споро, весело, то там, то здесь слышатся шутки.

Вот подшучивает девушка над парнем, колун которого застрял в чурке, и он не может его вытащить:

– Эх, Коля, Коля, никто не пойдет за тебя замуж. С какой-то чуркой не можешь справиться, как с женой будешь справляться?!

Это, конечно же, Глаши Табышкиной голос. Раздается смех по всей площадке. А бедный Коля Кезеров, раскрасневшийся, вспотевший, скидывает свою шапку на землю, продолжает бороться со своим колуном. То подпрыгнет и упадет всем телом на топорнице, то дернет вверх за него руками.

– Да, Глаша, жалко, ты на «тракториста» глаз положила, а то бы я тебя в жены взял, видишь, как полешки от моей чурки разлетаются, – заступает за своего брата Гена.

– Чурки – одно, в другом-то деле мы тебя не видели, может, ты там вообще ноль! – парирует Глаша под хохот девчонок.

Гена с улыбкой усмехается, но молчит – с Глашей связываться, себе дороже.

Работа всегда выполнялась раньше намеченного срока. Поставили задачу нашей группе сделать уборку на указанном участке за два дня, так мы управились за один день. Нужно было расколоть и сложить в поленицы привезенные из леса несколько машин лиственных чурок – за неделю, мы за три дня управились. Все ведь деревенские, к труду привычные. Да и когда обща, коллективно, и парни стараются перед девчонками не сплеховать, и девчонки перед парнями тоже не хотят в грязь лицом...

А в марте месяце, когда уже дни стали теплее, послали нас, вторую группу, на ческу пуха. В совхозе выращивали и овец, и коз. Держали коз и в личных хозяйствах. Выгодно. Килограмм пуха серого стоит шестьдесят – восемьдесят рублей, а белого – рублей сто, даже до ста двадцати доходит. Пух всегда в спросе, я сам несколько раз в город увозил, знакомым. И по причине хорошей выгоды многие держали коз. У нас в Улагане про одного мужика даже такая байка ходит. Он приезжий, но уже долго живет у нас. Семья, дети пошли. И они коз держали. А мужик был падкий до денег. И был у него козел, который целый килограмм пуха давал. Каждый год, не меньше килограмма. Это много, если учесть что средняя коза даст граммов пятьсот. И вот наступает очередное время чески пуха. Он свалил своего

козла, вычесал пух, побежал взвешивать. А там меньше килограмма. Он удивился, выскочил, снова поймал того козла, свалил, связал и снова давай чесать. Потом опять в дом, на весы. Пух опять не дотягивает до килограмма. Он возмущается, вернулся к козлу, давай опять его обдирать. Но не дают весы килограмм, и все! Когда он вернулся в очередной раз к козлу, тот уже сдох. Потом оказалось, что у него весы сбились.

А если серьезно, всегда предупреждают, чтобы не держали коз долго в привязанном положении. Козу связывают за ноги, кладут на бок, а с другого начинают чесать. Потом козу переворачивают. А гребни, или зубья, у этого инструмента из настоящих гвоздей. Концы, конечно, притупляют. Это самодельные. Но бывают и заводские, получше. Но все равно, когда шоркаешь ее, бедную, этими гвоздями на сто двадцать, по худым, только пережившим зиму, ребрам, часа полтора, а то и больше, и помереть не грех. Иногда, когда голову то свою расчесываешь и чуть сильнее проведешь расческой, и то больно. А тут гвоздями...

И вот, после зимы, одна из очередных многочисленных ежегодных кампаний в совхозе – это ческа пуха. Мероприятие ответственное, важное, потому что трудоемкое. Коз чесать нужно вручную. Труд это тяжелый, почему-то не могут его механизировать. Если овец стригут уже электрическими машинками, то здесь до этого не дошли. И самая большая проблема в этой кампании – нехватка людей, то есть рабочих рук. Один человек за день может в среднем

вычесать пять – восемь коз. В одной отаре может быть до пятисот коз. А таких отар, а каждом совхозе, десятки. Вот и посчитайте, сколько нужно человек, чтобы завершить эту кампанию. А работу эту нужно закончить в короткие сроки. Вот и болит голова у директора совхоза, где людей взять. У него план, обязательства, престиж района, должность на кону, в конце концов. И идет он в коллективы, где много народу, в школы, к нам, в училище. Договариваться. «Ты мне с ческой помощи, а я тебе с мясом для курсантов училища вопрос решу». Ну, примерно в этом роде. И бросает директор нашего училища несколько групп на борьбу по выполнению совхозного плана по пуху.

Нашу группу бросили в деревню Большой Яломан.

Анатолий подкатил на своем, то есть нашем, газике, к общежитию, мы побросали матрасы в кузов, подъехали к столовой, где были уже приготовлены ящики с продуктами, посуда, мука в мешках, которые тоже погрузили, и поехали в сторону Большого Яломана. Машина должна была сделать два рейса. Нас, пятерых парней, с продуктами и постелью, отправили в первый рейс. Стоянка была недалеко от села, километрах в трех. Выгрузив груз, оставив нас, машина должна была ехать обратно. Но перед тем как уехать, Анатолий подошел ко мне и отвел в сторону.

– Такое дело, Слава. Я должен уехать, дня на три. Ну, свои дела. Директору я не говорил, потому что он не отпустит. Я поругался с ним недавно. Но, а ехать мне надо, позарез. Надежда на тебя. Как на

старосту, да и вообще... Справишься? Ну, чтоб и работу сделали, и беспорядка не было.

– Да не беспокойся ты, все нормально будет. Езжай. Знаю я про твои дела, – улыбнулся я.

– Все-то вы знаете!

– Слухом полнится земля.

Все знали, что у них с Риммой намечалось хлопотное дело: сватовство.

– Ясно. Тогда я на тракте выйду, а машину Николай Тыдыков пригонит. Бензину полный бак залью. Только о том, что меня здесь не будет, не должно до директора дойти. Чтобы никто...

– Да понятно все. Удачи!

Анатолий сел в машину, уехал.

Мы стали знакомиться с чабанами, хозяевами стоянки. Это была молодая пара, лет им около тридцати, наверно. Рядом сынишка стоял, нас разглядывал, лет пяти. А две собачонки вокруг нас бегали, обнюхивали, хвостами виляли, как будто старых знакомых увидели. Мы стали знакомиться. Мужа звали Леонидом, супругу Катей, Екатериной.

– А сколько еще людей приедет? – спросила Екатерина.

– Человек двадцать, вторым рейсом, – ответил я.

Хозяева повели нас сразу в дом, чтобы угостить чаем.

Это была маленькая избушка, может быть, пять на пять метров размерами, даже меньше. Слева находился высокий топчан, под ним, за решеткой лежали козлята. Увидев людей, они вскочили, забегали,

начали громко блеять. В ушах у них болтались разноцветные тряпочки. Впритык к стене, под небольшим окном, стоял небольшой стол. Справа, в старенькой печке, горел огонь. Стены дома были побелены прямо по бревнам, потолок по голым доскам. Пол тоже был из досок, некрашенных, с большими щелями. Мы разделись, закинули куртки и фуфайки на топчан, прошли к столу.

Чай был соленый, с молоком, с талканом. В большой тарелке лежали лепешки. Рядом, в маленькой – сливки. Вкусно покушав, мы вышли на улицу. Стали осматривать стоянку. Это была типичная стоянка, каких в нашей области сотни. Домик, кошара, загон для овец. Только здесь, кроме домика, стоял еще один – больше, пятистенок. Мы кушали в маленьком.

Екатерина понесла дрова в дом-пятистенок, а супруг ее стал выгонять коз из загона. Козы с блеянием выбегали и устремлялись вниз по горе. Может, на водопой. Леонид пошел за ними, мальчонка с собаками увязались за ним. «Коз триста-четыре-ста», – отметил я про себя.

Из трубы большого дома появился дым, вышла Екатерина, подошла к нам:

– Печку топила. Когда сказали, что сегодня студенты приедут, я убрала оттуда все лишнее, пол помыла, печку, вот, затопила. Дров только маловато. Там две комнаты.

– А сами-то, как, эта-то совсем маленькая избушка?

– Да мы вечером домой уходим. Село-то недалеко, а здесь света нет. Коз загоняем в кошару, и

уходим. А в избушке только слабые козлята. Окот заканчивается, слава богу.

– А воровства нет?

– Откуда, кругом все свои. Нет, у нас такого нет.

На удивление, машина с остальными нашими курсантами приехала быстро. За рулем сидел Николай, а рядом Михаил. Это были самые старшие из нас. Михаилу под сорок, Николаю чуть больше тридцати.

Сразу стало шумно и весело на стоянке, передавая друг другу, курсанты выгружали нехитрые пожитки, заносили в дом.

Начали планировать, как расположиться в нем.

– Девочки, это будет наша комната, – пройдя во вторую комнату, сказала Глаша.

– Тогда эта наша, – сказал Михаил, оставшись в первой.

– Так, а где будем кушать? – спросил я.

Да, ситуация была затруднительной. Если отдать одну комнату парням, а другую девчонкам, места для варки еды, для большого стола для всех не будет. Я прошелся по комнатам. Что же делать? Спрашиваю:

– Сколько нас человек, Глаша?

– Двадцать шесть. Девчонок четырнадцать, парней двенадцать.

– А матрацев сколько?

– Надо считать, – Глаша подошла к куче постели, лежащей в углу, посчитала, перекладывая, повернулась. – Двенадцать.

– Да, негусто. А почему не все взяли-то?

– А нам сказали, только одеяла взять, про матрацы не говорили, – ответила Катя. – Сказали, там есть.

– Где-то там, может, и есть. Но здесь нет, – грустно сказал я. Надо было что-то делать, решать. – Сделаем так. В дальней комнате положим матрацы. Все, рядышком, плотно друг к другу. С одной стороны девочки будут спать, с другой парни. Посередине проход.

– Все в одной комнате? – вскрикнула Глаша.

Но я не ответил, даже не поглядел в ее сторону. Продолжал: – В этой комнате будет кухня. Соорудим большой стол, чтобы все вмещались. А теперь идем в избушку, попейте чай, кто приехал вторым рейсом, Екатерина зовет. Потом соберемся, обсудим дальнейшие действия.

Пока вновь прибывшие пили чай, кто внутри избушки, кто снаружи (места всем в домике не хватило), я снова ходил, уже не в целях ознакомления, а выискивая взглядом доски, осматривая туалет, одновременно разбираясь в своих мыслях. У меня при себе всегда была ручка с блокнотом, поэтому стал записывать, что нужно было сделать.

Через некоторое время мы все сидели на свернутых матрацах.

Я начал: «У мастера, Анатолия Николаевича дела, он придет через три дня. И попросил меня в эти дни организовать работу. Задача у нас такая. Нашей группой мы должны вычесать коз на этой стоянке. Коз примерно четыреста, дали нам десять дней. На первый взгляд, задача очень даже выполнимая. Но все равно нужна организованность. Во-первых, не хватает чесалок, их всего десять, потом

нам надо определить поваров, человека два. Также человека два нужно отправить на заготовку дров, на машине. Видите, дров здесь нет. Да и вообще, условия сами видите, какие. Жаловаться, требовать не будем. Будем исходить из того, что есть. Кому что-то не нравится, могут идти домой. Вернее, вас увезут на машине.

– А кто коз чесать не умеет?

– Глаша, до этого дойдем, подожди. Меня интересует, кто хочет уехать домой.

Таких не было.

– Мы же приехали работать, – сказала Зоя Бабитова.

– Хорошо. Я и знал, что таковых не будет. Теперь давайте по порядку. Глаша, надо все записывать, что планировать будем.

– Записать найду где, ручки нет.

– Ручка у меня есть. Так, первое. Повара нужны. Думаю, двух человек достаточно. Нужно поставить тех, кто коз чесать не умеет. Глаша, пойдешь поварить?

– А куда деваться? Пока научусь пух чесать, лето наступит. Я коз-то первый раз в жизни вижу.

– Близко не подходи, они кусаются, – хихикнул Гена.

– Особенно незаметно любят, подойдут сзади, и ням! – за мягкое место! – поддакнул Михаил.

Глаша повернулась было к ним, чтобы что-то ответить, но я не дал.

– Шутки потом, Глаша, не отвлекайся. Пиши: повара – Табышкина, и кто еще не умеет коз чесать?

Остальные все умели.

– А кто желает поварить? Это ответственное дело. Может, кто готовит хорошо?

– Все готовят. Ладно, меня запишите, – сказала Деева Лиза.

– Так, с поварами определились. Лиза с Глашей, после собрания разберите продукты, что может испортиться, стаскайте в сарай. Просмотрите посуду, мы взяли из столовой, но может, еще что надо. Идем дальше. Нужно двоих ребят на заготовку дров. Желющие? Да, надо, чтобы с бензопилой кто-нибудь разобрался. Есть такие?

– Я пойду, – ответил Игорь Молчанов.

– Хорошо, а вторым будет Николай Тыдыков, на машине поедете. Куда можно проехать, проезжайте, готовьте из сухостоя, и сразу в машину грузите. У Леонида бензопила есть, только говорит, не заводится, почините. Бензин, масло у нас есть. Записывай их, Глаша.

– Дальше. Нужно двоих парней, чтобы сделали большой стол в этой комнате, и настилы в загоне, чтобы можно было куда коз укладывать для чески. Подремонтировать туалет. Дверь не закрывается. Кто возьмется, Гена, возьметесь?

– Записывайте.

– Глаша, записывай. Кезеровы, Коля и Гена, стол, туалет, настил. Доски за сараем лежат, выберите.

– Теперь по инструментам. Может, у кого в селе знакомые есть, родственники? Выпросить чесалки на время.

– У меня есть, – ответила Таня Адатова.

– Хорошо. Возьми кого-нибудь вместе. Кого возьмешь?

– С Зоей ходим.

– Все ясно. Глаша, пиши: Адатова и Бабитова идут завтра в деревню за чесалками.

– Надо еще Люду Мандаеву послать, – крикнул Михаил. – Она у нас самая красивая. Мужики деревенские ее увидят, всё отдадут, не только чесалки.

Все засмеялись.

– Нет, ее не надо посылать. Она потеряется сразу, а если не потеряется, здесь полдеревни местных парней будет стоять, – вторил ему Гена.

– Да ну вас, вам лишь бы позубоскалить, – отмахивается Люда.

– Ну, гляжу, настроение у вас хорошее, шутите. Так, дальше.

Надо, чтобы у нас в комнате был порядок. В одной комнате, ясно, повара будут за порядком следить, а в спальне нужно, чтобы другие следили. Вот я предлагаю, чтобы наши две красавицы, Люда с Надей, и здесь все красиво держали. Согласны?

– А что делать? – спросила Люда.

– Но для начала сложите матрацы с двух сторон, думаю, их не хватит. Но посмотрите, может, у Леонида что есть. Что запылилось с дороги, вытряхнуть. Подушки положить, сколько есть. Одеяла прикинуть. Ну, подготовить постель, для нас всех. И всегда держать в чистоте эту комнату. Чтобы приятно зайти было.

– Ясно.

– Глаша, записывай. Мандаева с Васильевой следят за порядком в нашей берлоге.

– Так и писать – в берлоге?

Я улыбнулся: «Но напиши: в нашей общей берлоге».

Все заулыбались.

– Я заканчиваю, ребята. Хотел бы сказать, что вот это распределение работ, обязанностей не должно восприниматься как навязывание вам. И меня воспринимать как человека, который хочет покомандовать. Если кому-то что-то не нравится делать, не делайте, скажите. Не будет также никаких жестких требований по чёске. Плана на день, и так далее. Можете десять коз вычесать – вычесывайте, можете только одного – ничего страшного. Я сам не люблю жесткие рамки, люблю свободу. Но свобода, я выяснил, как ни парадоксально, – это ответственность. И вот сегодня у меня ответственность. Перед Толей, потому что он надеется на меня, перед директором училища, потому что он директору совхоза обещал, что людей толковых пошлет, перед вами, нами. Перед собой. Чтобы все у нас получилось. И возвращаясь к началу нашего разговора. Глаша спросила, а как мы спать будем, в одной комнате, с парнями. Как-то мы сидели в общежитии, в комнате, про вас разговор зашел, говорим, наши девчонки – это вчерашние школьницы. А половина из нас, парней, в армии отслужили, мы уже взрослые, так что мы должны относиться к ним, как к своим сестренкам. Не обижать, и в обиду не давать. Так что, я уверен, ничего не может с вами случиться плохого здесь. Да, условия могли бы быть лучше. Отдельные кровати, отдельно от парней комнаты.

Но это стоянка, козоводческая, не санаторий... В 1975 году национальную школу закрыли. Решили так наши начальники. Бумага вышла, все. И мы, девятиклассники, классом в поход пошли, на несколько дней. Разумеется, ночлег в палатках. Сначала мы стеснялись, пацаны отдельно, девчонки тоже, в отдельных палатках. Но к концу похода, утром можно было заглянуть в палатки и увидеть такую картину: все вперемежку, и пацаны с девчонками, и девчонки с пацанами. И ничего дурного не случилось! Так и у нас. Могу спорить на ящик шампанского, что через неделю, проснувшись рано и оглянувшись, увидите: ребята будут спать среди девчонок, а девчонки среди парней. И никто никого не обидит.

Желающих поспорить не оказалось...

Глава 17.

Утром, проснувшись раньше всех, я разбудил своих поваров. Девчонки лежали плотно друг к другу, на общих матрацах, под общими одеялами. Глаша с Лизой знали, что им рано вставать и сразу зашевелились.

Я вышел на улицу. Подтаявшая и мягкая вчера днем почва под ногами была подмерзшей и твердой, вчерашние небольшие лужицы покрылись белыми льдинками. Они хрустели и лопались под ногами. Около домов, кошары снега не было, он виднелся чуть поодаль, к лесу, грязный, с темными проталинами.

Маленькая избушка на замок не закрывалась, я взял ведро и пошел к речке. Когда пришел, девчонки – повара были уже на улице.

– Но и как, девочки, ночёвка?

– Да ничего, только холодновато было под утро, одеяла-то тонкие, – сказала Глаша, подливая нам на руки воды из ковшика.

– Но и надо было к пацанам нырнуть, – улыбнулся я.

– Да я думаю, они тоже мерзли, – рассмеялась она.

– А я не мерзла, – ответила Лиза, вытирая лицо платком.

Я тоже вытер лицо, вытащив из кармана носовой платок, сказал: «На завтрак чаю вскипятите. Там есть у нас консервы, сыр. А обед надо на улице варить. Погода хорошая, сейчас днем уже тепло. В сарае я видел два тагана, и один казан большой, придет Леонид, выпрошу. Пойдемте, покажу, где воду брать».

Мы пошли к речке. Когда мы подходили к ней, на дороге появились хозяева. Спереди бежали вчерашние две собачонки, выбегая с дороги в разные стороны, обнюхивая кустики, следы на снегу. Увидев нас, они побежали к нам – узнали знакомых. Леонид шел впереди, неся перекинутый через плечо мешок, супруга шла рядом, а мальчонка плелся позади, прилично отстав.

Поздоровались, я, показывая на пацана, говорю: «Разбудили бедняжку, он еще спит, идет». Отец возмущается:

– Да я говорю, поспи, позже придешь. Нет, не хочет, пойду вместе и все. Помощник...

Да, с малых лет они, дети местных скотоводов и чабанов, и несут эти трудовые тяготы вместе со своими родителями. Зимой окот – сакман, весной ческа пуха коз, потом стрижка овец, летом – тайга, сенокос, потом возвращение на зимнюю стоянку, сдача скота, потом... и пошло и поехало, от кампании к кампании, из года в год... Они рано начинают и сено косить, и на лошади ездить, и за ягнятами, козлятами да телятами ухаживать, и коз чесать...

Я вспомнил, как в первый раз я оказался на ческе пуха, с мамой. Видимо, их коллектив «бросили», как нас, на одну из стоянок, во время этой кампании. Я еще в школе не учился. А коз мы не держали. И для меня это было в диковинку, как Глаше сейчас. Мне так жалко было этих бедных коз. Мужики ловили их, тащили за ноги, за рога, валили, связывали ноги, и давай шоркать по козе чем-то. Козы жалобно блеют, мужики громко переговариваются, смеются, я хожу между ними, не пойму, что происходит.

А бабушка рассказывала, что раньше они коз вообще не чесали. Она в 1907 году родилась, еще до революции. Козы, говорит, по весне начнут линять, везде их пух клочьями валяется. На земле, на кустах. Они соберут его, или немного руками повыдергивают с козы уже выпадающие клочья, и клали в колыбель, под младенца.

А сейчас наш пух козий, алтайский, ценится. Одним из лучших считается в стране. Петр говорил,

что пух только две фабрики закупают. Вроде, в Щелково, и в Оренбурге. Помните, Людмила Зыкина про оренбургский пуховый платок поет? Так вот, этот платок, который сквозь обручальное кольцо проходит, надо думать, и из нашего пуха связан. Видели бы эти, какие-нибудь, московские барышни, накидывая на плечи эти платки, как добывается он, этот пух. Вот резко забегает Михаил в середину отары, ловит самого большого козла и тащит его за рога. Но козел не поддается, на то он и козел. Он бросается в одну сторону, в другую, Михаил, поскользнувшись на скользких свежих горошинах, которые вылетели из-под хвоста козла, падает на колени, но руки не отпускает. Матерится, встает, тут к нему подбегает Гена, и они вдвоем тащат козла на доски, лежащие на земле. Валят козла на бок. Михаил вытаскивает из кармана кусочек шпагата, ловко связывает ноги козла, плотно прижав копыта друг к другу, оставив переднюю верхнюю ногу свободной. Берет свою чесалку, орудие труда, которое он заблаговременно положил рядом с местом, где он будет работать. Козел блеет и тяжело дышит. Михаил начинает энергично водить чесалкой по шее козла. Дорогие московские барышни, сырье для ваших красивых кружевных платков вторая группа Ининского СПТУ номер 5, добывать начала. Без платков не останетесь!

И бросаются врассыпную козы, спасаясь от парней, которые, бегая среди отары, подыскивают более крупную козу, и истошно заблеяли те козы, которые уже оказались на досках, связанные за

ноги, ощутившие на своих коже и ребрах боль от прикосновения этих толстых гвоздей, и понеслись шутки, смех над девчонками, которые завалили вроде бы козу, но пока они разбирались с веревками, коза вскочила и убежала.

– Все, что ли? – кричал Боря Мендешевой Але. – Так быстро вычесали? Так работать будете, к обеду уже домой поедем, вся работа будет закончена.

– Не болтай, лучше помоги поймать, – отвечает Аля. Боря прерывает работу, кладет свою чесалку на лежащую козу и идет ловить беглянку. А потом махнул рукой, какая разница, поймал первую попавшуюся, притащил, помог связать.

– Вы вдвоем?

– Да, с Юлей. Чесалка одна.

Чесалок не хватало, только Михаил с Параевым Васей работали одни, с отдельными чесалками, остальные работали парами. Одна чесалка на два человека. Что тоже неплохо. Нагнувшись работать, спина долго не выдерживает, приходится выпрямляться, давать спине отдохнуть. Так что, когда чесалка одна на двоих, один отдыхает, другой работает, и наоборот. Процесс быстрее, и козе долго лежать не приходится.

Повара могут работать уже на улице. Утром покормили всех легким завтраком, (хорошо, Екатерина дома испекла лепешки и принесла) а теперь готовили обед. Мы с Леонидом установили два тагана, сваренные из колец колесных дисков, на ножках из арматуры, поставили на один таган большой казан, нашелся и другой, поменьше. Леонид нашел

где-то. Девочки решили приготовить на первое суп с тушенкой, на второе кашу гречневую, а чай в ведре вскипятить. В маленьком домике Лиза на сковородке жарила лепешки, а Глаша чистила картошку. Я стаскал к огню все дрова, которые были. Должно хватить на сегодня, а к вечеру дрова будут.

Как и договаривались, две девушки после завтрака пошли в деревню, двое парней уехали за дровами. С бензопилой возиться долго не пришлось, Николай заменил свечу, и она завелась. Залили в пластмассовую канистру бензин из бака машины, добавили автола, сколько нужно.

А стол большой и скамейки к нему Гена с Колей еще вчера вечером склотили. А сегодня стаскали доски в загон, чтобы коз укладывать не на землю.

На обед, по сигналу Глаши, уставшие, вспотевшие, но веселые курсанты собирались дружно. Подливали друг другу из ведра воды ковшиком, смывали с рук грязь, с лица пот.

Каждый брал на столе, в доме, чашку, ложку, подходил к костру на улице, к большому kazanу, с супом. Там командовала Глаша. Наливала большим черпаком суп в чашки. Шутила: –Признавайся, Михал Михалыч, хорошо работал, нет? А то кормить не буду.

– Михаил лучше всех работает. Уже три козы вычесал, да, Михаил? – стоит за ним в очереди Саша Амургушев.

– Да, вроде три, – отвечает Михаил.

– Ой, постой, Михалыч, тогда вот, большой кусок тушенки попался, давай положу!

Михаил, с довольным видом от такого внимания, несет впереди себя тарелку в дом, ставит на стол. Стол большой, умещаются все. На столе свежие лепешки, масло, сахар. Шутки стихают, все увлечены едой. После супа все идут за кашей, потом пьют, подсыпая в стаканы сахар и размешивая, чай.

Обед всем понравился, поев, курсанты выходят на улицу, поварам достаются слова благодарности. А они, довольные – Глаша у костра, с черпаком, Лиза в доме, у печки, с поварешкой, которой разливала чай, – стоят, улыбаются.

Появился и наш десант – Таня с Зоей, которые ходили в деревню. Издали они подняли вверх руки, а в них чесалки.

Они приближаются, говорят:

– Вот, нашли, только четыре штуки всего. Все же заняты, у всех козы.

– Только сказали, обязательно вернуть.

– Да, конечно, – отвечаю. – Вы их пометьте, или запомните, Четыре штуки, говорите?

– Да.

– Не густо, но, как говорится, на безрыбье и рак... Еще Леонид обещал две штуки, завтра принесет, забыл сегодня.

– А вдвоем, с одной чесалкой, наоборот, лучше, веселее, – сказала Люда.

– Тебе бы только веселье, – пошутил Гена.

– А чего горевать, война, что ли, – ответила Люда.

– Да, Слава, там, в деревне женщина одна обещала хлеб печь, – сказала Зоя. – Она говорит, что только мука нужна. Можем ей муки отвезти?

– Да это здорово, конечно отвезите вечером с Николаем. У нас два мешка муки, один и отвезите. И лепешки будем печь, и хлеб пусть будет, для разнообразия.

Самое главное, чем бы люди ни занимались, где бы ни работали – они должны быть сытыми. Особенно, если работа физическая, как сейчас. Ребята с девчатами поели сытно, довольные, передохнули немного и снова пошли работать. Снова бег отары по кругу, крики, бляение коз...

Первый рабочий день заканчивался.

Пух принимала хозяйка стоянки, Екатерина. Высыпав пух в свой мешочек, она подвешивала его на весы, которые висели на косяке двери. Весы – это стальная планка с градацией, с передвижной гирькой. Передвигая гирьку, она добивалась горизонтального положения планки, чтобы две вертикальные стрелки расположились друг против друга. Показывала, сколько показывают весы, отнимала двести граммов, столько весил ее мешочек. Записывала фамилию, скольких коз этот пух, его вес. Все это у нее, после того все сдали пух, записала и Глаша.

После ужина, перед так называемым отбоем, у нас было небольшое собрание. Оно было каждый день, перед отбоем.

– День прошел неплохо, – начал я. – Николай с Игорем привезли целую машину сухих дров, нам хватит, и чабанам еще останется. Лиза с Глашей хорошо кормят, спасибо. Зоя с Таней чесалки достали в деревне, с хлебом договорились, сами догадались.

Кезеровы, братья, так быстро стол соорудили, я думал, целый день заниматься будут. И на чёске все хорошо трудились. А итоги Глаша вам сейчас объявит. Глаша, доставай свои листочки, рассказывай.

Глаша вытащила листочек:

– Ребята, слушайте. Сегодня мы вычесали семьдесят две козы, сдали тридцать семь килограммов пуха. Всех больше у Михала Кокпоева, вычесал семь коз и начесал три килограмма семьсот граммов пуха. Поздравляем!

– Ура! Качаем его! – закричала Люба Тобошева.

Все соскочили с мест, подняли Михаила и стали его подбрасывать вверх. Подбрасывали все выше и выше.

– Остановитесь! Потолок пробьете! – орал Михаил.

И действительно, его колени, несколько раз, да и голова, один раз, ударились об потолок. Ребята поставили Михаила на ноги. Он, потирая свой лоб и колени, поковылял к своему месту.

– Жалко, – говорю, обращаясь ко всем. – Никак не можем поощрить ваш труд. Ни материально, ни морально.

– А мы и не требуем ничего. Нам государство платит, стипендию. Да и не деньги главное, – сказал Михаил.

– Михаил, а вы же зоотехником работали, почему бросили? – спросила Катя.

– История невеселая, – переменился в лице Михаил. – Да, я работал зоотехником. И привезли мы бычков племенных в совхоз. Я сам ездил за ними, в степной район. А в конце года выяснилось, что совхоз годовой план по мясу не выполняет. Вызывает

директор и говорит, чтобы я этих бычков на мясо сдал. Я говорю, ты что, дурак, это же племенные. А ему план нужен. Когда я уехал в командировку, он отправил этих бычков на мясокомбинат. Я узнал, когда приехал, в контору пошел, на него с кулаками полез. На работу после этого не пошел. Вот так у нас получается, что нам надо все время лучше других быть, планы выполнять, других опережать. Каждый чабан хочет быть лучше другого чабана, совхоз – лучше другого совхоза. Район... и так далее. Вот и меня сегодня лучшим вы сделали. А я не хотел быть лучше. Просто старался работать хорошо. И завтра буду так же работать. И если у кого-то лучше получится, я не буду стараться его опередить. Буду так же работать, как и работал...

И он старался, Михаил. И во второй, и в остальные дни у него получалось лучше остальных. К его показателям парни и близко не могли подступиться. И я в том числе. Один раз только, в предпоследний день, попал в призеры.

Нам казалось, что нам еще долго работать. Повара приноровились утром быстро завтрак готовить; каждое утро Леонид свежеиспеченный хлеб, по восемь булок, приносил, а братья Кезеровы усовершенствовали рабочее место чесальщиков: подняли настилы повыше, и теперь не приходилось постоянно работать в согнутом в три погибели положении. Только помогали друг другу коз поднять на настил. Вроде только раскочались, а работа закончилась. В первый день, как говорила Глаша, мы вычесали 72 козы, во второй день 126, в третий 113 и в четвертый 136.

И выяснилось, что осталось всего 39 коз вычесать.

На третий день, к вечеру, я ждал нашего мастера, Толю. Но он не приехал. Не приехал и на четвертый, и на пятый. Он сказал, чтобы мы без него не уезжали, обязательно дождались. Надо ждать. Тем более, раньше десяти дней нас в училище не ждут.

В тот день, когда осталось только 39 нечесанных коз, работать я отправил только парней, а сам переговорил с Леонидом, предложил навести порядок на территории стоянки. Ему-то что, согласился. Я поставил перед девушками задачу: собрать вокруг стоянки все, что горит – ненужное, в одну кучу, чтобы сжечь, то, что горит, но деревянное, собрать к сараю – уйдет в печку, сделать веников и подмести территорию. Девчонки шустро принялись за дело. Через некоторое время образовалась куча для сжигания. Это были обрывки рубероида, выброшенная ненужная обувь, одежда, тоже ненужная, куски шкур, в общем, хлам. Я облил эту кучу бензином и поджег. В небо устремился черный дым, увлекающая за собой мелкие частички сгорающих предметов.

Около дома появилась и другая куча. Куча из пустых бутылок.

- А это куда? – спрашивают девчонки.
- Погрузим в машину и увезем на свалку, – говорю.
- Как на свалку, их же сдать можно!
- А они целые разве?
- Есть и треснутые, но в основном целые. И это не все, их очень много, везде. Только грязные.

– Ладно, собирайте, – согласился я.

Через некоторое время эта куча увеличилась в несколько раз. Я улыбнулся, думаю, видно, что со дня основания этой стоянки никто эти бутылки не собирал. Леонид говорил, что на этой стоянке они первый год, и в прошлом году здесь сватовство было. Все понятно. А какое сватовство без... Да еще не одно сватовство, поди, за эти-то годы было.

Я говорю Глаше: «Грейте воду, мойте бутылки. Чистое что-нибудь, постелите, под чистые бутылки, а разбитые, или со сколотыми горлышками не мойте, отдельно сложите, их на свалку увезем».

Сам взял ключ от машины у Николая, спросил у девчонок, где находится магазин и поехал в деревню.

В магазине скучала продавщица, она была одна. Обрадовалась, что я хочу бутылки сдать.

– Конечно, приму, только целые, чистые и без сколов. Сколько нужно ящиков? Один, два? И какие бутылки?

Я рассмеялся.

Она удивилась: «А чего смеешься-то?»

– Да над собой смеюсь. Даже не знаю, сколько у меня бутылок, да каких. Надо было подсчитать.

– А где бутылки?

– Да на стоянке.

– Слышала, студенты приехали, на ческу.

– Да, курсанты мы, из Ини, с училища.

– Да какая разница! Так сколько ящиков нужно?

Я стал соображать. Вспоминал, какого размера куча бутылок, прикидывал, сколько бутылок там может быть. Но вконец махнул рукой: все равно там

куча больше станет, да и бутылки же разные. И ящики разные нужны. Под «чебурашки» свои ящики, под бутылки 0,7 литра – другие, выше, с большими ячейками. Кто эти бутылки не сдавал.

– Но, дайте по пять ящиков, под 0.5 и 0.7.

– По пять, десять штук?! Вы там – на ческе, или только водку пьете?

– Да нет, иногда и работаем.

– Идем, – нехотя она пошла к выходу. – А вы не исчезнете с ящиками? Они денег стоят.

– Да куда мы денемся?

Она открыла склад, пристроенный к магазину, в котором лежали ящики. Я начал закидывать пыльные и тяжелые деревянные ящики в кузов.

– Не бросай так, ячейки повылетают. Всё, хватит, десять. Когда приедете?

– Через час.

Подошла пожилая женщина. Спросила:

– Что за машина, что привезли?

Я промолчал, продавщица ответила: «Да ничего, это студенты, со стоянки, на ческу пуха приехали».

Я отряхнул брюки, пошел в кабину. Женщина подошла ко мне.

– Сынок, не поможете коз у меня вычесать? Три штуки у меня. Я уже не могу, руки болят.

– Нет, не можем, – ответил я. – Некогда нам, из-за трех коз раскатывать. Было бы больше.

– Но я похожу, еще узнаю, у нас много пенсионеров.

Я сел в кабину, завел мотор: «Тороплюсь я, до свидания».

– А сколько стоить будет, сынок?

– Что стоять?

– Одну козу вычесать.

– Да так, пустяки, – я включил скорость. И пошутит. – Коза – бутылка водки, козлик – бутылка вина!

Я нажал на газ, надо было торопиться, пока магазин не закрылся.

На стоянке куча бутылок превратилась в две. В одной куче лежали еще грязные, а в другой уже чистые. Но девчонки несли и несли новые бутылки, то по одной, то по две в руках.

Я подал ящики с кузова машины вниз, девчонки приняли и стали раскладывать бутылки в ящики. Я команду:

– Смотрите, чтобы целые были, а то не примут в магазине.

Девчонки расставили чистые бутылки в ящики и стали домывать грязные. Глаша заливала в бутылки из чайника теплую воду, Зоя ершиком отмывала грязь внутри бутылок, Лиза тряпкой протирала снаружи, а Люда ополаскивала водой из ковшика, это был завершающий этап. Когда мы погрузили ящики в машину, еще оставалось несколько бутылок, которые мы сложили между бутылками, горлышками вниз. Я посадил Таню с Катей в кабину, и мы поехали в магазин.

Продавщица и удивилась, и обрадовалась, когда увидела машину. Удивилась – что так быстро, обрадовалась – что ящики ее вернулись. Шустро прощупывая пальцами горлышко каждой бутылки, некоторые она выкладывала из ящика. Бракованных было очень много, ящика два. Осматривая эти

бутылки, мы действительно находили совсем незаметные для глаз сколы.

Она распорядилась, чтобы мы перетаскали ящики в склад. Закрыла его на замок. Пошла в магазин, мы за ней. Продавщица положила бумажку, на которой что-то отмечала, когда считала бутылки, стала перекидывать костяшки на деревянных счетах.

– Так, ребятки. У вас было 82 бутылки по 17 копеек, и 85 бутылок по 12 копеек. Всего получается 24 рубля 14 копеек. Что будете брать?

– Пять бутылок вина и пять бутылок водки. Хватит денег? – спросил я.

Продавщица усмехнулась, прикинула на счетах, ответила: «Да, даже останется».

– На остальное консервов, каких-нибудь, вон, скумбрии.

Через некоторое время на прилавке стояли пять бутылок водки Пшеничной, пять бутылок вина «Агдам», лежали две рыбные консервы. И сдача – сорок три копейки.

Девчонки смотрели на меня, я на бутылки. Продавщица тоже молча посмотрела на нас, и под прилавком нашла пустой бумажный мешок из-под лапши, подала. Я аккуратно сложил все в мешок, и мы пошли из магазина.

В машине девчонки набросились на меня. Таня возмутилась:

– Ты что, сдурел? Как мы все это выпьем?

– Слава, ты не жениться собрался?

– Катя, я же женатый, трое детей, ты знаешь. А ты, Таня, не пей, кто заставляет-то? И кто сказал, что мы все это залпом должны выпить? Еще неизвестно, когда Толя появится. Он еще два дня назад должен был приехать. А работу мы сделали. По подсчетам Екатерины, план они по пуху сделают. Еще вопросы?

– А раньше нельзя нам уехать?

– Раньше надо было, когда я спрашивал, в первый день. А теперь все вместе поедem. Или не поедem, водку будем пить. Тоже вместе. Только никому не говорите, сколько чего взяли. Выложим немного, остальное спрячем, в кабине.

– А почему ты именно по пять бутылок взял, и вина, и водки?

– А черт его знает. Когда вы мыли и складывали бутылки в ящики, я подумал: «Это ж надо, сколько добра под ногами валяется! Каждый ящик – бутылка!» Так и засело в голове.

Когда мы подъехали к стоянке, ребята уже закончили работу, умывались. В казане что-то варилось. Глаша объявила: «Ужин будет готов через пятнадцать минут!»

Подошла Екатерина с довольным лицом: «План выполнен, даже с лишком. На три килограмма».

Я крикнул: «Ребята, план выполнили, ура!» Все стали размахивать руками, кричать, выбежали на улицу те, кто были в доме. Девчонки окружили Екатерину с Леонидом, организовали хоровод: «Поздравля-ем! Поздравля-ем!». Сынишка жался к смущенной матери, ничего не понимая, две собачонки тоже бегали, прыгали и махали хвостами.

Когда хозяйева стоянки закрыли сарай и довольные пошагали домой, Глаша всех позвала за стол. Все дружно откликнулись на ее призыв. Я сходил в машину, принес и поставил на стол две бутылки водки и две бутылки вина: «Лиза, пока чай не разливай, стаканы нужны будут».

Дальнейшее, думаю, не стоит описывать подробно, взрослые и так знают и представляют, а молодые (если будут читать эти строчки) и не должны знать. Ведь мы боремся с пороками общества?

Только скажу, что утром во вчерашнем бумажном мешке оставалась только одна банка консервов, спрятавшись на дне мешка; курсанты, в том числе и повара, в назначенное время завтрака спали. Немудрено, спать-то мы легли уже под утро. А у меня дурацкая привычка: во сколько ни лягу, хоть в десять, хоть в три, всегда просыпаюсь в одно и то же время. Проснулся, вышел осторожно, хотя это было лишнее. По-моему, их сейчас и пушкой не разбудишь. На пороге оглянулся. Эх, если бы кто-нибудь поспорил со мной, несколько дней назад, я бы сегодня ящик шампанского выиграл. Был бы фотоаппарат, можно было бы сфотографировать. На память. Нет, не надо. А то потом, всю жизнь, жены и мужья будут пилить своих половинок, моих бывших, ни в чем невиновных курсантов.

Глава 18.

Новый рабочий день начинался тяжело. Я вынес из маленького домика ковшик с водой, попил, стал

умываться, поливая рукой воду из ковшика на ладонь другой руки. Появились хозяева стоянки, в том же составе.

Поздоровались, Леонид говорит: «Сосед утром встретился, у него стоянка за нашей, недалеко. Говорит, зуб разболелся. Терпел, терпел, а лекарства нет, уже под утро, говорит, не вытерпел, домой пошел. Мимо твоей стоянки прохожу, а там песни поют, да так громко. Пока шел, почти до дома было слышно. Веселые, говорит, твои студенты».

– Да мы репетировали, – говорю. – Обещали в клубе концерт дать, вот и пели допоздна, теперь спят.

– А когда концерт? – спросила Екатерина.

– Завтра.

– А-а, а я даже не слышала, у меня сестра завклубом, она мне ничего не говорила.

Я ничего не ответил, пошел в сторону. Голова болит, еще эти разговоры...

Только к обеду мы все собрались за стол. Глаша сварила кашу, но шла она плохо. Все сидели хмурые, молчали, швыркали чай.

Открылась дверь, зашла девочка, лет пятнадцати, в руках у нее была сумка. Поздоровалась, сказала:

– Я список принесла, меня тетя Варя послала. Кому передать?

– Какой список? – спрашивает Глаша.

– У кого сколько коз. Ну, которых вычесать надо.

Михаил говорит: «Ты, девочка говори толком. Чего хочешь?»

– Я Валя, учусь в девятом классе. Моя соседка, тетя Варя, попросила меня походить по селу, по пенсионерам, поспрашивать, кому еще надо коз вычесать. Я дома все обошла, всех записала. Вот список.

– А ну дай, – попросила Глаша. Взяла листок из рук девочки, стала читать. – Тетя Варя – три козы, Дядя Андрей – пять козы. Не козы, а коз должно быть. С русским проблемы, Валя?

– Да, я там ошиблась, пропустила, не исправила. Дальше правильно будет.

Глаша продолжала: «Дядя Гена – четыре козы, дядя Афанасий – семь коз... Ну, здесь большой список... так... раз, два...пять...восемь... двенадцать, двенадцать человек. И всего 72 козы. Валя, мы ничего не понимаем».

Валя растерянно оглядела всех, сказала:

– Но вчера же ваш главный обещал, тетя Варя сказала. Он на машине был, около магазина.

Все посмотрели на меня. Только сейчас до меня стало что-то доходить. Я поднялся. Попросил бумажку у Глаши, взял, сел и стал рассматривать. Красивым школьным почерком тетрадный листочек был исписан почти до конца. Да, здесь были имена. Тех бабушек и дедушек, пенсионеров и немощных, видимо, о которых говорила мне вчера женщина около магазина. Тетя Варя, значит, ее зовут. И количество коз у каждого. Внизу, крупными буквами выведено «Всего 72 козы».

На мне, наверно, был жалкий вид. И все на меня смотрели с непониманием. Я посмотрел на девочку: «Девочка, иди домой».

– А что тете Варе передать, ждать вас?

– Передай – да, я приеду, переговорю с ней.

– Хорошо, я пойду. А вот это она велела отнести вам.

Она подняла с пола сумку, вытащила из нее двухлитровую банку с мутноватой прозрачной жидкостью, поставила на стол.

– Ладно, я пойду. Тетя Варя живет рядом с магазином, спросите. До свидания. Ой, чуть не забыла. Они все согласны.

– С чем – согласны? – спросила Глаша.

– Одну козу за одну бутылку вычесать.

Когда за девочкой закрылась дверь, все молча смотрели на меня. Я сидел и улыбался: «Надо же, до таких лет дожить, и чувство юмора не нажить!» Я имел в виду тетю Варю.

– Но я же пошутил! – в сердцах сказал я. Рассказал вчерашний разговор с женщиной около магазина, спросил: «Что будем делать?»

Никто не ответил, Михаил пододвинул банку к себе, снял пластмассовую крышку, взял свой стакан. Допил остаток чая в нем, налил полстакана содержимого из банки, выпил, сказал:

– Хорошая вещь, только много нельзя, башка трещать будет.

Глаша спросила:

– А что это?

– Наша арачка местная, спиртной напиток, из молока гонят, – сказал Гена и потянулся за банкой. – Посмотрим, качественная, или нет.

– А что делать, Слава, – сказал Михаил. – Ехать надо, ведь ты обещал. Бабушки ждут. Вернее, их козы.

Менее чем через час девочка Валя показывала дома, где живут дяди и тети, указанные в списке; мы распределялись, как в военных фильмах, нападая на врага: кто и с кем идет направо, сколько и кто налево, а кто – прямо. И заработали по дворам руки с чесалками, и заблеяли жалобно козы...

Когда мы закончили работу и все собрались у машины, уже темнело. Хотя мы и договорились, что у хозяев не будем ничего брать, все что-то несли: вареное мясо, хлеб, молоко или сливки в банке, вареные яйца в платочке... У парней пузырились фуфайки, вряд ли там прятались хлебные буханки. Думаю, отказывались наши курсанты, как и договаривались, но отпустят ли у нас просто так...

Мы возвращались с победой: враг был разбит.

Дальнейшее опять без слов, опять утро, опять сожаление, что со мной не поспорили. Было бы уже два ящика шампанского.

Анатолия мы уже не ждали, что, других забот у нас нет?

Снова, почти до обеда, спали после бессонной ночи курсанты. Только около казанов тяжело шевелились Глаша с Лизой. Надо что-то готовить. То ли к завтраку, то ли к обеду. Я вожусь с большими швырками дров, колю их на мелкие полешки.

Подошла Екатерина: «Я Светке сказала. Она говорит, звонили ей по телефону, на днях. Только говорит, попозже должны были приехать. Я про концерт».

– Про какой концерт? – спрашиваю.

– Про ваш, который сегодня. Она уже афишу повесила, написала быстро. Ребятишкам сказала. Да у нас и афиша-то не нужна. Ребятишкам скажешь, они пробегут по деревне, всем скажут. Думаю, сейчас вся деревня знает.

Этот разговор слушают и Лиза с Глашей, но они и ухом не ведут, не вслушиваются, у них своя работа. А у меня волосы дыбом, шапка на голове встала, наверно, прибить надо, чтобы не упала! Срочно в деревню, в клуб! Отменять концерт. Какой концерт?! Я вчера ляпнул опять, и опять забыл! Сказал, что к концерту готовимся, поем ночью. Ладно, Екатерина не поняла, а завклубом? Она то?! Видимо, что-то не слышала, когда ей звонили. Иногда, бывает, звонят артисты в село, предупреждают, что приедут с концертом и просят афишу повесить. Вот она и... Я направился к машине, ехать... Потом остановился. А что я скажу? Народ она уже предупредила... Отменять... Виноват-то я. Кто сказал: «Язык мой – враг мой!»? Гений!

Я подошел к Екатерине. Спросил: «Афиша уже висит, говорите?»

– Да, висит.

– А во сколько концерт?

– В пять. А вы, разве не сами сказали Свете, что в пять? – удивленно спросила Екатерина.

– Да я так, уточнить, – ответил я обреченно и пошел в сторону.

Я зашел в избушку. Будильник показывал 12 часов тридцать две минуты. До концерта оставалось четыре часа двадцать восемь минут. Артисты намечаемого концерта этого не знали. Они крепко спали.

Выйдя на улицу, я старался быть спокойным, хотя всего трясло, подошел к девочкам: «Когда будет готов завтрак?»

Лиза улыбнулась: «Обед. Уже почти готов. Суп харчо, на второе рис с тушенкой».

– Глаша, труби подъем, надо быстро всех покормить. Нас ожидает трудный день.

Девочки удивленно посмотрели на меня: неужели опять в деревню, остались козы нечесаные?

Когда все поели, не выходя из-за стола, я сказал: «Ребята, скоро Толя приедет. Какое у него мероприятие, вы сами знаете. Хотелось бы ему что-то подарить. Денег у нас нет, сами знаете. Я договорился с завклубом, сегодня мы дадим концерт жителям села».

Если бы вдруг разбилось окно, и в избушку запрыгнул пингвин, все удивились бы меньше.

– Какой концерт, Слава, ты в своем уме?

– Мы, что артисты, что ли?

– В таком одеянии, в фуфайках?

– И что исполнять мы будем, у нас номеров нет!

– У нас и музыкального сопровождения-то нет!

Эти и другие возмущения продолжались долго, но потом, наконец, закончились, все немного успокоились. Ждали, что я отвечу. Но ответил не я, а Михаил. Он снова выручил.

– А что, мне идея эта нравится. Одежда, ну что – одежда. Что, вы в туфельках на высоких каблуках приехали что ли, на ческу? Поймут люди. Что на нас есть, в том и выйдем. Думаете, их сильно артисты балуют? Село небольшое, людей мало, конечно, и

выручка-то никакая будет. Раз в год заедет кто-нибудь, с захудалым концертом, и то для людей радость. А Толю надо поддерживать, что-то долго его нет, может, что-то не ладится. У нас сватовство – это комедия какая-то, пока всех объедешь, пока всем в ноги не упадешь... Отменять это давно надо, безобразие. А что до репертуара, я на себя песни три беру.

– Мы несколько песен сможем спеть, – немного подумав, сказала Катя. – Да, девчонки?

– Да конечно, – несмело ответила Глаша.

– Да выкрутимся как-нибудь, в первый раз что ли, – улыбнулась Надя.

– Но вот и ладно, – повеселел я. – Тогда так. Приводите себя в порядок. Набросайте, какие номера можем показать. В деревню приедем, знакомые же есть, одежду поищите, думаю, найдется что-нибудь. Это девочек касается. Выпросите помады там, красок, на лицо, чтобы...

– У меня все есть, – сказала Люда.

– Вот и хорошо. Музыкального сопровождения не будет, искать гармошку или баян не будем, не успеем отрепетировать. Будете так и петь, только голосом, как эти ночи пели. Даже в деревне, говорят, было слышно. Все, собирайтесь, до концерта остается три часа и тридцать девять минут!

Через сорок пять минут артисты в кузове старенького автомобиля «ГАЗ-51» заезжали в Большой Яломан.

Около клуба мы остановились. Девчонки побежали по домам, парней я тоже послал к знакомым,

пусть поспрашивают одежду. Клуб был закрыт. На щите, рядом с клубом, висела афиша. Я подошел поближе. На белом листе бумаги большими буквами, кисточкой было написано: «Концерт». И ниже, маленькими: «Вход 20 копеек». И еще ниже, но уже фломастером «Детский 10 копеек». Ясно, на щите дописывали.

Наверно, увидев, что к клубу подъехала машина, появилась молодая девушка. Видимо, Света.

– А мы вас через неделю ждали, я даже не ожидала.

Времени, объясняться не было, да и смысла тоже.

– Да так получилось. У вас не найдется, Светлана, картон, краски?

– Найдем, а для чего?

– Да вещь одну сделать, для номера, где-то в другой машине осталась.

Нужно было сделать один предмет. Для сценки, старенькой. Я ее вспомнил и решил сделать, на стоянке погрузил в машину несколько кирпичей, которые лежали около дома. И теперь нужен был картон, кисточка, клей и краски.

Клуб был маленьким, невысокая сцена была покрыта деревянными досками, стена за сценой была красиво украшена светлым материалом. Тяжелые шторы с двух сторон заменяли занавес, справа, за сценой, был вход в небольшое помещение. Гардеробная, где артисты готовятся, надо полагать. Над сценой висели две лампочки, я щелкнул выключателем, загорелась только одна. «Пойду домой, принесу – перегорела», – сказала завклубом и пошла к выходу.

В зале было рядов семь-восемь стареньких кресел со спинками и несколько рядов простых скамеек, сбитых из досок.

Начали появляться первые зрители. Это были ребяташки. А до начала концерта еще больше часа. Стали подтягиваться и наши артисты.

Мы закрыли занавес, и стали репетировать сценку на сцене. Я объяснял парням, что и как делать. Подошла Глаша:

– Завлубом говорит, можно уже билеты продавать.

И смотрит на меня. Хорошо, хоть не спросила, где у меня билеты.

– Слушай, Глаша, – говорю. – Будешь стоять на входе. Будешь первым в мире билетером без билетов. Как будешь объяснять, что билетов нет, не знаю. Сама думай. Но деньги собирай.

– А по сколько собирать?

– На афише посмотри, на улице. Я уже забыл. Вперед!

Через некоторое время слышу, через занавес, голос Глаши:

– Десять копеек, ребяташки, кидайте сюда, в мешочек. Приоткрыл занавес, смотрю, Глаша обходит ребяташек; они кидают, видимо, уже подготовленные медяки по пять копеек в ее, вернее, Надин мешочек (я узнал). Глаша подходит к женщине с ребенком, сидящей в первом ряду: «С вас двадцать копеек, ребенок бесплатно. Билеты? Билеты позже привезут, завтра. Надо будет, заберете. В клубе». Как бы мне сквозь землю не провалиться...

За двадцать минут до концерта все сидячие, как говорят, места, были заняты. А народ все шел и шел. У

меня застучало в висках. Гул заполняющегося людьми зала становился все громче и громче. Я изредка поглядывал через щель занавеса в зал. Усевшие на первые ряды ребятишки были согнаны, на их местах сидели взрослые дяди и тети. А ребятишки сидели на полу, уже заполнив пространство между сценой и первым рядом кресел. В зале сидели и пожилые, и совсем старые, и молодые, и ребятишки, которых было больше всех. Наверно, все жители Большого Яломана пришли на концерт. По всему телу у меня пробежала дрожь.

Нужно было начинать. Роль ведущего я взял на себя. А что делать? Я предупредил, что пока я буду начинать, за закрытыми кулисами, все должны выстроиться на сцене. Первую песню поют все.

Все, впереди у нас следующий бой! Как он сложится?

Пройдя к середине сцены, я раздвинул две половинки занавеса, шагнул вперед и закрыл их за собой. Все захлопали.

Я знал, что такое сцена, всегда любил участвовать в различных культурных и других мероприятиях, особо не волновался, когда приходилось выступать перед людьми. Но тут у меня пересохло во рту, ног я не чувствовал, они были как ватные, руки дрожали, а сердце готово было выскочить из груди. Я хотел произнести первые слова, но звук не вылетал из горла. Я повторил громче.

– Дорогие наши...

Я замолчал, пауза была вызвана тем, что я начал вспоминать, как нужно называть людей с одной деревни. Потом плюнул на это.

– Дорогие наши односельчане! Сегодня наш коллектив, парни и девушки знаменитого Ининского училища номер пять, из группы номер... второй группы покажут вам свой концерт. Итак, встречайте!

И захлопал в ладоши. Занавес стал открываться. Мы договорились, что две девушки, которые будут стоять с краев, раздвинут свои половинки занавеса.

Люди продолжали хлопать, это было кстати, так как не все парни успели встать к остальным.

Я прошел к краю сцены, объявил: «Исполняется песня «Деревенька моя». И пошел за кулисы.

Только теперь я мог посмотреть на артистов. Я их не узнал! Как нас много! Наши курсанты стояли в четыре ряда. Спереди, в первом ряду, шесть человек, в середине наши красавицы, Надя с Людой, во втором ряду, в середине, парни, с краев девушки, и так же в остальных рядах. Девушки были в красивых платьях. Кто-то в сером платье, кто-то в зеленом, кто-то в белом, может, даже свадебном. Девушки, стоящие впереди, были в капроновых чулках и красивых туфлях. А как изменились лица девчонок! Я их еле узнавал. Губы были накрашены красной помадой, глаза подведены, в общем, настоящие артисты!

Деревенька моя, деревянная, дальняя,
Смотрю на тебя я, прикрывшись рукой...

Сначала несмело, только голосами нескольких девчонок, но потом все смелее, подхваченные и парнями, хор певцов становился все громче и громче, и уже не вмещался, казалось, в этом небольшом клубе. А я стоял и любовался нашими девчонками.

Но и что, что на них были разные платья, в этом наоборот, был какой-то свой шарм. Молодцы, размышлял я, поставили ребят в рабочих штанах в середину, окружили наряженными девчонками, с красивыми прическами на голове. И не беда, что у кого-то из девчонок летние туфли, а у кого-то, рядом, зимние сапоги. Зато красивые, импортные.

... Деревенька моя, деревенька колхозница...

Люда вышла вперед, движением руки показывая на сидящих людей, как бы обращаясь к ним, что эти слова относятся и к ним, простым труженикам села.

Я залюбовался, даже забыл объявить вторую песню. Хорошо, люди хлопали долго, а я судорожно вытаскивал и смотрел в свой листок – шпаргалку. Вышел и объявил следующую песню: «Ой, мороз, мороз!»

И эта песня была принята очень хорошо. Снова аплодисменты.

Потом вышел Тыдыков Николай. Он читал стихи Маяковского о паспорте. Он читал выразительно, жестикулируя руками.

... Я вынимаю из широких штанин...

Николай делает движение, что как бы достает паспорт из кармана. Штаны у него действительно широкие, только местами висит на них козий пух. Девчонки не доглядели. Но ничего, не такая большая промашка. Зато шляпа шикарная, как у Маяковского, с ними даже эти штаны смотрятся неплохо. Где-то достали ведь шляпу.

Следующим номером несколько девчонок и парней, в более строгих одеяниях поют революционную песню.

Неба утреннего стяг

В жизни важен первый шаг...

Лица у них серьезные, слова, как пули, вылетают быстро и звонко. Но другого и быть не может. Потому что

... И Ленин такой молодой,

И юный Октябрь впереди!

Когда стихают аплодисменты, я выхожу и читаю Маяковского. Отрывок из поэмы «В.И. Ленин».

Время, начинаю про Ленина рассказ...

Я начинаю читать тихо, но потом все громче и громче. Нет уже дрожи в теле, появляется уверенность, под громкие аплодисменты заканчиваю:

...Ленин и теперь, живее всех живых,

Наше знамя, сила и оружие!

Разумеется, горячие аплодисменты. Ленин – наше всё!

Потом вышел Михаил. Он спел известные нам песни про счастливого папашу и Кольку Снегирева. Было бы слышно, если бы муха пролетела, когда он пел, как мчались на машинах по Чуйскому тракту Колька Снегирев и Рая, но сейчас март месяц, и мух нет пока. Михаила не отпускали, все просили еще раз про Кольку спеть. Я успокоил зал, что он обязательно споет, в конце. А сейчас другие артисты выходят.

А это были Амургушев Саша и Соколов Коля. Начинается сценка. Дело происходит на строительной площадке. Два строителя ходят по сцене, начинают что-то мерить, планировать. Таскают кирпичи и, каждый на своей стороне, начинают

строить. И начинают воровать кирпичи друг у друга. Ссорятся, один набрасывается на другого, тот убегает. Первый исчезает за кулисами и прибегает с кирпичом. Разбегается и с размаху кидает в коллегу. Кирпич не попадает в строителя, потому что тот резко падает на землю, и кирпич летит в зал, к зрителям... Зрители, в которых летит кирпич, кричат и вылетают из своих кресел. А кирпич мягко приземляется на пустое кресло. Он бумажный. Вот почему мне были нужны картон и краски. Зал долго не может успокоиться, те, кто сбежали со своих мест, виновато улыбаясь, рассаживаются на свои места. А картонный кирпич еще долго летает по залу над головами зрителей. Они перекидывают его друг другу. Пока зрители успокаиваются, часть коллектива хора, только женская, снова заполняет сцену. Они поют песни «Виновата ли я», «Ой, цветет калина», «Вот кто-то с горочки спустился». Да, перебор вышел. Песни все страдальческие получились. Все про любовь девичьи, да неудачные. Вернее, не очень веселые. Но что это:

... Зачем в колхоз он к нам приехал,
Зачем нарушил мой покой?

Надо было хоть какой-нибудь другой песней разбавить. Но зал понимал, сочувствовал, подпевал.

Потом Ваня Ничков борьбу нанайских мальчиков показал. На сцене борются маленькие ребяташки, в шубах, в шапках, подножки друг другу ставят, приподымают друг друга, а в конце один высоко подкидывает вверх другого, и оказывается, что это один человек. На него одели две куртки, на

спину приладили две шапки. Особенно этот номер понравился ребяташкам. Они долго хохотали.

Перед каждым номером я что-то рассказывал, комментировал, подражал Игорю Тодошеву, отпускал в зал шутки. Волнения, как в начале концерта, как не бывало.

Как и обещал, выпустил Михаила во второй раз, он снова спел – рассказал про Кольку Снегирева.

Потом Надя Васильева и Люда Мандаева показали алтайский танец. Музыкальным сопровождением была песня о том, как при появлении на небе вечерней звезды собирается на селе молодежь, которую пели остальные девочки, стоя у кулис. Надя с Людой плавно передвигались по сцене, руками проделывая красивые движения, наклоняясь из стороны в сторону. Засмотришься. Девочек проводили со сцены теплыми аплодисментами. Глаза парней в зале так и горели.

И вот последний выход на сцену нашей артистической банды. Пока все выстраивались на сцене, я рассказывал о том, как все люди района, в том числе и наше училище, помогают совхозам области выполнять план по пуху. И показываю на Люду, на плечах которой накинута белая пуховая шаль. Сам хвалю девчонок мысленно, что догадались этот платок у кого-то взять. Говорю, что сейчас прозвучит песня про пуховый платок, которую исполняет Людмила Зыкина; про платок, возможно, связанный из нашего алтайского пуха. Хор запел:

В этот южный неласковый вечер...

В песне пелось о том, что дочь вяжет платок, чтобы подарить его матери.

Я его вечерами вязала,
Для тебя, моя добрая мать.
Я готова тебе, дорогая,
Не платок, даже сердце отдать...

И тут выходит на сцену какая-то старушка, идет мимо меня, из примерной. Думаю, кто-то из жителей, слово сказать хочет. Но тут Люда идет навстречу, снимает с себя платок, одевает на бабушку и обнимает ее.

И тебя моя мама согреет
Оренбургский пуховый платок...

Бабушка идет обратно, я смотрю – Глаша! Одеда чью-то фуфайку, покрыла голову невзрачным платком... Во девки, во дают! Гениально! Слезу прошибает.

Даже забыл, что следующий номер объявлять надо.

А следующая песня была в тему: «Подари мне платок».

После песни я вышел на сцену, стою, жду, когда аплодисменты закончатся. А люди хлопают и хлопают. Людей набилось полный зал, даже в проходе стоят. И из проема дверей выглядывают.

Особенно высокий мужчина энергично хлопает. Пригляделся, а это Толя. Анатолий Анчин, наш мастер. Стоит, улыбается и хлопает в ладоши.

Дальше пошла импровизация, как говорят. Хотя в нашем концерте – что не импровизация?

– Дорогие зрители! – говорю. – А теперь я вам представляю руководителя нашего коллектива, мастера группы Анатолия Николаевича Анчина!

И тут как заорут наши курсанты: «Ура!»

Я приглашаю Толю поближе, к сцене. Пока он смущенно идет по залу, продираясь сквозь толпу

людей, я лихорадочно думаю, какую же песню ему подарком преподнести. Какую мы сегодня не пели?

Анатолий подошел и встал около сцены. Я говорю:

– Дорогие товарищи! Только благодаря Анатолию Николаевичу, его грамотной организации нашей работы, мы смогли за короткое время вычесать всех коз на стоянке Леонида и Екатерины Адариных. – Показываю на них, они сидели в середине зала. Продолжаю. – И сегодня они первыми в совхозе закончили ческу пуха. И выполнили план! Поздравляю!

Все захлопали в ладоши. Я продолжал:

– И я хотел бы, дорогие товарищи (тут я вспомнил отца Нади Васильевой: не его ли слова?), объявить, что у Анатолия Николаевича создается семья, и мы хотим сделать ему подарок, спеть ему пе...

И тут чувствую, кто-то меня в бок толкает. Обращиваюсь, Глаша стоит, уже без фуфайки, мне в руки сует какую-то красивую коробку. Шепчу ей в ухо: «Что это?» Она тоже тихо отвечает: «Подарок, Толе. Чайный сервиз». Что-то расспрашивать некогда, беру коробку, повернувшись к залу, торжественно завершаю.

– ... Вручить ему подарок от нашей группы, пусть будет у него много детей, как и чашек в этом сервизе!

Все хлопают в ладоши, я подхожу к краю сцены, вручаю Анатолию коробку, и объявляю: «И обещанная песня, песня «Огней так много золотых».

По-моему, находящиеся артисты на сцене несколько не удивились: «Огни», так «огни».

Посмотрели друг на друга, улыбнулись и запели.

Огней так много золотых
На улицах Саратова,
Парней так много холостых,
А я люблю женатого...

И тут Люда идет к Анатолию, в зал, берет его коробку, кладет на край сцены и начинает с ним танцевать танго. А из хора тоже выбегают несколько девочек, и приглашают мужчин на танцы. Те смущаются, смотрят по сторонам, на своих жен...

... Ох, рано он завел семью!
Печальная история...

Жены косятся на наших девушек, они, немного потанцевав с чужими мужьями, возвращают их женам, поднимаются на сцену и завершают песню. Но мы это не репетировали! А что мы вообще репетировали?

В зале все громко хлопают и встают, кто-то что-то кричит.

На сцену выходит завклубом, Светлана. Но зал хлопает и хлопает. Наконец немного успокоилось, она говорит:

– Дорогие артисты! Концерт очень хороший. Номера очень грамотно подобраны, песни и патриотические, и лирические, и юмор есть. И ведущий понравился, добрый и веселый. Приезжайте к нам еще, большое вам спасибо!

Все захлопали, наши на сцене закричали: «Ура!» Кто-то крикнул: «Качать ведущего!» Не успел я опомниться, как меня подхватили руки и стали подбрасывать вверх. Вас никогда не подбрасывали так?

Меня – нет. Ощущение, я бы сказал... Летишь вверх, потом вниз, думаешь: «Поймают, нет?». Но десятки рук ловят, и опять вверх. Я что-то ору, но себя не слышу, потому что орут все, и здесь, на сцене, и там, в зале. Только замечаю краем глаза, что к подбрасывающим присоединились и Светлана, и Анатолий... Меня возвращают в вертикальное положение, я обнимаю всех артистов, обращаюсь к артисткам: «Эх, девчонки, как жалко, что я женатый!».

Курсанты, или артисты, или жулики (я уж не знаю, мы кто) были так возбуждены, что, даже вернувшись на стоянку, собираясь за столом, рассказывали, перебивая друг друга.

– Я в магазин бегала. Отдала деньги в мешочке, там же одна мелочь, и купила подарок. Иду в клуб, смотрю, – рассказывает Глаша, – стоит старая бабушка в фойе, уже домой собирается. Я слышу, вы про платок запели. И тут как я сообразила, веду бабушку в гримерную, раздела ее...

– Я должен в тебя кирпич кинуть, – возбужденно рассказывает Саша Амургушев Коле Соколову. – Почему, думаешь, я на второй круг-то пошел? Взял кирпич, сейчас я должен его кинуть, мимо тебя, в зал. Только хотел размахнуться, смотрю, а у меня кирпич-то, настоящий, кирпичный! Я снова по кругу, за тобой, потом за кулисы, за тем кирпичом, картонным...

– Но ты даешь, Сашка, там ведь дети были.

– Но в том-то и дело!..

Когда все собрались ужинать, Анатолий с довольным видом вытащил из сумки бутылку коньяка, бутылку водки и бутылку вина.

Но все от них носы воротят, даже не смотрят. Анатолий удивляется, говорит: «Да не смущайтесь вы меня. Я же знаю про ваши посиделки, в общаге. Николай, разливай». Тот отвечает: «Не, я не пью». Анатолий посмотрел на меня. Я мотнул головой, отрицательно.

– А что – посиделки? – отвечает Михаил. – Мы там песни пели, общались, каждый про себя рассказывал. Водку не пили, как можно? Девочки же совсем! Коз вычесать – пожалуйста, сделаем. Споем, если надо, спляшем, на худой конец. А это – нее, даже смотреть не можем. Мы вон, три ночи подряд репетировали, почти до утра. Целый день с козами обнимаемся, а ночью репетиция. Устали очень, хочется поспать нормально. Так что, Анатолий Николаевич, спрячь эти... Вот когда закончим училище, тогда напьемся. Да, девочки?

Они, наконец, улыбаются, а то, сколько можно сдерживаться, чтобы не засмеяться...

На следующий день неслась мимо небольшой деревни Большой Яломан старенькая машина, «ГАЗ-51», а в кузове, на матрацах сидели вперемежку, обнявшись, парни с девушками, и раздавалась на всю деревню их песня:

... Тебя называют по имени-отчеству
Святая, как хлеб, деревенька моя...

Услышат ли когда-нибудь Большой Яломан и его окрестности вновь эту песню, увидят ли жители этой деревни вновь на сцене деревенского клуба этих веселых девчат...

Глава 19.

Уж не знаю, что там случилось между Анатолием, мастером нашей группы и директором училища, но какая-то кошка между ними пробежала, как говорят.

Мир не без добрых людей. Но и не без злых. В данном случае не без ябед. Откуда-то дошло до директора, что Толи на стоянке не было. Вызывает меня директор училища, в первые дни после нашей поездки в Большой Яломан, к себе в кабинет.

– Молодцы, хорошо работали, директор совхоза звонил. План выполнили. Проблемы были какие?

– Да вроде не было больших.

– Анатолий Николаевич-то все время на стоянке был?

– Да почти и не был, – говорю. То чесалки поехал искать, в деревню, то муку надо отвозить, хлеб-то нам одна женщина пекла, то в магазин, то матрацев не хватает, то посуды, то дня два сам ездил, дрова готовил, в лес. Дров-то на стоянке нет, так вот он наготовил целую машину, валил сухостой вручную, бензопилы-то нет у нас...

Он меня быстро отпустил. Только в конце сказал: «Я тебя пригласил-то вот по какому поводу. Опять вызов пришел. Уже письмом, к нам, в училище. Из техникума, на сессию».

– Это я адрес дал.

– Правильно. Езжай, ты у нас успевающий.

Но я знал, каким была действительная причина вызова меня к директору. К нему пригласили еще

Таню Адатову и Галю Малкину. Заводили по одной. Потом девчонки рассказывали, что директор задавал только один вопрос: был ли Анчин на стоянке, не отлучался ли на несколько дней. Девчонки говорили: нет, не отлучался. Директор стыдил, говорил, как им не стыдно обманывать. Они пожимали плечами, стояли на своем: да был он на стоянке, был, никуда не уезжал. Больше к директору никого не вызывали.

Только как-то рассказывала Катя Башпакова, о чем говорила ей ее родственница, которая работала в училище. Было у них собрание, или что-то вроде этого, и зашла речь о выставлении группам оценок или баллов за поведение. Ясно, у нас показатели эти не очень. К образцовым нашу группу никак не отнести. Так директор заступился за нашу группу, сказал хорошая группа, дружная.

Иногда ждешь какое-нибудь событие, думаешь, как это долго будет тянуться... Но потом смотришь – раз, и пролетело оно.

Как мы волновались, когда собирались на стоянку, на ческу пуха, думали, едем надолго, а оно, это время так быстро пролетело, что мы даже удивились.

Как мы переживали с Толиком, что учеба в училище будет долгой и нудной. Но учебный год тоже пролетел быстро, даже не заметили. Правда, я не заметил, один, уже без Толика. Два раза на сессию ездил, в Бийск, на Новый Год поехал в Улаган, съездили на ческу пуха, немного поучились, и все, – учеба закончилась.

Мы вечерами и ночами сидели над книжками, учили билеты, волновались, сдавали экзамены, радовались. И все, и это прошло. Как все быстро проходит.

И вот, мы сидим на последнем занятии, даже не на занятии, а скорее, собрании. Николай Иванович, руководитель нашей группы, говорит:

– Вот и закончились, дорогие мои, ваши учения-мучения. Предметы, что в училище мы вам давали в течение года, сданы. Но остается еще один шаг. Последний. Завтра к нам едет из Горно-Алтайска представитель ГАИ. Он будет принимать у вас экзамены по вождению и вам выдадут удостоверения водителей. Если сдадите, конечно. Он приезжает на Кош-Агачском автобусе, который выезжает из города в семь часов. У нас он будет примерно в час дня. Надо будет его встретить. Желательно, чтобы его встречали девушки.

Стахнев окидывает взглядом группу, видит недоуменные взгляды, улыбается:

– Настроение у сотрудника должно быть приподнятым. А что, или кто его может приподнять? Совершенно правильно, наша женская половина. Ну, красавицы, кто парню из ГАИ будет глазки строить?

– Да хоть кто, это наша профессия, – выкрикивает Глаша.

– Да мы все будем, окружим его, такие глазки начнем строить, он из ума выживет, дар речи потеряет, всем права выпишет, – говорит Катя.

К вечеру следующего можно было наблюдать такую картину. Учебный кабинет училища. На

столе стол ломится от всякой еды, стоят какие-то бутылки, около стола суетятся Глаша с Лизой. На другом столе Таня Адатова заполняет водительские удостоверения. Рядом стоят Катя Башпакова и Люда Мандаева. За столом сидит молодой старший лейтенант в милицейской форме. Лицо его чуть покраснелось, он что-то отмечает в своих бумагах, говорит: «Только не ошибитесь девочки, и имена, и фамилии должны быть без ошибок. Проверьте, чтобы в каждое удостоверение был вложен талон предупреждений. Проверьте. Хорошо фотографии приклеили? Вот печать, ставьте, чтобы и фото прихватить. Посмотрите, как в моем удостоверении. А почему вы отказываетесь удостоверения получить?»

– А мне зачем, – прерывает запись Таня. – Я все равно не буду шофером работать.

– Я тоже, – говорит Люда.

– Ваше дело, – отвечает милиционер. – Значит, из двадцати восьми человек четверо отказались. Дело хозяйское. Ладно, вот, ведомость, раздавайте водительские удостоверения, пусть расписываются. Шоферов в области сегодня стало больше.

А еще на следующий день я садился в автобус. Через плечо у меня перекинута сумка, в одной руке у меня был мешок, в котором были зимние вещи, а в другой большой мягкий медвежонок.

Автобус увозил меня из этого села.

Прощай, Иня! Твои люди, скалы, мосты и Катунь останутся в моей памяти навсегда!

Прощай, училище, уже ставшее мне родным! Прощайте, преподаватели и работники! Спасибо

вам за ваши добрые сердца и желание всегда помочь!

Прощайте друзья, прощайте, мои милые девчата!

Встретимся ли еще, когда-нибудь?..

Отзывы, замечания и предложения прошу присылать
по адресу: jadaganov@yandex.ru

О С К О Л К И
3